

Berger, Olga

**Синтаксические термины в русском и чешском языках :
сопоставительный аспект (на материале выбранных терминов)**

*Синтаксические термины в русском и чешском языках :
сопоставительный аспект (на материале выбранных терминов)* Izdanije
prvoje Brno: Masaryk University Press, 2021

ISBN 978-80-210-9807-7; ISBN 978-80-210-9808-4 (online ; pdf)
ISSN 1211-3034 (print); ISSN 2787-9291 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/CZ.MUNI.M210-9808-2021>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/143729>

Access Date: 03. 03. 2024

Version: 20220902

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

#507

OPERA FACULTATIS PHILOSOPHICAE
UNIVERSITATIS MASARYKIANAE

SPISY FILOZOFICKÉ FAKULTY
MASARYKOVY UNIVERZITY

MUNI
ARTS

сказуемое

определение

podmět

предикат

согласование

předmět

přísudek

shoda

subjekt

дополнение

подлежащее

Синтаксические термины в русском и чешском языках:

сопоставительный аспект
(на материале выбранных терминов)

Ольга Бергер

**MASARYK
UNIVERSITY
PRESS**

BRNO 2021

KATALOGIZACE V KNIZE – NÁRODNÍ KNIHOVNA ČR

Berger, Olga

Sintaksičeskij termíny v ruskom i češskom jazykach: sopostavitel'nyj aspekt (na materiale vybrannyh terminov) / Ol'ga Berger. – Izdanije pervoje. – Brno : Masaryk University Press, 2021. – 141 stran. – (Opera Facultatis philosophicae Universitatis Masarykianae = Spisy Filozofické fakulty Masarykovy univerzity, ISSN 1211-3034 ; 507)

České a anglické resumé

Obsahuje bibliografii

ISBN 978-80-210-9807-7 (brožováno)

* 811.161.1 * 811.162.3 * 81'367 * 81'373.46 * 81-115 * (048.8)

– ruština

– čeština

– syntax

– oborová terminologie

– komparativní lingvistika

– monografie

811.16 - Slovanské jazyky [11]

Рецензировали: doc. PhDr. Zdeňka Nedomová, Ph.D. (Остравский университет)

prof. PhDr. Helena Flídrová, CSc. (заслуженный профессор

Университета Палацкого в Оломоуце)

© 2021 Masarykova univerzita, Olga Berger

ISBN 978-80-210-9807-7

ISBN 978-80-210-9808-4 (online ; pdf)

ISSN 1211-3034

<https://doi.org/10.5817/CZ.MUNI.M210-9808-2021>

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	7
1 Актуальность	7
2 Новизна и значимость работы	9
1 ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРМИНА. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ	12
1.1 Науки о термине	12
1.2 История русского терминоведения	14
1.3 История чешского терминоведения	16
1.4 Сопоставительное терминоведение	19
1.4.1 История возникновения и развития сопоставительного терминоведения	19
1.4.2 Принципы сопоставительного терминоведения	21
1.5 Термин в современном терминоведении	23
1.6 Свойства и признаки термина	26
1.7 Понятия «терминологическое поле», «терминология», «терминосистема»	33
1.8 Синонимия и вариантность терминов	36
1.9 Выводы	40
2 СЛОВСОЧЕТАНИЕ И СИНТАГМА В РУССКИХ И ЧЕШСКИХ ГРАММАТИКАХ	41
2.1 Словосочетание и синтагма в русской грамматической традиции ..	42
2.2 Словосочетание и синтагма в работах чешских и словацких русистов	48
2.3 Словосочетание и синтагма в работах чешских богемистов	49
2.4 Выводы	53
3 ТИПЫ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И СРЕДСТВА ИХ ВЫРАЖЕНИЯ, СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ	54
3.1 Синтаксические отношения и средства их выражения в работах русских русистов	56
3.2 Синтаксические отношения и связи в работах чешских русистов ..	60
3.3 Синтаксические отношения и средства их выражения в работах чешских богемистов	69
3.4 Выводы	73

4 ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ	78
4.1 Член предложения	79
4.2 Главные члены предложения	82
4.2.1 Подлежащее	82
4.2.2 Сказуемое	86
4.2.3 Единый главный член предложения	92
4.3 Второстепенные члены предложения	95
4.3.1 Дополнение	97
4.3.2 Определение	102
4.3.3 Приложение	106
4.3.4 Обстоятельство	107
4.4 Члены предложения, выделяемые отдельными авторами	113
4.4.1 Семантический субъект (субъектное дополнение, косвенный субъект)	114
4.4.2 Дуплексив (сказуемое определение, предикативный детерминант)	116
4.5 Выводы	118
ОБЩИЕ ВЫВОДЫ	121
SUMMARY	124
RESUMÉ	129
БИБЛИОГРАФИЯ	134
Список сокращений	140
Список таблиц	141

ВВЕДЕНИЕ

Данная монография является несколько переработанным текстом диссертации *Сопоставительный анализ выбранных синтаксических терминов в русском и чешском языках*, защищенной в 2019 году. Представленная работа может помочь студентам и преподавателям при изучении грамматических тем. Как известно, лингвистическая терминология является частью метаязыка лингвистики, поэтому ее изучение является несомненно актуальным. При работе с грамматическим материалом преподаватели активно пользуются устоявшейся лингвистической терминологией, однако понимание материала может быть затруднено незнанием отдельных терминов и их значения. Дополнительные сложности вызывает разница в синтаксических школах. С подобными проблемами могут столкнуться и переводчики, специализирующиеся на лингвистической литературе.

1 Актуальность

Ученые доказали, что терминология – это один из самых быстроразвивающихся пластов лексики. По подсчетам специалистов, в словарях, фиксирующих неологизмы таких языков, как русский, английский, французский, чешский и т. д., термины составляют от 50 до 80% новых слов и значений. По некоторым источникам, это значение достигает даже 90% (Sochor, 1955, s. 5). Общий ежегодный прирост лексических неологизмов на начало 1990-х годов составлял примерно 200 000 слов (Комарова, 1991, s. 4). Данная цифра, несомненно, будет увеличиваться, так как наука развивается в геометрической прогрессии и число неоло-

гизмов постоянно растет. На сегодняшний день научный понятийный аппарат включает десятки миллионов единиц: например, только в области электроники в немецком языке насчитывается более 4 млн. терминов (Mařuk, 1992, s. 18). Это значит, что в последние годы лексика данных языков пополняется в значительной степени за счет терминов (Lejčik, 1983, s. 118). Такой объем специальной лексики не в состоянии охватить ни один терминологический словарь. Именно поэтому необходимо системное описание терминологической лексики в рамках отдельных направлений, тем.

Терминологическая лексика представляет собой наиболее заметный пласт среди неологизмов в той или иной области знания (Šelov, 2003, s. 4). Интересно, что не все отрасли терминологии развиваются с одинаковой скоростью. В настоящий момент активно развивается в первую очередь техническая терминология или терминосистемы новых, молодых наук и областей знания. Учение о синтаксическом строе русского языка – область, в которой за последние десятилетия произошли значительные изменения, появились разнообразные синтаксические концепции, новые подходы, гипотезы. Все это не могло не сказаться на терминологии данной области: научное описание и исследование языковых явлений, в том числе и на синтаксическом уровне, тесно связано с усвоением и использованием специальных научных терминов и даже целых терминосистем. Действительно, синтаксическая терминология современного русского и чешского языков является весьма развитой, разнообразной и в количественном, и в качественном отношении. В последнее время вошло в обиход много новых синтаксических терминов. С другой стороны, традиционно известные термины нередко применяются в новых, нетрадиционных значениях. Именно поэтому всестороннее, разноаспектное описание русской и чешской синтаксической терминологии представляется необходимым и актуальным. В России в последние два десятилетия усилился интерес к лингвистической терминологии в целом. Можно отметить работы А. А. Немыки, В. Б. Шавлюк, Ю. В. Корнейчук, отдельно стоит упомянуть о книге И. С. Куликовой и Д. В. Салминой *Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты)*. На чешском материале работы подобного характера нам неизвестны, но интерес к лингвистической терминологии все-таки есть, например, брненские богемисты издали *Nový encyklopedický slovník češtiny*, а коллектив кафедры славистики философского факультета в Остраве также проводит исследование, посвященное лингвистической терминологии.

Предметом исследования стали важнейшие синтаксические термины в русском и чешском языках. В них отражаются авторские концепции и особенности русской и чешской синтаксических школ. Объект иссле-

дования – соотношение объема понятий базовых синтаксических терминов и особенности функционирования данных терминов в русской и чешской синтаксической традиции. Микросистемы терминов *Словосочетание, Синтаксические связи и отношения, Члены предложения* для нашего анализа выбраны не случайно. В них входят распространенные термины с богатой историей, знакомство с ними обычно происходит еще в школе на уроках национального языка. Разница в подходе к описанию синтаксических явлений может вызвать нежелательный эффект интерференции при изучении иностранного языка и затруднить восприятие нового материала. Именно поэтому необходимо сопоставительное описание и последующий анализ базовых синтаксических терминов, выявление отличий в употреблении данных синтаксических терминов.

2 Новизна и значимость работы

Новизна работы заключается в том, что это исследование русской и чешской синтаксической терминологии в сопоставительном плане. Основная концепция проводимого научного исследования состоит в том, что даже базовые синтаксические термины трактуются по-разному в русской и чешской синтаксической школах, чешская русистика соединяет и переплавляет особенности двух национальных школ. Особое внимание в работе уделяется вопросам сопоставительного терминоведения – относительно нового направления, возникшего в лингвистике в 80-ые–90-ые годы XX века на основе терминоведения, сопоставительной лингвистики и теории перевода. Очевидно, что сопоставительный анализ является эффективным средством определения и общих, и специфических особенностей языковых явлений отдельных микросистем языка. Теоретическая **значимость** работы состоит:

- 1) в разработке теоретических проблем терминоведения, в частности сопоставительного;
- 2) в попытке упорядочить базовые синтаксические термины.

Практическая значимость заключается в том, что результаты исследования помогут в составлении терминологической базы данных и словаря лингвистической (синтаксической) терминологии, они могут быть использованы при преподавании синтаксиса русского языка чешским студентам и синтаксиса чешского языка русским студентам, потому что освоение учебной дисциплины невозможно без терминологии изучаемого предмета. Несмотря на сходство синтаксического строя русского и чешского языков, несмотря на близость и взаимовлияние русской и чешской синтаксической школы, зачастую синтаксические явления описываются

с помощью разных терминов или схожие термины отличаются объемом значения.

В качестве источников терминов были выбраны более старые и относительно новые грамматики русского и чешского языка, учебники по русскому и чешскому синтаксису, а также учебные пособия по синтаксису русского языка для чехов. Для отбора синтаксических терминов были определены три группы источников: работы русских русистов, чешских русистов, чешских богемистов. Были проанализированы как более старые источники 50-60-х гг. XX века, так и более поздние – 80-90-х гг. XX века, самым новым источником послужило учебное пособие Г. Флидровой и С. Жажи *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским* (2005). Полный список источников представлен в библиографии. Выбранные грамматики и учебники входят в списки обязательной литературы при изучении синтаксиса в средних школах и в вузах в России и Чехии. Анализировались как определения выбранных терминов в конкретных грамматиках и учебниках, так и общее описание, классификация конкретных синтаксических явлений и категорий.

Цель исследования – сопоставительный анализ важнейших русских и чешских синтаксических терминов на материале работ русских и чешских русистов, чешских богемистов. В рамках сопоставления описываются и анализируются термины, относящиеся к трем микротерминотерминам *Словосочетание, Синтаксические отношения и связи, Члены предложения*.

Указанная цель реализуется в конкретных **задачах исследования**, среди которых важнейшими являются следующие:

1. Выявить важнейшие синтаксические термины на материале русских и чешских грамматик и учебников синтаксиса.
2. Проанализировать и сопоставить значение русских и чешских синтаксических терминов.
3. Установить особенности функционирования синтаксических терминов в речи, т. е. использование их лингвистами, принадлежащими к разным лингвистическим школам, направлениям.
4. Выделить наиболее сложные синтаксические термины, на которые следует обратить внимание при изучении русского языка чешскими студентами, при изучении чешского языка русскоговорящими студентами, при переводе научных и учебных текстов.

В исследовании исходим из следующих гипотез:

- 1) русские и чешские термины обнаруживают черты общности, на фоне которых особенно ярко проявляются различия;
- 2) различия проявляются как в использовании терминологии, собственной национальной синтаксической традиции, так и в своеобразии понимания устоявшихся терминов;

- 3) разница подходов в понимании синтаксических явлений и категорий отчетливо прослеживается на понятийно-содержательном уровне, отражается в иерархических и парадигматических отношениях между терминами;
- 4) чешские русисты синтезируют подходы русской и чешской традиции, привнося свои идеи, что проявляется как при функционировании терминов, так и в объеме их значения.

В нашей работе мы использовали, главным образом, описательный и сопоставительный методы. **Описательный метод** – один из самых первых методов анализа, он относится к общенаучным методам, в лингвистике используется для синхронного анализа, это система приемов исследования, которые применяются для характеристики явлений языка на одном из срезов его развития. Обязательным условием для описательного изучения языка должно быть восприятие языка как структурного и социального целого, определение изучаемых единиц и явлений.

Сопоставительный метод – метод, очень часто применяющийся при сравнении языков. А. А. Реформатский писал, что сопоставительный метод «старается установить различное, присущее каждому языку в отдельности» (Reformatskij, 1987). Сопоставительный метод «особенно эффективен применительно к родственным языкам, т. к. их контрастные черты проступают наиболее ярко на фоне сходных черт». При сопоставлении соответствующих лексем разных языков можно обнаружить сходство плана выражения и плана содержания у близкородственных языков и ослабление этого сходства по мере уменьшения степени родства языков. О времени появления сопоставительного метода ведутся дебаты. Идея сопоставительного метода была теоретически обоснована И. А. Бодуэном де Куртенэ, элементы сопоставления встречались и в грамматиках XVIII–XIX вв., но как лингвистический метод с определёнными принципами он стал формироваться в 30-40-х гг. XX в. В СССР важный вклад в теорию и практику сопоставительного метода внесли в эти годы Е. Д. Поливанов, Л. В. Щерба, С. И. Бернштейн. В научной литературе встречаются и другие названия этого метода: контрастивный, конфронтационный, метод системно-функционального сопоставления, сравнительно-сопоставительный.

1 ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРМИНА.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ

1.1 Науки о термине

Изучением термина, терминосистемы, терминологии занимаются две дисциплины – терминоведение и терминография.

В настоящий период развития НТР среди неологизмов преобладают единицы, выражающие специальные понятия, то есть термины. Термины составляют абсолютное большинство новых слов: по разным данным от 80% (Sen'ko, 1994, s. 79) до 90% (Lipatov, 1993, s. 4). Это позволило лингвистам назвать данный процесс «терминологическим взрывом» (Grinev, 1993, s. 9).

Терминологизация языка – объективный процесс, суммирующий влияние нескольких факторов: научно-технической революции; развития СМИ; особенностей самого общественного строя. По данным Н. П. Романовой, в 30-е годы (период становления отечественного (советского – прим. О. Б.) терминоведения) вышло всего 11 работ по терминологии, в 50-е годы – 44, в 60-е годы – уже 480. В 80-е же годы количество терминологических трудов превысило 3000 (Komarova, 1991, s. 134). В 90-е годы эта цифра еще более возросла, особенно в отечественном терминоведении, так как русский язык обогатился лексикой нескольких новых отраслей. За последнее десятилетие, по нашим подсчетам, только в России было опубликовано не менее 1000 терминологических работ (Kas'janov, 2001).

Возникновению терминоведения как особой отрасли знания предшествует период накопления специальных слов, обслуживающих научную и техническую области. Для большинства стран Европы такой период

терминотворчества начался в эпоху Возрождения, когда происходило становление и развитие многих наук, чьи терминологические системы складывались стихийно. Считается, что именно к этому периоду относится появление понятий «термин» и «терминология».

Зарождение терминоведения как отдельной науки в Европе связано с именем австрийского ученого Ойгена Вюстера. В 1931 г. он написал докторскую диссертацию *Международное нормирование речи в технике и электронике*, в которой отмечал, что следует отдавать предпочтение греческим и латинским основам при выделении терминов из лексикосферы национального языка. При этом основным понятием терминоведения выступал «консерт» (понятие) как идея о чем-либо, который превалировал над термином, а сам термин был недостаточно освещен в данной теории. Позднее О. Вюстер стал основателем Венской терминологической школы и международной терминологической организации «ИНФО-ТЕРМ». «Анализируя концепции Вюстера и его теории, следует отметить основные отличительные черты, а именно: необходимость определения средств стандартизации; тщательный контроль развития (планирования, унификации, стандартизации) терминов; приоритетность международной формы знака. Теоретическая работа Вюстера основывалась на изучении технических терминов – стандартизированных технических лексем, отображающих определенные концепты. Теория Вюстера была разработана для удовлетворения межъязыковых потребностей, а не для того чтобы показать всю глубину и вариативность терминологии. (...) она стала именно той основой, на которой данная дисциплина развивалась дальше» (Chakimova, 2012).

Среди зарубежных исследователей терминоведения следует отметить Дж. А. Фодора, Г. Фельбера, Р. Джекендофа, А. Рея, Дж. Сейгера и др. В Европе отношение к статусу терминоведения двояко, ведь эта наука «была до некоторой степени запущенной областью лингвистики. Но не случайно языковеды долгое время уделяли терминологии так мало внимания. Ведь ее изучение основано на принципах, лежащих в значительной мере за пределами компетенции традиционного лингвиста» (Achmetova, 2014).

70-е годы отмечены интересом к терминологии и в Польше. Зигмунт Стоберски, известный польский эссеист, критик, ученый и переводчик, создал Международную организацию по унификации терминологических неологизмов (далее МОУТН). Его деятельность связана со сбором и публикацией в разных журналах терминов на 20 европейских языках, особое внимание он обращал на термины-интернационализмы. З. Стоберски написал несколько книг, в том числе *Международная научная терминология. Проблемы, постулаты, ожидания* (Варшава, 1982, на польском

языке), *Жить и выжить для блага науки* (Варшава, 1991, на польском и английском языках: *To live and to survive*), он высказал ряд плодотворных идей, например, о том, что авторство новых терминов, создаваемых современными учеными, должно охраняться законами и др. Уже более 30 лет в Варшаве выходит международный журнал *Neoterm*.

В 2002 г. МОУТН, созданная З. Стоберским, была преобразована в Международную организацию специальной терминологии (МОСТ) и были сформированы ее отделения-секретариаты на пяти континентах. Сам З. Стоберски стал почетным президентом МОСТ. Европейский секретариат возглавила лингвист из Словении доктор наук Мариетта Хумар, азиатский – российский лингвист из Омска, профессор Л. Б. Ткачева (Lejčik, 2003).

Традиционно выделяется несколько терминологических школ. В 1993 г. Герберт Пичт и Кристер Лорен сравнили основные концепции терминоведения в рамках ведущих школ: венской, советской, пражской, канадской, немецкой и скандинавской. Ученые сделали вывод, что все эти школы имели схожие взгляды на теорию терминоведения, а существенное отличие заключалось в том, что написаны они на разных языках и применены к разным отраслям науки (Achmetova, 2014).

1.2 История русского терминоведения

Зачатки российского терминоведения уходят корнями в XVIII – начало XIX в., когда в сочинениях М. В. Ломоносова, Н. М. Карамзина стали формироваться терминосистемы отдельных наук, начали закладываться принципы построения и отбора русских терминов различных гуманитарных и естественных наук, а в первых словарях специальной лексики термины подвергались систематизации. Однако выделение терминоведения как самостоятельного направления науки происходит в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в.

До второй половины XX века исследование термина как особой единицы языка проходило в рамках лексикологии. Но уже с 30-х гг. стали появляться предпосылки для формирования новой отрасли знаний, а в конце 60–70 гг. появились две новые научные дисциплины, объектом изучения которых стал термин, – терминоведение (название предложено В. П. Петушковым и Б. Н. Головиным в 1967 г.) и терминография (название дано А. Д. Хаютиным в 1971 г.). Одним из первых по-научному подошел к проблеме А. А. Реформатский, проблемами термина и терминологии занимались такие языковеды, как В. В. Виноградов, В. П. Даниленко, А. С. Герд, С. В. Гринев-Гриневиц, В. М. Лейчик, А. И. Моисеев,

Л. Л. Кутина, В. П. Петушков, В. А. Татаринов, С. Д. Шелов и др. Большой вклад в развитие терминоведения внесли ученые нижегородской (горьковской) школы Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин.

Основоположниками российской школы терминологии считаются Д. С. Лотте, Г. О. Винокур, А. А. Реформатский.

Начало терминологической деятельности в качестве самостоятельного научного направления в отечественном (русском – прим. О. Б.) терминоведении можно датировать 1931 г., что связано с публикацией первой концептуальной статьи Д. С. Лотте по проблемам унификации и стандартизации технической терминологии *Очередные задачи научно-технической терминологии*. Основное внимание Д. С. Лотте, которого считают основателем российской терминологической школы, было уделено вопросам стандартизации терминов, проблемам терминотворчества, вопросам заимствования терминологической лексики, созданию понятийно-терминологических систем и проблемам перевода научно-технических терминов. Российские лингвисты Г. О. Винокур, А. А. Реформатский также внесли весомый вклад в историю становления отечественной терминологической школы и терминоведения как науки. Большую роль в этой области сыграла работа Г. О. Винокура *О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии*. Г. О. Винокуром рассмотрены вопросы, которые и сегодня находятся в фокусе языковедческого анализа, а именно, вопросы о лингвистической сущности термина, природе и формировании терминологий, соотношениях между номенклатурой и терминологией (Chakimova, 2012).

С научной точки зрения, русская терминологическая школа соединяет в себе логический, лингвистический и философский подходы с определенной тенденцией к преобладанию философско-логического направления. Изучение содержания предметной области соединяется здесь с определенным вниманием к лингвистической форме и распределению терминов в текстах (Tatarinov, 1999, s. 209).

В 70–80 гг. XX в., когда за терминоведением закрепился статус самостоятельной дисциплины, в русской терминологической школе появляются разные направления. В крупнейших городах, чаще всего при университетах, начинают складываться целые группы специалистов, занимающихся терминами. Если подобную работу возглавляют ученые-лингвисты, то можно говорить о возникновении определенной терминологической школы. Перечислим некоторые из них: московская школа (связана с именем О. С. Ахмановой, к школе часто относят таких терминоведов, как П. Н. Денисов, В. М. Лейчик, В. Н. Прохорова, П. В. Веселов, С. В. Гринев, В. А. Татаринов, Ю. Н. Марчук, В. Ф. Новодранова, Н. Б. Гвишиани, М. М. Глушко, А. Д. Хаютин, К. Я. Авербух, Л. А. Морозова и др.),

горьковская (нижегородская) школа во главе с Б. Н. Головиным, (Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин, В. Н. Немченко, Е. В. Маринова и др.), ленинградская (санкт-петербургская) школа во главе с А. С. Гердом и Р. Г. Пиотровским (Ф. П. Сорокалетов, Е. Д. Коновалова, Е. И. Чупилина, Н. З. Котелова и др.), челябинская (уральская) школа во главе с Л. А. Шкатовой, омская школа во главе с Л. Б. Ткачевой (З. И. Комарова, Л. М. Алексеева, Е. О. Голованова, В. Д. Табанакова, С. Л. Мишланова и др.), воронежская школа (С. З. Иванов, Е. С. Анюшкин, В. А. Васютин, Г. А. Муштенко, В. К. Курчаева, В. В. Гладких и др.). Есть ученые, не примкнувшие к какой-либо школе, среди них – В. П. Даниленко, А. А. Реформатский, Е. Н. Толикина, Л. А. Капанадзе, Т. Л. Канделаки, В. В. Морковкин, Л. Л. Кутина, Е. И. Чупилина, А. И. Моисеев.

1.3 История чешского терминоведения

Если обратиться к истории терминов в истории чешского языка и основным этапам терминологической работы, то можно отметить, что первые термины появились достаточно давно. Традиционно появление терминов в европейских странах связывают с развитием ремесел, а также с принятием и развитием христианства. Первые термины фиксировались в латинских словарях в виде глос (*Mater verborum*, XIII век, 300 терминов), но начало терминологической лексикографической работы связывают с XIV веком (*Словари Кларета*), особый интерес для лингвистов представляет *Vokábulář gramatický*, в котором встречаются первые грамматические термины на чешском и латинском языке.

Большое влияние на развитие и формирование чешской терминологии оказало чешское национальное возрождение и в первую очередь работы Йозефа Юнгманна, главным образом его пятитомный *Чешско-немецкий словарь* (1834–1839). Именно с именем Юнгманна связана разработка литературоведческой и лингвистической терминологии в чешском языке.

Но теоретических исследований на чешском языке о термине и терминологии долгое время не было. В 1853 году вышел *Немецко-чешский словарь научной терминологии*, изданный комиссией, председателем которой был П. Й. Шафаржик. М. Рoudný пишет, что «В этом словаре мы в статье *Terminus* найдем синонимы *выражение*, *техническое выражение* и чешский эквивалент *название*. В *Чешско-немецком словаре* Котта (1884 г.) у заголовка статьи *termin-us* указаны чешские синонимы *название*, *выражение*, *слово*» (Roudný, 1977).

В начале XX века терминологией систематично занималось объединение, известное под названием *Česká matice technická*, позже терминологиче-

ская работа продолжалась в рамках отдельных комиссий разных институтов: *Česká akademie technická*, *Česká akademie zemědělská*, *Elektrotechnický svaz*, *Matice lesnická*, *Svaz výzkumných ústavů zemědělských*, а также *Ústav pro jazyk český Akademie věd ČR*. Вопросами лингвистической терминологии стала заниматься специальная *Международная комиссия при Международном комитете славистов*, особую роль в этой комиссии играли именно чешские терминологи. С точки зрения языкознания годы с 1911 по 1935 были особо важными для чешской (чехословацкой) лингвистики. Именно тогда появились три лингвистических журнала *Časopis pro moderní filologii* (1911), *Naše řeč* (1916) и *Slovo a slovesnost* (1935). В них появились основные идеи функционального подхода к языку, сформулированные Вилемом Матезиусом, а Богуслав Гавранек предложил размышления о функциональном языке (стиле) и о терминологии.

В 1935 году начал выходить *Краткий словарь чешского языка*, с этим фактом связано появление теоретических рассуждений о терминологии. В том же году в журнале *Slovo a slovesnost* вышла статья Л. Копецкого *O lexikálním plánu hospodářského jazyka*. В ней Л. Копецкий опирается на статью Б. Гавранека *Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura* из сборника *Spisovná čeština a jazyková kultura* (1932), в которой хотя и не указана дефиниция термина, но зато приводится очень взвешенное рассуждение о качествах профессиональных выражений. В соответствии с этими рассуждениями Л. Копецкий дает первое настоящее определение термина, сформулированное на чешском языке (Roudný, 1977). После возникновения *Пражского лингвистического кружка* возникла острая дискуссия между радикальным пуризмом и функциональным пониманием языка, что привело к развитию теории языковой культуры и литературности чешского языка. Применение функционального и структурного подходов дало возможность полноправно изучать и описывать так называемые специальные языки, в рамках которых особое внимание уделялось терминам, как одной из сложнейших составляющих. Интерес к терминологии активизируется в 60-ые гг. Появляются пять выпусков Чехословацкого терминологического журнала *Československý terminologický časopis*, шесть томов периодического издания *Terminologické studie*, а в Либерце выходят сборники *TERMINA*.

Пик терминологической деятельности, интереса к вопросам теории термина в Чехии (Чехословакии) пришелся на 50–80 гг. XX века, он и связан с именами таких ученых, как Богуслав Гавранек, Карел Сохор, Йозеф Филипец, Карел Гаусенблас, Алоис Йедличка, Бела Поштолкова, Мирослав Роудны, Антонин Тейнор.

В настоящее время на чешском языке практически не публикуются работы, посвященные именно теоретическим проблемам терминоведения,

в то время как в России и в 2000-х годах вышли крупные теоретические труды по данной тематике. Однако надо заметить, что в Чехии ведется активная терминографическая работа, издаются новые словари, связанные с конкретными областями знаний, отраслями и пр., например, словарь библиотечной и книжной терминологии, многоязычный словарь лингвистической терминологии. Важной работой для терминографов является одна из глав книги *Manuál lexikografie*, эта глава под названием *Terminografie* написана Сватавой Маховой, в ней подробным образом описано, от чего следует отталкиваться при терминографической работе, рассмотрены источники терминов, сбор терминологической информации и ее распространение, актуализация терминографической информации, управление развитием терминологической информацией, терминологические базы данных. Марие Чехова с коллективом авторов написала книгу *Současná stylistika* (в 2008 г. вышло четвертое издание), где в главе, посвященной научному стилю, также раскрывается терминологическая проблематика. В последние годы намечается небольшая тенденция к возрастанию работ практической терминологической тематики в рамках Института славистики Университета им. Масарика, так, например, диссертация Либуше Адамцовой, описывающая электротехническую терминологию в русском языке, диссертация Оксаны Газдешовой, посвященная юридической терминологии в чешском и украинском языках, работы Станислава Оплатека об археологических терминах, ряд дипломных работ на стыке переводоведения и терминоведения.

Русская и чешская терминологические школы во многом перекликаются, имеют много общего, можно сказать, что в 30–80 гг. XX века они взаимобогащались. Тем не менее можно отметить несколько отличий.

1. В русской традиции учение о терминах обычно рассматривается в рамках лексикологии и лексикографии, тогда как в чешских работах информацию о терминах можно найти скорее в трудах, посвященных **стилистике** чешского языка. Термин в чешской традиции связан с определенным функциональным стилем речи – *odborný styl* (научный стиль), и это отражено и одним из названий термина (и терминологии) – *odborný termín (odborné názvosloví)*.
2. Различия в терминологическом аппарате проявляются в следующем: в русском языке используется только термин *термин*, в чешском языке возможно использование *termín* и *terminus technicus*. Для обозначения совокупности терминов определенной области в русском языке используются термины *терминология* и *терминосистема* (некоторые терминоведы считают их синонимами, некоторые разводят эти понятия), в чешском языке используется термин *terminologie*, в отдельных редких чешских статьях встречаются названия

terminologický systém и *terminologická soustava*, но все эти статьи написаны с опорой на русскую литературу, по-видимому, авторы статей просто переводили русский термин, но он не прижился и современными терминоведами не используется. В чешской традиции активно используется термин *odborné názvosloví*, это термин с достаточно прозрачной мотивацией, он выполняет не только назывную функцию, но и дефинирующую, указывая на то, что терминология – это специальные (профессиональные) наименования. Для обозначения науки, изучающей термины, в русском языке используются названия *терминология* и *терминоведение*. В чешском языке им соответствует только один термин *terminologie*, он интернациональный, удобный, но многозначный. От названия дисциплины образуются названия специалистов, поэтому в русском языке есть два синонимичных названия *терминолог* и *терминовед*, в чешском только одно – *terminolog*. Для обозначения совокупности конкретных единиц, называющих конкретный объект, явление, в русском языке используется заимствованный термин *номенклатура*, в чешском языке ему соответствует собственно чешское *názvosloví*. Еще один термин, который достаточно активно используется в русских терминоведческих работах, – *терминологическое поле*. В чешских работах термин *terminologické pole* нам не встретился.

3. В Чехии преобладают работы прикладного терминографического характера, в России активность исследователей направлена как на терминологические, так и на терминографические аспекты работы с термином.

1.4 Сопоставительное терминоведение

1.4.1 История возникновения и развития сопоставительного терминоведения

Лексика языка – это зеркало культуры, национального менталитета, картины мира. Различия между лексическими средствами ярче всего выступают в различиях между лексическими системами, в специфике отношений, связывающих лексические единицы между собой. Поэтому проблема сопоставления (в особенности системного) терминологий для повышения качества перевода терминов (а также для других прикладных задач) приобретает все большую актуальность, и не случаен постоянный интерес переводчиков и терминоведов к установлению

надежных эквивалентов терминов в переводных словарях специальной лексики.

После выделения терминоведения в отдельную науку стали появляться разные направления (когнитивное терминоведение, когнитивно-дискурсивное терминоведение, прикладное терминоведение и др.). Одной из быстроразвивающихся отраслей стало сопоставительное терминоведение. По данным С. В. Гринева, к концу 1990-х гг. в России было написано свыше 50 диссертационных работ, сегодня – свыше 250. В 1988 г. защищена докторская диссертация, в которой формулируются теоретические основы новой дисциплины, определяются ее объект и предмет изучения, направления исследований и набор применяемых методов (Grinev, 2017).

Последняя четверть XX в. в России – период становления нового теоретического направления – сопоставительного терминоведения как науки о межъязыковых соответствиях терминов в двух языках. Сопоставительно-терминологическое направление занимает промежуточное положение между сопоставительной лингвистикой, терминоведением и теорией перевода. Основой лингвистического сопоставления в данном случае являются общие и различные признаки терминосистем в двух или более языках, а также выявление взаимосвязей в разноязычных терминологиях, для чего необходимо проникновение в сущность каждой терминологической системы. Как правило, сопоставление производится между двумя языками, зачастую это родственные языки, потому что именно на фоне сходств отчетливо проступают различия.

Сопоставительное терминоведение, появившись в рамках типологического терминоведения, направлено на сравнительное исследование общих свойств и особенностей специальной лексики разных языков. Сопоставительное терминоведение имеет с перечисленными выше отраслями лингвистики общий объект – терминологию, однако изучает этот объект несколько в ином плане. Так, терминоведение в основном занимается упорядочением и унификацией терминосистем. Теория перевода изучает переводческие трансформации и межъязыковые соответствия в целом, не заостряя внимание на особенностях функционирования терминологии в тексте, которое отличается от функционирования обычных слов. Сопоставительная лингвистика при анализе языковых систем ориентируется на уровне языковой иерархии, тогда как терминология сама по себе является организованной подсистемой языка, представленной не только на лексическом уровне (Citkina, 1988, s. 137).

1.4.2 Принципы сопоставительного терминоведения

Принципы сопоставительного терминоведения были сформулированы в работах Ф. А. Циткиной и В. М. Лейчика практически одновременно – книги Ф. А. Циткиной выходили, начиная с 1986 года (потом 1987, 1989), *Основные положения сопоставительного терминоведения* – глава в книге В. М. Лейчика, которая была опубликована в 1988 году, далее он продолжил разработку этой темы.

В учебнике Ф. А. Циткиной большое внимание уделено принципам системного сопоставления разноязычных терминологий. При этом справедливо утверждается, что сопоставительный анализ терминологий должен быть обязательно системным. Далее следует перечень этих принципов.

1. Принцип системности объекта. Сопоставлению подвергаются только системы терминов как целостные образования и термины как члены системы.

2. Принцип комплексности. Установление отношений систем должно быть многоаспектным, комплексным, проведенным на лексическом, семантическом и грамматическом уровнях.

3. Принцип сопоставительной системности. Конечной целью должно быть представление отношений между терминосистемами ИЯ и ПЯ (аббревиатуры Ф. А. Циткиной: ИЯ – исходный язык, ПЯ – язык перевода) как системы сходств и различий на всех исследуемых уровнях.

4. Принцип классификационности. Системность сходств и различий должна быть показана их классификацией.

5. Принцип оппозиций. Системное исследование сходств и различий должно обнаружить такие пары теоретико-системных различий, как симметрия – асимметрия, упорядоченность – неупорядоченность, алломорфизм – изоморфизм и др.

6. Принцип параметризации. Выбор параметров сравнимости терминосистем в каждом конкретном случае определяется задачами и материалом исследования, а также потребностями практики.

7. Принцип текстовости. Материал исследования необходимо набирать из сферы функционирования (текстов ИЯ и ПЯ), а не из сферы фиксации (словари и пр.). Поскольку сопоставительное терминоведение предполагает определенные обобщения, установление нормы перевода, оно изучает регулярно повторяющиеся явления, соотносящиеся с системами изучаемых подязыков или являющиеся частью этих систем.

8. Принцип полноты. Сопоставлению должны быть подвергнуты все термины, употребляемые в сплошной текстовой выборке, как те, которые находятся в ядре/периферии специальных терминосистем, так

и термины общенаучные: все они уже по своему вхождению в тексты данной информационной области имеют отношение к специальной лексике и, вследствие динамичности и открытости терминосистем, могут со временем стать их полноправными членами. Но, главное, дистилляция терминологии принципиально противоречит ориентации сопоставительного терминоведения на перевод, на потребителя-переводчика специальных текстов, создание терминологических банков, адекватно отражающих языковую реальность данной информационной области.

9. Принцип совмещения качественных и количественных методик. Виды соотношений изучаемых параметров терминосистем должны быть подвергнуты не только качественному, сугубо лингвистическому, но и количественному анализу (Citkina, 1988, s. 39–41).

Большая часть работ в рамках сопоставительного терминоведения носит прикладной характер, но в 2017 году вышла статья С. В. Гринева, посвященная теоретическим проблемам сопоставительного терминоведения. В ней он критикует текстовый подход Ф. А. Циткиной, заявляя, что нельзя ограничиваться сферой функционирования терминов, можно и нужно сопоставлять терминологическую лексику в словарях, аргументируя это тем, что словари также являются текстами. Вторым недочетом он считает неточную формулировку принципа полноты: «В переводные словари включается не только лексика данной предметной области, но и лексика смежных областей, наиболее часто встречающаяся в переводимых текстах, но системные сопоставления предполагают ограничение рамками конкретной предметной области» (Grinev, 2017).

При сопоставлении анализ лексики может проводиться двумя способами. Первый подход заключается в том, что исследователь обращается к сопоставлению отдельных лексем (в нашем случае терминов), имеющих общее происхождение и/или семантику. При втором подходе сравниваются сразу целые лексические подсистемы (применительно к терминологии речь идет о конкретных терминосистемах). В этом случае в поле зрения попадают общие тенденции формирования данных лексических групп и их внутрисистемные характеристики (такие как наличие синонимии, омонимии и др.), а также место соответствующих подсистем в лексической системе языка в целом. Итак, объектом сопоставительного терминоведения являются как терминосистемы в целом, так и отдельные терминологические пары.

1.5 Термин в современном терминоведении

Стремительное развитие науки и техники в XX веке спровоцировало огромный интерес к той части языка, которая обслуживает эти области знаний. Освоение любой научной области всегда связано с овладением соответствующей терминологией, изучением терминов и понятий, которые они отражают.

Количество терминов постоянно увеличивается: «Рост числа терминов различных наук обгоняет рост числа общеупотребительных слов языка, и поэтому в настоящее время число терминов отдельных наук (химии, биологии) может превышать число неспециальных слов языка. При этом, все большее число терминов проникает в общеупотребительный язык, а терминологические проблемы оказывают все большее влияние на язык в целом, поэтому изучение положения в области специальной лексики становится все более важным для развития языка» (Grinev, 1993, s. 8).

Термины фиксируются и описываются в специальных терминологических словарях, и рост количества словарей свидетельствует о том, как быстро увеличиваются терминосистемы, как актуально их изучение. Значение терминографии в настоящее время трудно переоценить. Впечатляет утверждение о том, что «в мире каждый день публикуется один специальный словарь» (Marčuk, 2007, s. 18).

Наряду с терминами в рамках терминоведения выделяются и изучаются и другие специальные лексические единицы: номены (наименование единичного понятия), профессионализмы (слово или оборот речи, характерные для речи людей какой-либо профессии), профессиональные арготизмы (специальные часто экспрессивные слова, обслуживающие узкие социально-групповые интересы), или профессиональные жаргонизмы (жаргонизмы, которыми пользуется группа людей, объединенных по профессиональному признаку), предтермины (специальные лексемы, используемые в качестве терминов для называния новых сформировавшихся понятий, но не отвечающие основным требованиям, предъявляемым к термину), квазитермины (используются для означивания несформировавшихся понятий, с размытыми категориальными признаками, не отвечают основным требованиям, предъявляемым к терминам, не имеют своего места в терминосистеме и не зафиксированы в специальных словарях), терминоиды (наименования формирующихся понятий), прототермины (наименования специальных представлений), однако в нашей работе мы не будем обращаться к этой проблематике.

Исследование и всестороннее описание терминов представляется несомненно актуальным, так как при этом разрабатывается широкий спектр

проблем: теоретические, методологические, методические, культурологические. Изучение терминов помогает получать информацию как о самом факте существования соответствующих реалий, так и истории цивилизации, развития науки и культуры, народа-носителя данного языка.

«Применительно к современной языковой ситуации можно говорить о своеобразной терминологической экспансии, которую ряд лингвистов определяет как тенденцию к «интеллектуализации лексики», связанную с возрастанием культурологической и коммуникативной роли терминологии. Терминологическая информация обладает свойством открывать перед нами завесу прошлого, учить настоящему и вводить в будущее (...) в качестве носителей специальной информации, термины являются необходимым условием существования, хранения и развития профессионально-научного знания» (Авакова, 2006).

Изучение термина проводится в двух направлениях:

- 1) теоретическое (изучение природы термина, его свойств, создание общей теории термина);
- 2) практическое (унификация терминов и терминосистем, т. е. их упорядочение, стандартизация, редактирование; лексикографическая терминологическая деятельность, перевод терминов, создание терминологических баз данных (ТБД)). Интересно, что в советской, а позже и российской терминоведческой традиции оба направления развиваются достаточно активно, в то время для чешской школы характерен перевес именно в сторону создания словарей.

Для того, чтобы выделить термин, работать с ним, надо определить, что он собой представляет. Это вызывает некоторые затруднения, потому что, несмотря на постоянную работу терминоведов и уже существующую типологию определения термина, до сих пор не существует общепринятой дефиниции термина. В научной литературе достаточно часто приводятся и анализируются русские определения термина. Хрестоматийным стал пример работы В. П. Даниленко, в которой анализируются 19 определений термина.

Проанализировав около 30 русских и чешских определений термина, можем выявить, что разные исследователи выдвигают разные признаки, отличающие термин от не-термина. Некоторые делают упор на номинативную функцию (имена), некоторые ссылаются на то, что именно наличие дефиниции, потребность в ней делают термин термином, во многих определениях отражена связь термина с понятием, которое он обозначает. На примере определений видно, что часто в основу дефиниции термина ложится его качество, свойство. В. М. Лейчик выделяет большие группы таких дефиниций:

- 1) философско-гносеологические определения (подчеркивается, что «с помощью терминов в материальной форме закрепляются результаты познания» (Lejčik, 2006, s. 21), и «термины наряду с другими знаковыми средствами способствуют открытию нового знания» (Lejčik, 2006, s. 21));
- 2) логические определения (делается упор на связь термина с понятием: «термин либо обозначает, либо одновременно и обозначает, и выражает понятие» (Lejčik, 2006, s. 21));
- 3) лингвистические определения. В данной группе четко прослеживаются два направления.

Первое – субстанциональное направление, в соответствии с которым «термин объявлен особым знаком типа математических символов, характеризующихся в плане содержания однозначностью, а в плане выражения – строгой заданностью языковых грамматических структур» (Golovin, Kobrin, 1987, s. 34). Однако практика показывает: 1) термин может быть как однозначным, так и многозначным (моносемичность – признак идеального термина); 2) общеупотребительные слова (словосочетания), становясь терминами, не изменяются с точки зрения фонетики, словообразования, грамматической структуры.

Второе направление – функциональное, сторонники которого доказывают, что термином может быть практически любое слово, но в особой функции – оно должно обозначать профессиональное или научное понятие: «термины – это не особые слова, а только слова в особой функции» (Vinokur, 1939, s. 5). Т. е. особенность термина заключается в обязательной специфичности в плане его содержания, а специфичность в плане выражения вовсе не обязательна (Golovin, Kobrin, 1987, s. 34). К настоящему моменту большинство лингвистов являются сторонниками именно такого подхода к проблеме внутренней природы термина.

Однако чтобы дать определение любому понятию, надо указать его родо-видовые отличия, т. к., чтобы определить предмет, надо не описывать его, а указать его место в системе, отделив от других элементов. Большинство ученых под термином понимают «слово или подчинительное словосочетание», но в последние годы все чаще и чаще термин определяют как элемент терминологии. Это связано с попыткой отделить термин от других слов в языке, показать, что термин приобретает свои особые свойства только в рамках определенной терминосистемы. Например, К. Я. Авербух пишет: «В качестве ближайшего рода в дефиниции термина по традиции (...) называются „слово или словосочетание“, но если исходить из первичности целого (системы) и вторичности составляющих его элементов (терминов), то ближайший род окажется иным – это элемент (член) терминологии (терминосистемы) определенной предметной

области» (Averbuch, 1986, s. 45-46). Однако при таком подходе понятия *термин* и *терминология* определяются друг через друга. Второй недостаток подобного определения – терминами становятся всевозможные знаки и символы (Σ , ∞ , Π и др.), т. е. то, что традиционно называют номены – условные и абстрактные символы, чье назначение «состоит в том, чтобы дать максимально удобные с практической точки зрения средства для обозначения предметов, вещей, без прямого отношения к потребностям теоретической мысли, оперирующей этими вещами» (Vinokur, 1939, s. 5). Если говорить о термине как единице лексики, то можно выделить три основных подхода к его сущности.

- 1) Неоправданно широкий подход: термин – любая лексическая единица, которая выполняет номинативную функцию. Примером может служить прочно вошедшее в научный обиход выражение «термины родства».
- 2) Узкое понимание термина – это слово или словосочетание, выражающее только специальное научно-техническое понятие. «Термин – это слово (или словосочетание), являющееся единством звукового знака и соотнесенного (связанного) с ним соответствующего понятия в системе понятий данной области науки и техники» (Kijak, 1989, s. 7). В чешской традиции этот подход отражен и в одном из самых новых словарей (*Nový encyklopedický slovník češtiny*): Termín: v teorii terminologie pojmenování pojmu v systému pojmů některého vědního n. technického oboru (NESČ).
- 3) Центристский подход: термин – «слово или подчинительное словосочетание, имеющее специальное значение, выражающее и формирующее профессиональное (а не только научно-техническое) понятие и применяемое в процессе познания и освоения научных и профессиональных объектов и отношений между ними» (Golovin, Kobrin, 1987, s. 5).

Первые две точки зрения представляются нам крайними, т. к. к терминам должны относиться практически все лексемы, даже носящие нелитературный характер (по первому подходу), или небольшой круг наименований научно-технических понятий.

Третий, центристский, подход свободен от этих крайностей.

1.6 Свойства и признаки термина

Считается, что «носитель языка интуитивно осознает терминологичность языковых единиц и уверенно дифференцирует терминологическую и нетерминологическую лексику» (Kobrin, 1997). Однако интуитив-

ного знания для научного познания недостаточно, поэтому необходимо выделить границу между общеупотребительной и терминологической лексикой.

Какие же признаки отделяют термин от обычного слова? По этому вопросу за последние десятилетия сформировалось множество точек зрения, зачастую диаметрально противоположных друг другу. У некоторых ученых даже сложилось мнение о том, что поиски «особых» примет термина бесплодны, либо таких примет не существует, либо их надо искать вне термина, так как в самом себе он их не содержит (Lemov, 2000, s. 50). Следует рассмотреть качества термина, отличающие его, по мнению разных лингвистов, от общеупотребительного слова, чтобы убедиться, являются ли они релевантными. С. В. Гриневым были составлены перечни различных характеристик термина на материале русских терминоведческих работ, наиболее полный список насчитывает 265 позиций (Grinev, 2001).

Обобщая исследования терминоведов, можно отметить, что системность традиционно рассматривалась как важный признак термина, в то время как вариантность (полисемия и синонимия) должны были быть устранены в результате стандартизации терминологий. Также в отношении терминов отвергались такие лингвистические явления как метафоризация номинаций, эмоциональный компонент значения, зависимость терминов от контекста, немотивированные термины и другие свойства. (Ikonnikova, 2014, s. 44).

Дискуссия о требованиях к термину связана с вопросом о статусе термина: имеет ли термин свойства обычного слова и лексическое значение, какова его связь с обозначаемым понятием определенной отрасли знаний. Если термин имеет некоторые характеристики обычного слова и развивается в соответствии с развитием системы понятий, обозначаемых им, то невозможно всегда соблюдать требования однозначности и отсутствия синонимии терминов (Ikonnikova, 2014, s. 48).

Мы рассмотрим самые часто встречающиеся признаки термина в работах русских и чешских терминоведов. Исследователи выделяют целый ряд таких свойств термина, которые условно можно поделить на несколько групп.

К первой группе относятся признаки, связанные со **значением термина**. Эти признаки, по распространенной в науке точке зрения, являются важнейшими: «в значении и только в значении знака (слова или словосочетания), принадлежащего какой-то области знания, заключается то, что делает знак терминологичным» (Šelov, 2003, s. 6).

Значение слова-термина соотносит его прежде всего не с отдельным предметом, а с их классом, рядом, типом (Golovin, Kobrin, 1987, s. 43).

Значение слова-термина соотносит его с профессиональным научным или техническим понятием без эмоциональности, экспрессии. В чешских работах также упоминается **отсутствие экспрессивности** – это требование связано с номинативной функцией термина. Термин должен называть предмет, явление, понятие, поэтому экспрессивная окраска крайне нежелательна.

Лингвистами постулируется способность термина быть объектом дефиниции, иногда даже потребность дефинирования: «если неизвестно определение, то неизвестен и термин, никакие связи слов, ассоциации тут не помогут» (Karapadze, 1965, s. 78). При практической деятельности наличие определения часто служит критерием для отнесения языкового знака к термину. Ср. «слово исполняет номинативную или дефинитивную функцию, т. е. или является средством четкого обозначения, и тогда оно – простой знак, или средством логического определения – тогда оно научный термин» (Šelov, 2003, s. 17); «Под термином понимается слово или лексикализованное словосочетание, требующее для установления своего значения в соответствующей системе понятий построения дефиниции» (Kandelaki, 1977, s. 7). Хотя некоторые исследователи приводят пример терминов, понятных без дефиниции, напр., *геофон*: «можно, не заглядывая в словарь, предположить, что это прибор для записи звуков земли» (Lemov, 2000, s. 42), это не значит, что им дефиниция не требуется. Известны примеры ложно ориентирующих терминов. Например, термин *литературный язык* часто соотносят с понятием «язык художественной литературы», а не с кодифицированной, нормированной разновидностью литературного языка; термин *окончание* ориентирует нас на понятие «находящийся в конце слова», поэтому случается, что постфиксы ошибочно относят к флексиям. Многочисленные термины без определения могут быть неверно истолкованы. Наконец, возможно и использование одного и того же термина в рамках разных научных школ, что также приводит к сложностям в понимании. Этот признак является определяющим при вычленении терминов из текста, если слово (словосочетание) приводится в тексте с дефиницией. Хотя если дефиниции нет, это не значит, что данный языковой знак нетерминологичен.

«Значение слова-термина может подниматься на высшие ступени отвлечения от действительности и даже порывать связи с нею» (Golovin, Kobrin, 1987, s. 43). Об этом свидетельствуют и авторы *Лингвистического энциклопедического словаря*, подмечая, что в основе термина часто лежит метафора.

Значение слова-термина допускает формирование индивидуальных, свойственных отдельным ученым понятий. Несмотря на это, многие ученые говорят об общепринятости термина (Lemov, 2000, s. 48).

«Значение слова-термина соотнесено с профессиональной деятельностью и поэтому требует освоения в сфере этой профессии» (Golovin, Kobgin, 1987, s. 43), но это не должно означать, что термин используется только в сфере профессиональной коммуникации.

Часть ученых полагает, что термин должен быть однозначным, но на практике чаще встречаются многозначные термины. В. Д. Табанакова объясняет сложившееся положение следующим образом: «Наличие нескольких определений – это, как правило, результат использования термина знака для названия специальных понятий, которые входят в разные понятийные системы и подсистемы. Терминологическая многозначность легко снимается, т. к. достаточно определить системы или подсистему, к которой термин относится, и в этой системе у данного знака будет только одно значение» (Tabanakova, 1982, s. 26).

В то же время известно, что одним из самых важных требований к терминологии является однозначность терминологических единиц. В исследовании, проведенном А. Б. Фогелем, рассматриваются разнообразные требования, предъявляемые к термину различными авторами. Сопоставляя точки зрения десяти разных исследователей за период с 1931 по 1995 годы, автор выясняет, что единственным требованием, называемым всеми источниками без исключения, является требование однозначности. Ему уступило даже требование системности, упомянутое на один раз меньше (Zimovaja, 2011). В последних работах появилась тенденция говорить не об однозначности как таковой, а об **относительной однозначности**, т. е. об однозначности термина в пределах одной конкретной терминосистемы. В чешских определениях термина однозначность занимает одно из лидирующих мест.

В отличие от русских коллег, чешские терминоведы, говоря об однозначности, очень часто оперируют также понятием **независимости от контекста**: «Na rozdíl od neterminologických pojmenování, která bývají často víceznačná a jejichž význam závisí na kontextu, v němž je jich užito, bývají termíny zpravidla jednoznačné, na kontextu nejsou závislé a dá se jich užívat i izolovaně» (Poštolková, 1983, s. 24). Значение термина не определяется контекстуально, оно заранее оговорено.

Ко второй группе относятся признаки, связанные с **понятийной стороной термина**.

«В отличие от обычного слова термин обозначает специальное понятие, которое отражает названный объект действительности во всей его полноте, в то время как обычное понятие является лишь обобщенным представлением объекта. (...) Представить специальное понятие – значит описать названный объект, т. е. перечислить все признаки этого объекта» (Tabanakova, 1982, s. 27).

Термин, обозначающий научное понятие, не рождается вместе с ним, как бытовое слово. Термин приписывается понятию и вводится для сокращения последнего, т. е. такое понятие находит свое выражение в специально созданных для данной функции словах (Lemov, 2000, s. 27).

Терминированное понятие субъективно и личностно зависит от научной концепции, а также подвержено изменениям в связи с развитием науки и термина. Термины обусловлены понятийным (концептуальным) аппаратом наук, которые они обслуживают, закономерностями и процессами развития самих этих наук (Danilenko, Skvorcov, 1981, s. 10).

В чешских работах встречается и требование точности. Под точностью понимается отражение содержания называемого понятия, максимальная определенность, ясность выражения. В противоречие с этим требованием вступают синонимичные термины.

К третьей группе относятся **признаки формы, внешнего вида термина**.

Традиционно считалось, что в роли терминов могут выступать только субстантивы и субстантивные словосочетания: «Термин – это строго номинативная часть специальной лексики и фразеологии в форме имен существительных и словосочетаний на их базе» (Lemov, 2000, s. 38). Г. О. Винокур писал, что «глагольность как грамматическая категория действия в технической терминологии выступает не в форме самих глаголов, которые не могут быть выразителями логического субъекта, а в форме отвлеченных существительных, сохраняющих значение действия, но сочетающих его со значением абстрактной предметности. Разумеется, такие слова, как „закалять“, „обжигать“, „травить“ и т. п., обозначают распространённые технические процессы. Но терминологическими названиями этих процессов являются не эти глаголы, а связанные с ними отглагольные отвлеченные существительные – закалка, обжиг, травление» (Vinokur, 1939, s. 13). По-видимому, удобнее всего фиксировать термины в форме существительных, но надо признать наличие терминов-глаголов, прилагательных и пр. (напр., *выразительный, диакритический* – словарь Д. Э. Розенталя, М. А. Теленковой; *дифференцироваться, значить, возвратный* – *Опыт исторического словаря русской лингвистической терминологии* М. Г. Булахова, т. 1). А. В. Лемов замечает, что: «а) имя существительное выступает как категориальная база функционирующей терминосистемы; б) вне синтаксической и парадигматической связи с именем существительным несубстантивный элемент теряет свою терминологическую самостоятельность» (Lemov, 2000, s. 39).

Лингвисты предъявляют к термину требование краткости. Одни предпочитают однословные термины (Danilenko, 1977, s. 318), другие пишут о том, что составные термины вообще «противоречат духу науки»

(Lemov, 2000, s. 65). Однако практика показывает, что среди, например, лингвистических терминов преобладают составные. Б. Н. Головин объясняет это тем, что по мере развития науки возникает необходимость номинировать сложные составные понятия. «Термины-словосочетания обладают свойством „цельности номинации“ и соотносены с устойчивой, стандартно воспроизводимой структурой сложных профессиональных понятий» (Golovin, Kobrin, 1987, s. 100).

В чешских работах нам встретилось еще одно свойство – **интернациональность**; во времена Й. Юнгманна при терминологической работе отдавалось предпочтение своим, национальным терминам, но в XX веке при упорядочивании и систематизации терминов приоритетными стали именно интернациональные термины в связи с их удобством при международном сотрудничестве.

В четвертую группу входят признаки термина с точки зрения **номинации**.

Системность термина считается одним из его важнейших свойств: системность представляется столь важной характеристикой терминологических единиц, что часто она указывается как важнейший признак термина, – признак, формирующий слово или словосочетание именно как термин. Системность является одним из наиболее важных условий существования термина. «Термин может существовать лишь как элемент терминосистемы, если под последней подразумевать упорядоченную совокупность терминов, адекватно выражающих систему понятий теории, описывающей некоторую специальную сферу человеческих знаний или деятельности» (Šelov, 2003, s. 84).

Доказано, что системность термина проявляется в двух аспектах: «как отражение системности понятий, обозначенных термином, и (...) как отражение мотивирующих словообразовательных возможностей слова-знака, являющегося термином» (Lemov, 2000, s. 43). Таким образом, системность проявляется не только на понятийном уровне, но и с точки зрения номинации. Термины с одинаковыми терминологическими элементами (например, термины **фонема**, **морфема**, **лексема**, **графема**; **антропоним**, **гидроним**, **топоним** являются однотипными относительно своего положения в системе терминологическими единицами).

Отличительным свойством термина также является **мотивированность**. Распространено мнение, что интернациональные термины, в отличие от незаимствованных, являются немотивированными. Но это не совсем верно, так как терминами пользуется относительно узкий круг специалистов, для которых эти заимствованные термины будут тоже мотивированными. В то же время некоторые термины с точки зрения синхронии утратили свою мотивацию (например, *предложение*, *приложение*).

Можно посмотреть на проблему мотивированности с другой стороны: «Термин в отличие от других слов возникает лишь одним способом – он создается, придумывается для названия специального понятия. Сначала появляется специальное понятие, а затем находится знак для его названия. В этом смысле термин вторичен и, следовательно, по сути всегда мотивирован» (Tabanakov, 1982, s. 26).

Конвенциональность, с точки зрения ряда терминологов (А. В. Лемов, Н. З. Котелова и др.), – это неперемное свойство термина. «Основное, неповторимое отличие термина – конвенциональность... Возможность субъективного начала в потреблении и образовании терминов, договоренности, условности вырывает этот языковой участок из объективной стихии языка» (Kotelova, 1970, s. 124). Конвенциональность распространяется не только на только что созданные термины, но и на уже сложившиеся, функционирующие термины. Но на практике выясняется, что это свойство – лишь желательное, потому что и без договоренности слово (словосочетание) может выступать в роли термина.

В работе *O české terminologii* Б. Поштолковой (1983) упоминаются еще два качества, рассматриваемых в паре. В русской терминологической школе этим качествам нет полного эквивалента, и им даже сложно подобрать адекватный перевод, это **ústrojnost (органичность или структурность)** и **úkonnost (функциональность)**. Под первым качеством понимается соответствие структуры термина нормам литературного языка, а под вторым проверенность термина временем, долговременное функционирование термина для нужд в специальной области.

Надо отметить, что рассмотренные нами признаки термина, как признают терминоведы, не всегда реализуются на практике, таким образом они являются качествами идеального термина. Но наличие таких требований важно для стандартизации терминологии, а проверка соответствия требованиям, предъявляемым к термину, помогает в каждом конкретном случае принять решение – термин перед нами или нет.

С нашей точки зрения, важнейшими отличительными свойствами термина являются: соотнесение значения термина с классом предметов, явлений; связь с профессиональным научным или техническим понятием, отсутствие эмоциональности, экспрессивности, системность, тенденция к однозначности в пределах терминосистемы, зависимость от научной концепции.

Как уже было отмечено выше, термин мыслится как элемент терминологии, поэтому необходимо определить, что стоит за этим понятием.

1.7 Понятия «терминологическое поле», «терминология», «терминосистема»

Термин **терминология** (*terminus* /лат./ – «предел, граница»; *logos* /греч./ – «слово, учение») понимается лингвистами неоднозначно. С одной стороны, терминологию определяют как совокупность терминов определенной области знания, с другой стороны, как науку о терминах. В последние десятилетия сложилась тенденция употреблять этот термин только в первом значении, а для науки о терминах Б. Н. Головиным и В. И. Петушковым было предложено название **терминоведение**.

Лингвисты не пришли к единому мнению в вопросе объема понятия терминология. Можно выделить три основные точки зрения на понятие *терминология*:

- круг терминов одной области, темы;
- совокупность слов, обозначающих научно-технические понятия;
- общая совокупность терминов всех областей деятельности. «Терминология – это соотнесенная с профессиональной сферой деятельности (области знания, техники, культуры, управления) совокупность терминов, связанных друг с другом на понятийном, лексико-семантическом, словообразовательном и грамматическом уровнях» (Golovin, Kobrin, 1987).

Учитывая «рабочее» определение термина, наиболее когерентным представляется третий подход. На современном этапе в науке о языке для обозначения совокупности терминов определенной области знания используются слова *терминология*, *терминосистема*, *терминологическое поле* (*терминополе*, *Т-поле*). *Терминологическое поле* определяется однозначно: «поле (Feld) для термина – это данная терминология, вне которой слово теряет свою характеристику термина» (Reformatskij, 1961, s. 51). Однако термин *терминологическое поле* встречается не так часто. Намного чаще в научной литературе встречаются термины *терминология* и *терминосистема*. Относительно этих терминов единства во взглядах нет. Приведем самые известные определения терминологии.

Г. О. Винокур определяет терминологию как стихийно сложившуюся совокупность терминов, отражающую исторический процесс накопления и осмысления знаний в определенной области. Терминология пополняется за счет общеупотребительной лексики и в свою очередь обогащает ее (Vinokur, 1939).

В. П. Даниленко считает, что терминология – это общая совокупность специальных наименований разных областей науки и техники, функционирующих в сфере профессионального общения. Исследователь также отмечает, что термину «терминология» соответствуют два понятия.

В узком понимании терминология – это совокупность терминов одной области знания, отражающая соответствующую совокупность понятий. В широком – общая совокупность терминов всех областей деятельности (Danilenko, 1977, s. 2-3).

С. В. Гринев рассматривает терминологию как совокупность терминов, используемых в определенной области знания (Grinev, 1993). Он также обращает внимание на сам термин «терминология», и считает его наглядным примером необходимости упорядочения специальной лексики. Терминовед пишет, что до недавнего времени этот термин использовался для обозначения трех разных понятий – не только в основном значении – «система терминов определенной области знания», но и в значении «вся совокупность терминов языка» и «наука, изучающая термины» (Grinev, 1993).

В чешских работах мы не так часто встречаемся с определением терминологии. В *Новом энциклопедическом словаре чешского языка (NESČ)* отмечается, что у слова *терминология* два значения: наука и группа, система терминов данной научной или практической (производственной, технической) области человеческой деятельности (напр., ботаническая, юридическая, лингвистическая).

Некоторые лингвисты разделяют понятия *терминология* и *терминосистема*. Сторонники разграничения этих терминов считают, что *терминология* – это естественно сложившаяся общность терминов, а *терминосистема* – специальным образом упорядоченная совокупность терминов.

Ряд исследователей (Д. С. Лотте, В. М. Лейчик, В. М. Сергевнина) считают терминологию более общим понятием, чем терминосистема, т. к. каждая терминология состоит из терминосистем. Для терминологии, по мнению В. М. Сергевниной, обязательны только экстралингвистические связи между терминами, тогда как для терминосистемы обязательной является взаимосвязь и на лингвистическом уровне (Sergevnina, 1981). В. М. Лейчик в своей книге *Терминоведение: предмет, методы, структура* (Lejčik, 2006, s. 106) подчеркивает, что терминология и терминосистема являются разными совокупностями терминов и что термины в терминологии получают свою терминологическую семантику, а в терминосистеме они обладают еще и другими свойствами, такими как системность, точность, однозначность и стилистическая нейтральность. На наш взгляд, имеет смысл обособление специально упорядоченной (при помощи терминоведов) совокупности терминов. Однако использование для ее обозначения термина *терминосистема*, возможно, не совсем удачно, поскольку ограничивает понятие системы в языке, на наш взгляд, возможно использовать термины *терминология* и *терминосистема* в качестве синонимов, а для того, чтобы показать, что терминология подверглась

специальной обработке, предлагаем пользоваться терминосочетаниями *упорядоченная терминология / упорядоченная терминосистема*. В защиту своего мнения можем добавить, что упорядоченность – качество относительное, поэтому сложно было бы определить, насколько надо упорядочить терминологию, чтобы она стала терминосистемой.

Понятие терминосистемы включает в себя множество специфических качеств. После анализа нескольких работ терминоведческой тематики нами были выделены следующие признаки.

1. Каждая терминосистема отражает категориальный аппарат, систему понятий конкретных наук, научных направлений, школ; существует прямая зависимость системы терминов от системы понятий. Некоторые лингвисты говорят даже о взаимозависимости системы и среды. В связи с этим часто известен автор термина или даже целой терминосистемы. Например, А. А. Барсов ввел в научный обиход термины *предложение, подлежащее, сказуемое, обстоятельство, согласование, управление*; Н. И. Гречу принадлежат термины *новостное, восклицательное, полное предложение*.
2. Системность. В 80-е годы было распространено мнение, что «та или иная система терминов (т. е. терминология) становится терминосистемой лишь тогда, когда она подвергается сознательному упорядочению и коррекции: терминолог создает дефиниции, предписывает связи между терминами, строит логические отношения» (Golovin, Kobrin, 1987, s. 78). Однако терминология системна, потому что системен мир, который она отображает. Системность научных понятий, их классификация определяют системность терминологии.
3. Иерархичность, проявляющаяся в соотносении ее элементов и в установлении между терминами родо-видовых отношений. Ступенчатая зависимость элементов терминосистемы выражена ярче, сильнее, четче, чем внутри лексико-семантической группы. В. М. Сергеевна отмечает, что «каждый элемент системы в свою очередь может рассматриваться как система, а исследуемая в данном случае система представляет собой один из компонентов более широкой системы» (Sergevnina, 1981).
4. Гетерогенность элементов системы: они должны отличаться друг от друга либо по форме, либо по содержанию, либо и тем и другим вместе.
5. Открытость границ терминосистемы. Одни элементы исчезают, появляются другие. Например, первоначально для обозначения понятия «предложение» использовались термины *слово, речь*. Только у А. А. Барсова впервые появляется термин *предложение* (для обо-

значения синтаксической единицы). Термины *слово, речь* в настоящее время вышли за рамки синтаксической терминологии. Надо отметить, что с развитием исследуемой области знания, в терминологии все больше закрепляются многословные термины (т. к. они выражают расчлененные, сложные понятия). Интересно, что дольше сохраняются в процессе развития терминосистемы однословные термины (Moiseev, 1970).

6. Целостность, т. е. несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов и невыводимость из последних свойств целого; зависимость каждого элемента, свойства и отношения системы от его места, функции и т. д. внутри целого.
7. Сочетание в терминологии функции коммуникативного обслуживания профессионально-трудовых нужд носителей языка (Golovin, Kobrin, 1987, s. 76) с номинативной, когнитивной и аккумулятивной функциями.

Важно также отметить следующие моменты.

1. Термин в пределах своей терминосистемы используется в прямом (номинативном) значении.
2. Термин становится термином только в рамках своей терминологии.
3. Семантические отношения, связывающие термины, являются общелогическими (род – вид, часть – целое, ассоциация), но индивидуальны в том смысле, что отношения связывают всегда конкретные термины конкретной терминологии (Golovin, Kobrin, 1987, s. 99).

1.8 Синонимия и вариантность терминов

Важным вопросом для терминоведов является проблема разграничения терминов-синонимов и вариантов термина. Особенно остро эта проблема встает при выделении терминов в тексте, то есть при работе со сферой функционирования, а не сферой фиксации. Этой проблеме посвящено несколько исследований, среди самых известных стоит упомянуть работы таких ученых, как О. Вюстер, Д. С. Лотте, Б. Н. Головин, В. П. Даниленко, В. М. Лейчик, С. В. Гринев, Л. Б. Ткачева, В. А. Татаринев, Ю. Н. Марчук, Е. В. Маринова и др.

Синонимию у терминов признают практически все терминологи (за редким исключением, см., например, А. Б. Бушев), терминам (как и словам общелитературного языка) свойственна синонимия, но терминологическую синонимию неодинаково оценивают лингвисты, термины-си-

нонимы понимаются по-разному. И если, говоря об общелитературных лексемах, большинство ученых сходится на том, что «синонимические отношения, реализуя тенденцию знака к асимметрии его сторон – означаемого и означающего, связывают слова одной и той же части речи, которые обладают тождественным лексическим значением или же близкими лексическими значениями. Синонимы относятся к одному и тому же денотату (и к одному и тому же сигнификату или же к близким по денотативной основе сигнификатам)» (Susov), то в случае с терминами-синонимами мнения разделяются. Так, по мнению В. П. Даниленко, синонимы – это слова «разнозвучающие, но совпадающие по значению или имеющие сходное, близкое значение» (Danilenko, 1977, s. 73). Б. Н. Головин определяет синонимию как совпадение по основному значению слов, морфем, конструкций, фразеологических единиц, синонимы выражают одно понятие, различаются оттенками значения или стилистической окраской, или и тем и другим. Кроме того, они способны к взаимозаменяемости в контексте (Golovin, Kobrin, 1987, s. 53). А. В. Суперанская считает синонимами «знаки, максимально приближенные друг к другу вследствие сходства связанных с ними понятий и общности именуемых вещей» (Superanskaja, Podol'skaja, 2003, s. 49). Для Л. Б. Ткачевой синонимы – термины, «абсолютно тождественные в значении и взаимозаменяемые в любом контексте» (Ткачева, 1987, s. 123).

Ряд исследователей считает, что терминологическая синонимия – нежелательное явление или даже недопустимое, что она является показателем неупорядоченности терминосистемы. А. В. Крыжановская рассматривает ее как результат словарной избыточности. Л. А. Капанадзе считает, что в терминологии нет синонимов в том значении слова, которым обычно пользуются лексикографы, но есть терминологическая дублетность, терминологические дубликаты – явление принципиально отличное от синонимии. Под дублетами (триплетами и т. д.) обычно понимаются слова, которые объединяются особой терминологической соотносённостью с одним и тем же научным объектом. При этом соотносятся они не как слова, не как таковые, а только вследствие невозможности обнаружить существенное различие в обозначаемых ими объектах (Achmanova, 2004).

Другие лингвисты, напротив, рассматривают синонимию терминов как весьма распространенное и позитивное явление, доказывающее развитие терминосистемы, метаязыка науки, так как термины, называя одно и то же понятие, могут выделять разные его стороны, что важно для научного процесса. Так, например, Ю. Н. Марчук отмечает, что «такие семантические классы терминов, как синонимия, <...> имеют едва ли не большее распространение, чем соответствующие группы слов в общели-

тературном языке. Благодаря этим разрядам терминологических единиц выражаются многообразные логико-понятийные взаимосвязи в терминологии. С помощью множественности номинативных средств языка реализуется лабильность мыслительных структур» (Mařčuk, 2007, s. 144).

На практике терминоведы встречаются с проблемой отграничить термины-синонимы от терминов-вариантов. Разграничение осложняется тем, что у терминоведов нет единого мнения относительно синонимии и вариантности в терминологии. С. Д. Шелов в своей статье *О вариативности и синонимии в терминологии* концептивно выделил следующие подходы:

- 1.1. Вариативность и синонимия в терминологии полностью отрицаются (Е. Н. Толикина).
- 1.2. Терминологической вариативности и синонимии не приписывается какого-либо точного терминологического значения, что позволяет говорить об одних и тех же явлениях то как о синонимических вариантах, то как о вариативных синонимах (вариантах-синонимах) (В. П. Даниленко).
- 1.3. Различие между вариативностью и синонимией терминов (не обязательно подразумевающее их взаимное исключение) постулируется, однако выяснить, в чем же оно состоит, не удастся (И. М. Жилин, И. И. Михина, Н. А. Шурыгин).
- 1.4. В некоторых случаях терминологическая вариативность допускается и составляет предмет исследования тех или иных работ и при этом она трактуется как явление более общее, чем синонимия (В. М. Лейчик, Ю. В. Сложеникина, В. А. Татаринов и др.).
- 1.5. В других случаях терминологическая вариативность допускается и, образуя предмет исследования, она трактуется как явление более частное по сравнению с синонимией (С. В. Гринев-Гриневич).
- 1.6. Некоторая часть исследователей вообще не видит возможности устанавливать родо-видовые (гиперо-гипонимические) отношения между синонимией терминов и их вариативностью, полагая, что это – явления разного порядка (Е. А. Иванникова, Е. В. Маринова) (Šelov, 2014).

При этом, даже придерживаясь сходных взглядов на соотношение терминологической синонимии и вариативности, ученые могут выделять разные типы вариантов и синонимов (см., например, подробный анализ Složenikina, 2015).

В чешских терминологических работах не было такой широкой, массовой дискуссии о различиях вариантности и синонимии, типах синонимов и видах вариантов. Термины *дублет*, *синоним*, *эквивалент* разграничивались, но речь шла о языковой синонимии, вариантности, дублетности

в целом, а не применительно к терминологии. Напр, ст. *Lexikální ekvivalenty, dublety a varianty* Й. Грбачека (Hrbáček, 1974).

В нашей работе мы будем придерживаться концепции С. Д. Шелова, изложенной в уже цитируемой статье. С. Д. Шелов видит решение проблемы вариативности в следующем: а) терминологическая вариативность существует только на уровне слов и словосочетаний; б) вариативность и синонимия – явления разного порядка; в) терминологическая синонимия, полисемия и омонимия объясняются лексической синонимией, полисемией и омонимией в рамках общего языка; г) дублетность – частный случай синонимии (данный термин соответствует понятию эквивалентности у Гринева-Гриневича); д) терминологическая эквивалентность основана на идентичности денотатов; е) терминологическая вариативность – «соотношение ряда терминов, при котором все они имеют общность понятийного содержания, обусловленную определением (толкованием или объяснением) одного из них, а понятийное содержание остальных терминов может быть объяснено преобразованиями (трансформациями) языковой структуры этих терминов как производных от того, который имеет определение (толкование или объяснение)» (Šelov, 2014, s. 11-12). При этом, как замечает автор, вариативность может быть формально выражена всеми возможностями фонетического, графического, морфологического, словообразовательного и синтаксического варьирования терминов и в определенных случаях совпадать с синонимией, а терминологическую полисемию следует считать полисемантической вариативностью (Šelov, 2014, s. 8). Наконец, С. Д. Шелов вводит понятие категориального варианта термина – вариант термина в виде категориально различной формы (Šelov, 2014, s. 15).

Среди описываемых нами терминов встречаются как варианты терминов, так и синонимы. К вариантам можно отнести *skladební dvojice – skladebná dvojice, второстепенный член предложения – второстепенный член*, потому что термины отличаются друг от друга формально, это разница в структуре, но эти структурные модели или выражают одно и то же значение (в нашем случае определительное) или это корреляция полной и краткой формы. К синонимам отнесем пары *главные члены предложения – грамматический центр, второстепенный член предложения – зависимый член предложения, přísudek – predikát*, потому что у терминов разное лексическое наполнение.

1.9 Выводы

Подводя итог, выделим основные положения, на которые мы будем опираться в дальнейшей работе.

1. В качестве «рабочего» определения термина мы воспользуемся дефиницией Б.Н. Головина: термин – это «слово или подчинительное словосочетание, имеющее специальное значение, выражающее и формирующее профессиональное (а не только научно-техническое) понятие и применяемое в процессе познания и освоения научных и профессиональных объектов и отношений между ними».
2. Признаки, помогающие отличить термин от нетермина, касаются значения, внешней формы, обозначаемого понятия и самого принципа номинации.
3. Термин выполняет терминологическую функцию только в рамках соответствующей терминологии.
4. Сначала появляются термины речи, если они удовлетворяют специалистов, пользующихся ими, они закрепляются, становясь терминами языка.
5. Считается, что при упорядочивании терминологии появляется терминосистема. Однако сложно определить меру упорядоченности некоей совокупности терминов, поэтому четко разделить, где проходит граница между терминологией и терминосистемой, очень трудно. Мы будем использовать термины *терминология* и *терминосистема* как синонимы, для обособления специально упорядоченной (при помощи терминоведов) совокупности терминов будет использоваться терминосочетание *упорядоченная терминология*.

2 СЛОВСОЧЕТАНИЕ И СИНТАГМА В РУССКИХ И ЧЕШСКИХ ГРАММАТИКАХ

Для анализа терминов *словосочетание* и *синтагма* в русском и чешском языке мы воспользовались следующими источниками:

- Грамматика русского языка* 2 тт. Под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1954.
- ЛЕКАНТ, П. А. – КЛОБУКОВ, Е. В. – МАРКЕЛОВА, Т. В. – МОНИНА, Т. С. – САМСОНОВ, Н. Б. *Современный русский язык. Учебное пособие для студентов учреждений среднего профессионального образования педагогического профиля*. Под редакцией П. А. Леканта. Москва: Дрофа, 2001.
- СВЕТЛИК, Я.: *Синтаксис русского языка в сопоставлении с словацким*. Bratislava: SPN, 1970.
- BAUER, J.: *Několik poznámek o pojmech slovní spojení, větná dvojice a syntagma*. Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 1952, vol. 1, iss. A1, s. 26-57.
- DANEŠ, F. – HLAVSA, Z. – GREPL, M.: *Mluvnice češtiny 3 – Skladba*. Praha: Academia, 1987.
- FLÍDROVÁ, H. – ŽAŽA, S.: *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским*. Olomouc, 2005.
- GREPL, M. – KARLÍK, P.: *Складба spisovné češtiny*. Praha: SPN, 1986.
- KUBÍK, M. a kol.: *Русский синтаксис в сопоставлении с чешским*. Praha: SPN, 1982.

В качестве дополнительных источников нами привлекались русские и чешские словари лингвистических терминов.

2.1 Словосочетание и синтагма в русской грамматической традиции

Одним из спорных вопросов для синтаксистов является проблема словосочетания. Сложности возникают уже при дефиниции словосочетания, потому что подход лингвистов к определению словосочетания отличается, в результате возникает терминологическая путаница. Решение вопроса о том, что входит в понятие *словосочетание*, является особо важным в преподавании синтаксиса.

Основными дискуссионными проблемами теории словосочетания можно считать следующие:

- существует ли словосочетание вне предложения, в которое оно входит как «строительный материал», или же оно вычленяется из предложения наряду с другими сочетаниями слов (подход «сверху» – от предложения и подход «снизу» – от слова) (Babajceva, Maksimov, 1987, s. 43).
- что считать словосочетанием? Любое ли сочетание слов следует признавать словосочетанием?

В зависимости от ответа на первый вопрос выделяются разные отличительные признаки словосочетания. Авторы, склоняющиеся к тому, что словосочетание вычленяется из предложения, подчеркивают признаки словосочетания, сближающие его со словом, словоформой; лингвисты, полагающие, что словосочетание может существовать вне предложения, акцентируют внимание на сопоставлении с другими сочетаниями слов.

Для ответа на второй вопрос лингвисты, как правило, пытаются определить, какой вид связи лежит в основе словосочетания (только подчинительная или сочинительная и подчинительная), и следует ли включать в число словосочетаний пару сказуемого и подлежащего.

От решения этого вопроса зависит разграничение понятий *предложение* и *словосочетание*: «При положительном решении вопроса, т. е. признании существования предикативных словосочетаний, предложение может оказаться частным случаем словосочетания или, что то же самое, словосочетание само по себе может быть предложением; наоборот, при отрицательном решении вопроса, т. е. непризнании существования предикативных словосочетаний, между предложением и словосочетанием устанавливается резкая грань» (Valgina).

Разногласия в том, что считать словосочетанием, зафиксированы и в словарях лингвистических терминов. Так в словаре О. С. Ахмановой мы встречаемся с более широкой трактовкой словосочетания, чем в ЛЭС. Ахманова выделяет два значения термина *словосочетание*. 1. Соединение

двух или более знаменательных слов (вместе с относящимися к ним служебными словами или без них), служащее для выражения единого, но расчлененного понятия или представления.

2. Любой вид грамматического сочетания полнозначных слов. (Achmanova, 2004).

В ЛЭС представлено узкое понимание словосочетания: «синтаксическая конструкция, образуемая соединением двух или более знаменательных слов на основе подчинительной грамматической связи – *согласования, управления* или примыкания. Грамматически и семантически главенствующее слово составляет стержневой (главный) компонент словосочетания, грамматически подчиненное слово – его зависимый (подчиненный) компонент. По стержневому компоненту словосочетания подразделяются на субстантивные (стержневое слово – существительное), адъективные (стержневое слово – прилагательное), глагольные и наречные. Словосочетание служит средством *номинации*, обозначая предмет, явление, процесс, качество, названные стержневым компонентом и уточняемые, конкретизируемые зависимым компонентом («*зеленый абажур*», «*читать книгу*», «*весело шагать*», «*очень близко*»). Грамматическое значение словосочетания создается отношением, которое возникает между знаменательными словами, соединяющимися на основе того или иного вида присловной подчинительной связи» (Lingvitičeskij ènciklopedičeskij slovar'). Таким образом сочинительные конструкции, сочетание подлежащего со сказуемым выносятся за рамки словосочетания.

Обратимся к истории изучения словосочетания. Русский термин *словосочетание* вводит в научный обиход А. Х. Востоков. В первых оригинальных русских грамматиках (*Российская грамматика* М. В. Ломоносова, 1755; *Русская грамматика* А. Х. Востокова, 1831) важнейшим разделом в описании грамматики являлось учение о закономерностях соединения слов, поэтому большое внимание уделялось описанию сочетаний слов разных частей речи (например, сочетание существительного и прилагательного, сочетание глагола и наречия и т. д.), но словосочетание как особая синтаксическая единица не рассматривалось. В более поздних грамматиках центральное место в синтаксисе стало занимать предложение и учение о членах предложения.

Новый поворот к словосочетанию в русской синтаксической традиции напрямую связан с именем Ф. Ф. Фортунатова, представителя Московской фонетической школы и формального направления в синтаксисе. Ф. Ф. Фортунатов рассматривает словосочетание как самостоятельную синтаксическую единицу, считает его главным предметом изучения синтаксиса, а предложение для него – всего лишь разновидность словосочетания («законченное словосочетание»). В своей работе Фортунатов

пишет, что словосочетание – это «то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного слова (не частицы) с другим полным словом, будет ли это выражением целого психологического суждения или его части» (Fortunatov, 1957, s. 451). Под влиянием фортунаатовской школы словосочетание стали рассматривать как группу (чаще пару) грамматически связанных словоформ, выделяемую из предложения (такое понимание характерно для общей европейской синтаксической традиции), что полностью соответствует понятию *синтагма*.

А. М. Пешковский еще шире понимает словосочетание: «Словосочетание есть два слова или ряд слов, объединенных в речи и в мысли» (Peškovskij, 1956, s. 35).

Внес свой вклад в разработку теории словосочетания и А. А. Шахматов (*Синтаксис русского языка*, 1941). Он определяет словосочетание как «такое соединение слов, которое образует грамматическое единство, обнаруживаемое зависимостью одних из этих слов от других» (Šachmatov, 1941, s. 274). По Шахматову, синтаксис словосочетаний занимается главным образом второстепенными членами предложения в их отношении к главным членам или во взаимном отношении друг к другу, тогда как синтаксис предложения занимается главными членами предложения в их отношении к предложению или во взаимном отношении друг к другу. Предложение тоже является словосочетанием, но словосочетанием законченным, а остальные словосочетания характеризуются как незаконченные. Словосочетания распадаются на два вида: независимые, в которых господствующее слово выступает в независимой форме (подлежащее двусоставного предложения или главный член односоставного предложения плюс грамматически связанное с ними слово), и зависимые, в которых господствующее слово выступает в зависимой форме (все остальные словосочетания). Как показывают эти рассуждения Шахматова, словосочетания выделяются им из предложения. Сочетание подлежащего со сказуемым не включается в число пар, образующих словосочетание, поэтому грамматическая связь между обоими главными членами изучается в синтаксисе предложения (Valgina, 2002, s. 352).

Теория словосочетания позднее разрабатывалась в трудах Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, В. А. Белошапковой и других лингвистов.

Рассмотрим, как понимается термин *словосочетание* в отдельных русских грамматиках.

В *Грамматике русского языка* (1954) (далее AG-54) авторы оперируют термином *словосочетание*.

Считается, что словосочетание относится «к тем грамматическим единствам, которые, возникая из сочетания слов по законам или правилам данного языка, выражают в составе предложения единые, хотя и рас-

члененные значения. Такого рода грамматические единства, словосочетания, состоящие, как уже было сказано выше, не менее, чем из двух полных слов, являются строительным материалом для предложения» (AG-54, 1954, s. 10).

Словосочетание признается синтаксической единицей: «в синтаксис, кроме учения о предложении, кроме правил составления предложений или соединения слов в предложения, входит и описание видов словосочетаний, описание способов сочетания слов в предложении» (AG-54, 1954, s. 6).

Структура словосочетания характеризуется тем, что оно организуется около одного знаменательного слова, являющегося его стержнем; это обнаруживается как в формальной, так и в смысловой стороне словосочетания. (...) Словосочетанию так же, как и слову, принадлежит способность формоизменения, т. е. оно обладает системой форм (AG-54, 1954, s. 11).

Авторы грамматики выступают против деления словосочетаний на предикативные и непредикативные, по их мнению, это смешение вопросов изучения словосочетания с учением о структуре предложения. В то же время подчеркивается важность выделения типов словосочетаний по части речи стержневого слова: именные (субстантивные и адъективные), глагольные и наречные (или адverbиальные). Это важно, потому что «есть синтаксические связи, типичные для отдельных частей речи» (AG-54, 1954, s. 13).

Еще более подробно В. В. Виноградов разрабатывает вопрос словосочетания в *Вопросах синтаксиса русского языка (1950)*, где он последовательно разграничивает понятия *словосочетание* и *предложение*, полемизируя с представлениями Ф. Ф. Фортунатова, А. М. Пешковского, А. А. Шахматова. «Словосочетание и предложение – понятия разных семантических рядов и разных стилистических плоскостей. Они соответствуют разным формам мышления. Предложение – вовсе не разновидность словосочетания, так как существуют и слова-предложения. Но оно и по внутреннему существу своему, по своим конструктивным признакам непосредственно не выводимо из словосочетания.

Словосочетание только в составе предложения и через предложение входит в систему коммуникативных категорий речи, средств сообщения. Но оно относится так же, как и слово, и к области «номинативных» средств языка, средств обозначения. Оно так же, как и слово, представляет собой строительный материал, используемый в процессе языкового общения. Предложение же – произведение из этого материала, содержащее сообщение о действительности. Словосочетание в русском языке, если оно не представляет собой фразеологического сращения или фразеологического единства, т. е. неразложимого семантического образова-

ния, свободно дробимо на слова и представляет собой продукт семантического распространения слова. Оно складывается из «частей речи», но реализует все многообразие своих смысловых возможностей в предложении» (Vinogradov, 1950, s. 38).

«Словосочетание – это сочетание слов, организованное по законам данного языка и выражающее какое-нибудь понятие, хотя и сложное, и способное служить его обозначением. Это свободный эквивалент фразеологической единицы» (Vinogradov, 1950, s. 42).

В *AG-54* словосочетания классифицируются по частеречной принадлежности главного слова. Эта традиция берет начало от *Российской грамматики* М. В. Ломоносова. Авторы рассматривают словосочетания с глаголом в роли главного слова, словосочетания с именем существительным в роли главного слова, словосочетания с именем прилагательным в роли главного слова, словосочетания с местоимением в роли главного слова, словосочетания с именем числительным в роли главного слова, словосочетания с наречием в роли главного слова. В рамках каждого типа выделяются многочисленные разновидности, каждая из которых получает наименование по конкретному элементу, который входит в словосочетание (напр., словосочетания с зависимым словом – именем существительным в родительном падеже, словосочетания с предлогом из, беспредложные глагольные словосочетания с именами существительными и др.). Для называния разновидностей используются номенклатурные наименования.

У П. А. Леканта словосочетание наряду с предложением – основная единица синтаксиса. Словосочетание – это непредикативное соединение двух или более знаменательных слов на основе подчинительной связи, которое служит для расчлененного обозначения сложного явления действительности: *заботливый друг, верность долгу, беречь мир, крепко любить*. В словосочетании имеется грамматически господствующее слово – главный, стержневой компонент и грамматически подчиненное слово – зависимый компонент» (Lekant, 2001, s. 249).

П. А. Лекант особо подчеркивает наличие грамматической подчинительной связи, в *AG-54* в определении это так не акцентируется. П. А. Лекант обращает внимание на двучленность словосочетания, говорит о наличии в нем главного и подчиненного членов. И В. В. Виноградов, и П. А. Лекант считают словосочетание синтаксической единицей.

В русских анализируемых грамматиках мы не встретились с термином *синтагма*, там мы имели дело с устоявшимся термином *словосочетание*, которым обычно оперируют лингвисты. Термин *синтагма*, как правило, не так распространен и чаще используется в другом значении.

Словарь лингвистических терминов О. С. Ахмановой фиксирует термин синтагма сразу в шести значениях: СИНТАГМА *англ.* syntagma, *фр.* syntagme.

1. Двучленная структура, члены которой соотносятся как определяемый (Т) и определяющий (Т¹), причем этими членами могут быть как слова, так и морфемы; сложнообразованный знак речи, в котором функции отождествления – различения распределяются между составляющими его элементами, которых (элементов) вследствие бинарного характера синтагмы нормально два. *Синтагма бинарная.*
2. Результат данной фразировки, результат синтактико-стилистического членения (сегментации) фразы.
3. То же, что речевое звено.
4. Слово как предельный элемент словосочетания (соотв. предложения) в его отношении к другим таким же элементам, т. е. словам, входящим в то же комплексное синтаксическое единство.
5. То же, что синтагма внутренняя.
6. То же, что словосочетание. (Achmanova, 2004).

ЛЭС выделяет 2 значения *синтагмы* и определяет этот термин так: «(от греч. σύνταγμα, букв. – *вместе построенное, соединённое*) – 1) интонационно-смысловое единство, которое выражает в данном контексте и в данной ситуации одно понятие и может состоять из одного слова, группы слов и целого предложения. Л. В. Щерба определил синтагму как фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли. В решении вопроса о членении речевого потока он исходил из единства смысловой и звуковой сторон языка при доминирующей роли первой. Поскольку синтагму составляют слова, тесно связанные по смыслу, она обычно представляет собой и синтаксическое единство. Так, в отдельные синтагмы выделяются обособленные члены предложения, вводные и вставные конструкции и т. п. Однако совпадение синтаксического и синтагматического членения необязательно. Разное синтагматическое членение одного предложения создаёт различные высказывания, передающие тонкие оттенки смысла и выражающие отношение говорящего к сообщаемому факту (...).

2) Последовательность двух (или более) языковых единиц (морфем – «дом-ик», слов – «старый дом», словосочетаний, предложений), соединенных определенным типом связи (например, определительной). Употребление термина «синтагма» в этом значении восходит к Ф. де Соссюру» (LES).

В определении из *ЛЭС* особенно ярко проявляется характерная для русской лингвистической традиции трактовка синтагмы как термина,

связанного с описанием фонетического строя языка, в отличие от чешского подхода, при котором под термином *syntagma* понимается именно синтаксическая единица.

Следуя этим определениям словарей, очевидно понимаем, что *словосочетание* и *синтагма* в русской синтаксической традиции – разные термины, они не являются синонимами.

2.2 Словосочетание и синтагма в работах чешских и словацких русистов

По Р. Зимеку, который для учебника *Русский синтаксис в сопоставлении с чешским* разрабатывал раздел, посвященный словосочетаниям и синтаксическим отношениям, «слова и словоформы, связанные синтаксическими отношениями и оформленные определенным типом связи, образуют словосочетания. Это минимальные синтаксические единицы – элементы внутренней структуры предложения. В отличие от предложения, словосочетание не является коммуникативной единицей, но, функционируя в предложении, только в его составе и через него входит в систему коммуникативных единиц языка» (Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 32).

В учебнике представлено несколько классификаций словосочетаний, поэтому именно здесь мы встречаемся с самой многочисленной терминосистемой с базовым термином *Словосочетание*.

Словосочетания: свободные словосочетания; несвободные словосочетания

Словосочетания: простые словосочетания; сложные словосочетания

Словосочетания: глагольные словосочетания; субстантивные словосочетания; адъективные словосочетания; наречные словосочетания; словосочетания с предикативом

Трактовка *словосочетания* в учебнике Г. Флидровой и С. Жажи похожа на трактовку, представленную в учебнике под редакцией М. Кубика: авторы считают словосочетание составной частью, элементом внутренней структуры предложения (Flídrova, Žaža, 2005, s. 18). В состав словосочетаний входят компоненты, объединенные как сочинительной, так и подчинительной связью.

В данном учебном пособии подробно не разбирается типология словосочетаний, авторы только указывают, что существуют синтаксически нечленимые словосочетания.

В учебнике Я. Светлика *Синтаксис русского языка в сопоставлении с словацким* (1970) проблеме соотношения *словосочетания* и *синтагмы* посвящен целый параграф. Сам Я. Светлик использует термины *синтагма* и *словосочетание* «как равнозначные, т. е. для обозначения свободного сочетания

двух или более полнозначительных слов, образующих определенное смысловое целое» (Svetlík, 1970, s. 33). При описании данной синтаксической единицы автор предпочитает употреблять термин *синтагма* (соответственно выделяет *предикативные, детерминативные, объектные, предикативно-детерминативные синтагмы*).

Из представленных определений следует, что *словосочетание* чешскими и словацкими русистами понимается широко, в их число включаются не только непредикативные подчинительные словосочетания, но предикативные словосочетания, т. е. подлежащее + сказуемое, а также группы слов, объединенные сочинительной связью – однородные члены предложения.

Чешские русисты в проанализированных нами учебниках не используют термин *синтагма*, однако можно отметить, что для чешской русистики все-таки характерно разграничение терминов *синтагма* и *словосочетание*, под *синтагмой* понимается синтаксическая единица (формально-грамматическая), словосочетание рассматривается скорее как единица лексики (семантико-грамматическая единица) (Flídřová, 2012).

2.3 Словосочетание и синтагма в работах чешских богемистов

В чешских грамматиках и учебниках синтаксиса теории словосочетания не уделяется такого внимания, как в русских. В грамматиках Ф. Травничека, Ф. Копечного, В. Шмилауера отсутствует специальный раздел, посвященный словосочетанию. В других грамматиках при описании словосочетания встречаются терминологические разногласия и несогласованность. Как выявилось на практике при анализе терминов в чешских грамматиках, проблема терминологической несогласованности в трудах богемистов (и словакистов) назрела достаточно давно. В чешской и словацкой литературе термины *slovní spojení* и *syntagma* (*sklad, větná dvojice* и *syntagma* в словацком языке) зачастую используются как синонимы (Svetlík, 1970, s. 33). Об этом терминологическом разногласии известно и чешским, и словацким лингвистам. В своей статье Я. Бауер *Několik poznámek o pojmech slovní spojení, větná dvojice a syntagma* (1952) подробно анализирует разницу во взглядах ученых.

Я. Бауер обращается к истории изучения словосочетания, сравнивает идеи Й. Риса, Ф. Ф. Фортунатова, В. В. Виноградова и др. лингвистов. Говоря о чешском подходе к описанию и изучению словосочетания, Бауер перечисляет термины, которые использовались чешскими лингвистами для обозначения понятия *словосочетание*, это *slovní skupina, slovní výraz, sousloví*, позже с разработкой теории о синтагматическом членении речи по-

является термин *syntagma*, однако термин использовался как многозначный, а также часто выступал синонимом для других чешских (и словацких) терминов: «*Průruční slovník jazyka českého* klade rovnítko mezi *syntagma* a *větnou dvojicí* (...). *Syntagma* definuje jako „spojení slov, která tvoří významově i syntakticky vyšší jednotku, větná dvojice“. Termínu „*syntagma* neboli sklad“ užívá slovenská *Základná jazykovedná terminológia*, vydaná nedávno Slovenskou akademií věd a umění za redakce Št. Peciara (Bratislava 1952). Mezi syntaktickými termíny uvádí „sklad, syntagma“ s tímto dalším dělením: určovací sklad, determinatívna syntagma (*menný a slovesný určovací sklad neboli nominálna a verbálna determinatívna syntagma*); *priradovací sklad*, *koordinatívna syntagma*; *vetný sklad*, *predikatívna syntagma*. V určovacím skladu se rozlišuje člen nadřazený a podřazený nebo určený a určující. (Bauer, 1952, s. 38). Бауер считает, что из-за многозначности и неточности термина *syntagma* появляются новые термины – *větná dvojice* и *syntaktická dvojice* с четкой дефиницией: «Označuje se jím spojení dvou slov nebo výrazů, mezi nimiž je vztah určeného a určujícího (Bauer, 1952, s. 39). Termín *větná dvojice* byl pojat do *Jednotného školního názvosloví mluvnického*, vypracovaného podle návrhu České akademie věd a umění a závazného od škol. r. 1944/45 pro všechny školy. Je uveden v kapitole o větných členech a definován jako „spojení slov vztahem větným nebo syntaktickým“. Skládá se z členu řídicího a závislého; závislost se vyjadřuje shodou (kongruencí) nebo podřízeností (rekcí). Normalisované názvosloví ustaluje i význam termínů *sousloví* a *rčení*» (Bauer, 1952, s. 39).

V заключении статьи Бауер делает вывод, что по сути, авторы, использующие разные термины, говорят об одном и том же явлении, но описывают его с разных позиций: «Srovnáme-li všechny ty různé variace učení o slovních spojeních (slovních skupinách, spojeních slov, souslovích apod.), vycházejícího na Západě od Riese a v Rusku od Fortunatova, a učení o větných dvojicích (syntagmatech), k němuž dal podnět F. de Saussure, vidíme, že obojí pojednává v podstatě o téměř jazykovém jevu, o téže jazykové jednotce. Rozdíl je v tom, že učení o slovním spojení vychází vlastně od slova a zkoumá jeho rozvíjení v procesu tvoření věty, kdežto učení o větných dvojicích vychází z analýsy věty. Učení o slovních spojeních při tom často slovní spojení z věty abstrahuje, protože v něm vidí jednotku na větné stavbě, na větném vztahu přímo nezávislou, nebo lépe řečeno závislou jen nepřímou, jednotku, která do věty vstupuje hotová podobně jako slovo. (...) K větným dvojicím docházíme postupem opačným, analysou věty. Větné dvojice se vydělují a existují pouze ve větě a nelze je z ní dobře abstrahovat. To především proto, že větná dvojice, založená na vztahu určeného a určujícího, je vždy jen dvoučlenná, takže každý její člen může být i zároveň členem jiných větných dvojic; každý člen určený je zároveň určujícím v jiné dvojici s výjimkou jediného slova ve větě, které je absolutně určené a nezávislé (obvykle holý podmět). Při analýse

věty na větné dvojice jeví se nám větná stavba jako řetězec dvojic, vzájemně do sebe zapadajících; jeho začátek tvoří člen absolutně určovaný» (Bauer, 1952, s. 41–42).

Но несмотря на то, что речь идет об одном явлении, между терминами *slovní spojení* и *větná dvojice* нельзя ставить знак равенства: «Z gužného pohledu na spojování slov ve slovní spojení nebo ve větné dvojice vyplývá přirozeně i to, že se oba pojmy svým rozsahem a obsahem nekryjí. Slovní spojení se nazývá každé seskupení slov, spojených navzájem vztahem syntaktickým a významovým, ať už se navzájem určují, nebo ať jsou souřadná a pouze společně vstupují do predikačního nebo determinačního vztahu s jinými slovy nebo slovními spojeními, nebo konečně ať vznikají opakováním slov. Větnou dvojici ovšem takové souřadné spojení slov netvoří, neboť tu nejde o vztah určeného a určujícího (celé takové souřadné spojení bývá pouze jedním členem dvojice)» (Bauer, 1952), т. е. объем понятия *větná dvojice* меньше, чем *slovní spojení* за счет того, что в него не включаются однородные словосочетания. Статья Я. Бауера заканчивается русским резюме, в котором он указывает эквиваленты чешских терминов *slovní spojení* и *větná dvojice*, это соответственно *словосочетание* и *парное сочетание в предложении*. Если термин *словосочетание* хорошо знаком русскому читателю, то *парное сочетание в предложении* является новым термином, который впоследствии не закрепился в русистских работах.

В анализируемых чешских грамматиках мы столкнулись с терминами *skladební dvojice* и *syntagma*.

М. Грепл и П. Карлик (*Skladba spisovné češtiny*, 1986) пользуются синонимичными терминами *skladební dvojice* и *syntagma*. Интересно, что в тексте мы встречаемся с термином *skladební dvojice*, а в предметном указателе с термином *skladebná dvojice*. В этой грамматике находим крайне схематичное описание словосочетания: «Realizací subordinálního vztahu jedním z uvedených způsobů vyjádření vzniká skladební dvojice (syntagma)» (Grepl, Karlík, 1986, s. 202). Более подробно проблематика словосочетания не рассматривается. Из краткого определения ясно, что под словосочетанием понимаются сочетания слов на основе согласования, управления, примыкания, и что термины *skladební dvojice* и *syntagma* – синонимы.

В *Mluvnice češtiny* (3) авторы оперируют термином *syntagma*, определяют его следующим образом: «je to struktura skládající se z jednoho, nebo (jde-li o syntagma valenční) několika členů dominovaných a z členu bezprostředně dominujícího, avšak vždy na témž principu: např. *Čestný člověk, rychle běželi, se-stra spala, brigáda překonala rekord, Jan oznámil rodičům sňatek / že se oženil*» (МČЗ, 1987, s. 18). Из определения и приведенных примеров следует, что под *синтагмой* подразумевается конструкция, построенная на подчинительных отношениях (есть главное и зависимое слово), что к синтагмам

относятся и сочетания подлежащего со сказуемым, что и целый ряд предложений можно назвать синтагмой. Авторы выделяют несколько типов синтагм: *valenční syntagma*, *rozvíté syntagma*; а также характеризуют синтагмы с точки зрения частеречной принадлежности главного слова: *substantivní syntagma*, *adjektivní syntagma*, *infinitivní syntagma*, *přechodníkové syntagma*, *syntagma predikátové* и другие.

Если говорить о сосуществовании этих синонимичных терминов в чешской грамматической традиции, то надо отметить, что параллельное функционирование терминов продолжается до настоящего времени, это нашло отражение в NESČ, где мы встречаем термины *syntagma* и *skladební dvojice*. Вот как определяют авторы *skladební dvojice*: «V školních mluvnicích dvojice holých (nerozvítených) větných členů, které jsou k sobě bezprostředně vázány syntaktickou závislostí; užívá se rovněž termínu **syntagma**. Ve větě *Téměř před naším domem postavili bohužel zedníci i maringotku* je **s. d.** tvořena výrazy [*zedníci – postavili*] (tzv. **základní skladební dvojice**: podmět – přísudek), [*postavili – maringotku*], [*postavili – před domem*], [*naším – domem*]. Výraz [*před domem*], [*téměř před*], [*i maringotku*] se za **s. d.** nepokládají, protože obsahují synsémantická (neplnovýznamová) slova, která v školních mluvnicích nejsou větnými členy, nebo „se neurčují“; příslovce *bohužel* taky není členem **s. d.**, protože jakožto větné příslovce se syntakticky i významově může vztahovat na různě velkou část struktury věty. (NESČ, *skladební dvojice*). Struktura skládající se z dependentu a z bezprostředně jej dominujícího regentu se (často) nazývá termínem *syntagma*, ve školní mluvnici *skladební dvojice*» (NESČ, *dominace*) (**s. d.** – skladební dvojice. Прим. О. Б.).

Авторы говорят о том, что эти термины – синонимы, однако если мы обратимся непосредственно к словарной статье *syntagma* в NESČ, то обнаружим, что объем понятия намного шире: «Pravidelná konkrétní textová kombinace minimálně dvou (a obvykle různých) prvků, resp. jednotek libovolné jedné roviny (fonologické, morfologické, lexikální, ale v syntaxi i klauzové), založená na jejich kompatibilitě, srov. *zelený papír*; s. je vytvářeno, generováno ad hoc, pro komunikativní potřeby chvíle. Na úrovni kombinace lexémové se mu říká kolokace. Pro každé s., které je obvykle jen binární povahy (pokud to je možné, lze řadu vícečlenných s. redukovat na binární), je závažné pořadí a textové sousedství. To však může být někdy porušeno, srov. *otec čte, otec prý čte*. Pro popis plné povahy je vedle délky s., počtu komponentů a pořadí důležitý i druh vztahu mezi komponenty a způsob jeho vyjádření (explicitně nebo implicitně). S. vytvářejí různě zřetelný textový celek, resp. textovou jednotku (na níž je postavena veškerá základní syntax), а pro jejich charakterizaci platí pravidlo *jak-tak i*. Typy s. jsou dány kombinatorickými možnostmi komponentů, на úrovni lexémové vedle kompatibility i jejich kolokabilitou» (NESČ, *syntagma*) (s. – syntagma. Прим. О. Б.).

Терминологическое разнообразие для обозначения понятия *словосочетание/синтагма* подчеркивает сложность данной синтаксической единицы, многообразие признаков, сочетающихся в ней.

2.4 Выводы

Теория словосочетания в работах чешских синтаксистов разработана не так детально, как в работах русских лингвистов. В работах русских синтаксистов словосочетание рассматривается как синтаксическая единица наравне с предложением.

Чешские русисты, следуя русской синтаксической традиции, используют термин *словосочетание*. В русских грамматиках используется устоявшийся термин *словосочетание*, в работах чешских богемистов мы встречаемся с разными терминами-синонимами и вариантами терминов (*slovní spojení, větná dvojice, skladební dvojice, skladebná dvojice* и др.). Многообразие терминов отражает разницу подходов лингвистов к описанию данной единицы.

В русской синтаксической традиции словосочетание понимается уже, чем в чешской, за рамки словосочетания вынесены сочетания слов, связанных сочинительной связью, и сочетания подлежащего со сказуемым. Чешские русисты следуют, скорее, чешской синтаксической традиции, включая в число словосочетаний синтаксические конструкции, построенные на сочинительной и предикативной связи.

Русский и чешский термины *синтагма* – *syntagma*, несмотря на внешнее сходство, не являются полными эквивалентами. Различие наблюдается как в объеме понятий, обозначаемых термином, так и на формальном уровне. Несмотря на то, что оба термина имеют одинаковое происхождение и восходят к гр. слову σύνταγμα, букв. «сопорядок», русский термин *синтагма* женского рода, чешский термин *syntagma* среднего рода.

3 ТИПЫ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И СРЕДСТВА ИХ ВЫРАЖЕНИЯ, СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Вопрос о синтаксических отношениях – один из важнейших вопросов синтаксиса. Проанализируем связанную с этим вопросом терминологию на материале отдельных грамматик русского и чешского языка.

В данной главе в качестве источников были использованы следующие работы:

- Грамматика русского языка* 2 тт. Под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1954.
- ЛЕКАНТ, П. А. – КЛОБУКОВ, Е. В. – МАРКЕЛОВА, Т. В. – МОНИНА, Т. С. – САМСОНОВ, Н. Б. *Современный русский язык. Учебное пособие для студентов учреждений среднего профессионального образования педагогического профиля*. Под редакцией П. А. Леканта. Москва: Дрофа, 2001.
- DANEŠ, F. – HLAVSA, Z. – GREPL, M.: *Mluvnice češtiny 3 – Skladba*. Praha: Academia, 1987.
- FLÍDROVÁ, H. – ŽAŽA, S.: *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским*. Olomouc, 2005.
- GREPL, M. – KARLÍK, P.: *Skladba spisovné češtiny*. Praha: SPN, 1986.
- КОПЕЧНЫЙ, F.: *Základy české skladby*. Praha: SPN, 1962.
- KUBÍK, M. a kol.: *Русский синтаксис в сопоставлении с чешским*. Praha: SPN, 1982.
- MRÁZEK, R.: *Синтаксические отношения и члены предложения*. Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 1961, vol. 10, iss. A9, s. [47]-60.
- ŠMILAUER, V.: *Novočeská skladba*. Praha: SPN, 1966.

В работах русских синтаксистов встречаются термины *синтаксические связи* и *синтаксические отношения*. Оба термина сначала использовались как синонимы, но в настоящее время появилась тенденция различать их

и даже некоторым образом противопоставлять. Синтаксические отношения связывают в первую очередь с планом содержания, а синтаксические связи с планом выражения, т. е. можно сказать, что синтаксические отношения оформляются синтаксическими связями.

В работах чешских авторов (русистов и богемистов) последовательно разделяются два термина *syntaktické vztahy* (синтаксические отношения) и *syntaktické prostředky* (средства выражения синтаксических отношений, синтаксические связи).

Обычно синтаксические связи в работах русских синтаксистов делятся на сочинительные и подчинительные, в рамках подчинительных связей выделяются согласование, управление, примыкание. Традиция выделять именно эти три типа подчинительной связи в рамках словосочетания сложилась в русских грамматиках XVIII века, термины *согласование* и *управление* ввел в научный обиход А. А. Барсов, *примыкание* как вид подчинительной синтаксической связи было описано Ф. И. Буслаевым, но сам термин был зафиксирован в работах А. А. Потебни. С развитием синтаксической науки стали отчетливее проявляться сложности при классификации типа связи. Особые трудности возникают при разграничении случаев так называемого слабого управления и примыкания, так как в зависимости от концепции, лингвисты или расширяют понятие *управление*, соответственно сужая понятие *примыкание*, или ограничивают управление узким кругом примеров, относя к примыканию все остальные случаи. Этому вопросу посвящена книга Е. С. Скобликовой *Согласование и управление в русском языке* (1971), частично этот вопрос затрагивается в блестящей статье В. Словака, посвященной синкретизму синтаксических явлений, *Вклад теории грамматического синкретизма в описание синтаксического уровня языка (на материале русского и чешского языков)* (Slovák, 2018).

В чешской синтаксической традиции вопрос синтаксических отношений также вызывал интерес. В статье *K problematice syntaktických vztahů a jejich terminologie* Йозеф Грбачек указывает, что подход к проблематике связей тесно связан с самой синтаксической школой. «Tradiční, analytická syntax vychází z hotové textové věty, jak ji recipient vnímá, a v souhlase s procesem dekodování věty recipientem ji analyzuje na její komponenty a vztahy mezi nimi. Analytický postup vede jak k segmentaci věty, tak k jejímu rozkladu na dvě složky, jimiž je tvořena každá jednotka znakové povahy, na složku významovou a výrazovou. Proto se studium větných vztahů v analytické syntaxi realizuje ve dvou rovínách. Oddělují se od sebe vztahy sémantické (predikace, determinace, koordinace, apozice) a vztahy formálně syntaktické (hypotaktické: kongruence, rekce, adjunkce, a parataktické), aby se posléze konfrontovaly a sledovala se jejich spjatost. Je přitom třeba lišit samy vztahy a prostředky jejich realizace» (Hrbáček, 1997).

Рассмотрим, как понимаются синтаксические отношения и способы их выражения в работах русских и чешских синтаксистов.

3.1 Синтаксические отношения и средства их выражения в работах русских русистов

В АГ-54 термины *синтаксические отношения* и *синтаксические связи* используются в качестве синонимов. Особенностью подхода авторов грамматики является разделение и даже в некоторой степени противопоставление синтаксических отношений в словосочетании и синтаксических отношений в предложении, предикативные отношения выводятся за рамки синтаксических отношений в словосочетании, предикативные отношения типичны для предложения. В рамках словосочетания в грамматике выделяются согласование, управление, примыкание.

Согласование определяется следующим образом: «Согласованием обычно называется такой вид синтаксической связи, когда формы сочетающихся слов объединены общими однозначными или однотипными морфологическими категориями рода, числа, а для имен – также падежа, для глаголов – лица, причем определяющее слово всегда уподобляется в этом отношении определяемому» (АГ-54, 1954, s. 22).

Отмечается, что под термином *согласование* объединены разнородные явления: это не только уподобление полных имен прилагательных и причастий (включая и соответствующие местоименные слова, а также порядковые числительные) в роде, числе, падеже определяемому существительному, но и уподобление количественных числительных в падеже, уподобление форм прошедшего времени глагола-сказуемого форме именительного падежа подлежащего-имени в роде и числе, во множественном – только в числе. Согласованием считается также координация личных форм настоящего-будущего времени глагола с местоимением 1-го и 2-го лица (АГ-54, 1954, s. 23).

Авторы упоминают деление согласования на полное и неполное, но считают, что это не помогает дифференцировать и описать всю шкалу «тех приемов синтаксической связи, которые известны под именем согласования» (АГ-54, 1954, s. 25).

Заканчивая описание согласования, авторы делают вывод, что «то, что обычно называют согласованием, охватывает многообразные и различные формы синтаксических связей. Особенно резко выступает качественное своеобразие тех видов так называемого согласования, которые находят применение в строе предложения в кругу предикативных соединений слов. Следовательно, те формы синтаксической связи, которые

обычно относят к согласованию, имеют свои специфические особенности в строе словосочетания, с одной стороны, и в строе предложения – с другой» (AG-54, 1954, s. 26), т. е. таким образом термин *согласование* в AG-54 можно отнести к числу многозначных.

Управление авторы грамматики определяют так: «Управлением называется такой вид синтаксической связи, когда употребление определенной формы косвенного падежа существительного, предметно-личного местоимения или субстантивированного прилагательного (без предлога или с предлогом) обусловлено грамматическим или лексико-грамматическим значением другого, господствующего слова. Это слово для раскрытия или распространения своего смысла как бы требует определенной зависимой от него формы косвенного падежа имени или местоимения с личным или предметным значением» (AG-54, 1954, s. 22).

Отмечается неоднородность явлений, объединенных понятием *управление*. В грамматике различается *управление непосредственное*, когда в зависимости от управляющего слова употребляется форма косвенного падежа имени существительного или местоимения без предлога (*выполнить план, выполнение плана; управлять государством, управление государством*), и предложное, когда управление формой косвенного падежа осуществляется с помощью предлога» (AG-54, 1954, s. 26).

Также подвергается критике термин *слабое управление*: «синтаксическое содержание этого термина крайне расплывчато и неопределенно. Вместо термина перед нами маловыразительная метафора. Типические случаи и формы этого так называемого слабого управления не изучены» (AG-54, 1954, s. 27).

Авторы фиксируют ключевую особенность управления как вида подчинения: в управлении важную роль играют не только грамматические связи, но и семантический фактор.

«Примыканием называется такой вид синтаксической связи, когда зависимость одного слова от другого, господствующего над ним, выражается не флективными изменениями зависимого слова, а лишь его местоположением, его зависимой грамматической функцией, его смыслом, несамостоятельным характером выражаемого им грамматического отношения, напр.: *внимательно выслушать, побежать вприпрыжку, поверить на слово, потребность высказаться, слушать молча*» (AG-54, 1954, s. 22–23).

Отмечается, что «синтаксические связи, относимые к примыканию, неоднородны: их формы и виды нуждаются в дальнейшем изучении и дифференциации. Возможности для развития таких связей в строе предложения неизмеримо богаче и разнообразнее, чем в системе словосочетаний» (AG-54, 1954, s. 32–33).

Авторы пытаются решить спорный вопрос о том, где проходит граница так называемого слабого управления и примыкания: «именные словосочетания с предлогами без (всадник без головы, песня без слов...), вместо (разговоры вместо дела, щетина вместо бороды), взамен (...) строятся при помощи связей, похожих на примыкание, хотя и отличающихся от этого синтаксического приема признаком двусторонности синтаксических отношений» (AG-54, 1954, s. 33).

Можно отметить несколько особенностей авторской концепции, которые проявились в объеме значения терминов, входящих в микросистему терминов *Синтаксические отношения и средства их выражения*:

- 1) Разделение синтаксических отношений на отношения внутри словосочетания и внутри предложения, между ними нет знака равенства.
- 2) Подчеркивание идеи о неоднородности явлений, объединенных одним термином *согласование* (то же касается и *управления*, и *примыкания*).
- 3) Отказ от устоявшихся терминов *слабое управление*, *полное согласование*, *неполное согласование* из-за нечеткости их дифференциации.
- 4) В. В. Виноградов упоминает *координацию*, но считает, что это своеобразные отношения, которые выходят за рамки словосочетания и реализуются только в контексте предложения.
- 5) Вопрос о границе между *слабым управлением* и *примыканием* решается на основании отсутствия/наличия двухсторонних синтаксических отношений, а не по морфологическому критерию (изменяемость/неизменяемость зависимого слова) и не по семантическому критерию (связанность значения).

В синтаксических трудах П. А. Леканта, в отличие от работ его предшественников, уже разграничиваются *синтаксические связи* и *синтаксические отношения*: *синтаксические отношения* указывают на содержательную сторону, смысл, а *синтаксические связи* выделяются по формальным показателям.

В словосочетании проявляются три основных типа синтаксических отношений между господствующим и зависимым членом: *атрибутивные (определятельные)*, *объектные*, *обстоятельственные*. Также отмечаются *субъектные* и *комплетивные отношения*. Содержание этих отношений зависит: 1) от принадлежности господствующей словоформы к определенной части речи; 2) от ее (словоформы) обобщенного значения (предмет, действие, качество, состояние); 3) от формы зависимого члена.

Атрибутивные (определятельные) отношения типичны для словосочетаний, представленных семантической моделью «предмет и его признак»: мой дом, корзина с грибами, котлета по-киевски (...)» (Lekant, 2001, s. 251).

«Словосочетания с *объектными* отношениями между компонентами представлены двумя семантическими моделями – «действие и предмет или лицо, по отношению к которому оно проявляется»: *печатать книгу, верить товарищу* (...); «признак и предмет или лицо, по отношению к которому он проявляется»: *склонность к анализу, крепче стали, вплотную к стене*» (Lekant, 2001, s. 252).

Обстоятельственные отношения представлены несколькими семантическими моделями: 1) моделью с определительно-обстоятельными отношениями «действие или признак и его качественная или количественная характеристика»: *громко петь, неуместно громкий, одеваться со вкусом* (...); 2) моделями с собственно обстоятельными отношениями (...)

(Lekant, 2001, s. 252).

«*Субъектные отношения* свойственны словосочетаниям, в которых грамматически господствующее слово называет действие или состояние, а зависимое – субъект действия или носителя состояния: *рассказ преподавателя, изготовление детали токарем* (...)

(Lekant, 2001, s. 252).

«*Комплетивные (восполняющие) отношения* характерны для словосочетаний с максимальной степенью спаянности компонентов. В большинстве случаев такие словосочетания выступают как синтаксически нечленимые словосочетания (...): *десять дней, стая уток, стакан воды* (...)

(Lekant, 2001, s. 252).

Способ подчинения (выбора зависимой формы) называется видом связи; это *согласование, управление, примыкание*.

«*Согласование* – это подчинительная связь, при которой формы рода, числа и падежа зависимого компонента, выраженного именем прилагательным, полным причастием, местоимением или именем числительным, уподобляются формам рода, числа и падежа определяемого имени существительного» (Lekant, 2001, s. 254).

«*Управление* – это подчинительная связь, при которой употребление имен существительных (местоимений-существительных) в форме косвенного падежа с предлогом или без предлога предопределено грамматическим, лексическим или словообразовательным значением стержневого компонента – глагола, имени или наречия: *рассказывать сказки, помогать друг другу, ухаживать за больным* (...)

(Lekant, 2001, s. 254).

«*Примыкание* – это подчинительная связь, при которой неизменяемое слово присоединяется в качестве зависимого компонента к глаголу, имени или наречию для выражения определительно-обстоятельных, обстоятельных или комплетивных отношений» (Lekant, 2001, s. 255).

П. А. Лекант, следуя традиции А. М. Пешковского, выделяет сильное и слабое управление, сильное и слабое примыкание. Сильная связь характеризуется обязательным употреблением зависимого компонента, если

употребление зависимого компонента возможно, но не обязательно, такая связь является слабой.

Объем значений термина *согласование* у В. В. Виноградова и П. А. Леканта различается. П. А. Лекант, рассматривая согласование, исключает глагол из согласуемых частей речи.

Оба схожим образом понимают содержание термина *управление*, но по-разному классифицируют их типы: у В. В. Виноградова непосредственное и предложное управление, у П. А. Леканта сильное и слабое управление, т. е. в основу классификации положены разные признаки, для В. В. Виноградова это наличие/отсутствие предлога, для П. А. Леканта – теснота связи между главным и зависимым словом, степень предопределенности формы зависимого слова.

Разный подход представлен при определении примыкания как вида синтаксической связи: определение в *AG-54* более детальное, подробное, П. А. Лекант делает акцент на выражении синтаксических отношений (определятельно-обстоятельственных, обстоятельственных или комплементивных). В *AG-54* указывается не только роль места зависимого слова, но и его зависимая грамматическая функция, смысл, несамостоятельный характер выражаемого им грамматического отношения. П. А. Лекант, характеризуя примыкание, обращает внимание на частеречную принадлежность главного и зависимого слова в словосочетании, зависимое слово должно быть неизменяемым. В. В. Виноградов не делает на этом акцент в самом определении. Как и В. В. Виноградов, П. А. Лекант ограничивает так называемое слабое управление и примыкание, но если В. В. Виноградов ссылается на наличие/отсутствие двусторонней синтаксической связи, то для П. А. Леканта определяющим является морфологический фактор (неизменяемость примыкающего компонента словосочетания).

3.2 Синтаксические отношения и связи в работах чешских русистов

Одним из первых к сопоставительному изучению синтаксических связей обратился Р. Мразек в статье *Синтаксические отношения и члены предложения* (1961).

Он пишет, что принято выделять пять типов синтаксических отношений: предикацию, детерминацию, координацию, аппозицию и парентезу. Но Р. Мразек считает, что парентезу – как нулевое отношение – и аппозицию – как особую разновидность детерминации – можно исключить из разновидностей синтаксических отношений. Однако он выделяет еще один тип синтаксических отношений – предикативную детерминацию.

Это такой вид отношений, которые возникают в так называемом предикативном атрибуте (чеш. *doplňek*).

Рассуждая о системе синтаксических отношений, Р. Мразек выделяет оппозиции: «Общий признак, объединяющий предикацию, детерминацию и предикативную детерминацию, в противоположность координации, заключается в наличии в них грамматического подчинения; координация же характеризуется грамматическим сочинением. Таким образом получается первая оппозиция: отношения подчинения (предикация, детерминация, предикативная детерминация) \leftrightarrow отношение сочинения (координация). Вторая оппозиция, уже внутри самого подчинения, представляется в таком виде: предикация противопоставлена одновременно и детерминации, и предикативной детерминации (= непредикации), ибо она всегда коммуникативна, создавая предложение; предикативная синтагма является в предложении основой грамматической организации и содержания данной коммуникации. Предикативным отношением взаимосвязаны оба главных члена, подлежащее как господствующий член, и сказуемое как подчиненный (зависимый) член» (Mrázek, 1961).

Более подробно классифицируя систему детерминативных отношений, Р. Мразек также обращается к противопоставлению на основе того, каким формальным способом выражается синтаксическая зависимость зависимого члена: «Вопрос об общих формальных способах выражения синтаксической зависимости до сих пор в теории окончательно не разрешен. На наш взгляд дело идет о следующей основной оппозиции: формальная обусловленность (*tvarová žádost, danost*) как форма признаковая имеет своим противопоставлением отсутствие формальной обусловленности (или формальную „свободу“, *tvarová volnost*) как форму беспризнаковую. Формальная обусловленность имеет два основных варианта: согласование и управление» (Mrázek, 1961).

Р. Мразек, опираясь на идею формальной выраженности синтаксических связей, спорит с устоявшейся традиционной классификацией детерминативных отношений: «Если до сих пор обычно различают три равноправных плоскости способов, какими выражается синтаксическая зависимость от господствующего члена (от господствующих членов), именно согласование, управление и т. н. „примыкание“, то это неточная классификация. „Примыкание“ равносильно отсутствию формальной обусловленности. Думается, что отсутствие формальной обусловленности нельзя признавать позитивным формальным приемом для выражения синтаксической зависимости» (Mrázek, 1961).

Р. Зимек, написавший в учебнике *Русский синтаксис в сопоставлении с чешским* раздел о синтаксических отношениях, чаще оперирует термином *синтаксические отношения*; то, что в русской грамматической традиции

называется *синтаксическая связь*, он называет *способом выражения синтаксических отношений*. Как и большинство синтаксистов, он выделяет *сочинение* и *подчинение*, *сочинительную связь* и *подчинительную связь*. «Словоформы, входящие в состав предложения, находятся во взаимодействии с другими словоформами. Между ними устанавливаются синтаксические отношения. Эти отношения отражают в самом абстрактном виде отношения между предметами, явлениями, действиями и т. п. реальной действительности.

По характеру взаимоотношений слов (и словоформ) различаются два типа связи слов в предложении:

- а) сочинение (сочинительная связь), при котором соединяемые слова равноправны.
(...) Сочинительной связью соединяются слова в синтаксическую группу, в синтаксический (открытый) ряд (Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 26).
- б) подчинение (подчинительная связь), при котором слова связаны друг с другом не равноправными отношениями, а отношениями зависимости» (Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 26).

Посредством подчинительной связи образуются из знаменательных слов бинарные конструкции – словосочетания (синтагмы).

В рамках подчинительных отношений Р. Зимек выделяет два главных типа:

- а) Предикацию – отношение между главными членами двусоставного предложения, т. е. между подлежащим и сказуемым. Иными словами, предикация делает из двух слов, которые она соединяет, основной скелет структуры предложения, образует его предикативную основу.
- б) Детерминацию – представляющую определительную связь: одно (главное, определяемое) слово определяется другим (зависимым, определяющим), которое уточняет и тем самым суживает значение главного слова (Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 27).

Детерминация подразделяется на три подтипа:

- детерминацию атрибутивную. Атрибутивную детерминацию автор видит в словосочетаниях типа *талантливый студент; дом с колоннами; человек среднего роста; сравнительно дешевый, довольно интересно; красиво поет; работает с увлечением*. Здесь дается внутреннее определение, квалификация предмета, качества или процесса (Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 27).
- детерминацию объектную (устанавливается между глаголом, реже прилагательным, и его дополнением, объектом), в качестве примеров автор приводит словосочетания *добывать уголь; сочинить симфонию; лишиться денег; помогать товарищам; заниматься спортом;*

заботиться о ребенке; способный к музыке; похожий на мать; доволен результатом (Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 27).

- детерминацию обстоятельственную или детерминацию адвербиальную, указывающую на внешние обстоятельства какого-либо действия или состояния, примером могут служить словосочетания *работает на станции, сидит дома, вернется вечером, рассказывал смеясь* (Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 27).

Описание типов детерминации соответствует основным трем типам отношений, выделенным П. А. Лекантом (адъективные, объектные, обстоятельственные). Как и В. В. Виноградов, Р. Зимек считает, что словосочетания могут изменяться по формам, однако В. В. Виноградов утверждает, что словосочетание меняется все целиком, как слово, Р. Зимек пишет, что «в подчинительных словосочетаниях может изменяться стержневое слово, оно имеет свою структуру форм – парадигму. Подчиненное слово в объектных и обстоятельственных синтагмах не меняет свою форму (...). Не изменяется зависимое слово и в атрибутивных словосочетаниях с несогласованным определением (*труды Ленина, трудов Ленина* и т. д.). В атрибутивных сочетаниях с согласованным определением зависимое слово изменяется (*молодая учительница, молодой учительницы*) (Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 28).

Р. Зимек считает, что комбинация предикативного и детерминативного отношений создает базу конструкций с так наз. дуплексивом, где имеется связь трех элементов предложения, или, вернее, один элемент-дуплексив (*doplňek*) находится одновременно в двойном отношении: с одной стороны к сказуемому, с другой – к подлежащему или дополнению (Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 27-28).

Он также указывает на то, что отношения могут комбинироваться: возможна комбинация предикативных и детерминативных отношений. Об этом типе писал Р. Мразек в своей статье *Синтаксические отношения и члены предложения* (1961), там он выделял эту комбинацию в отдельный тип, который называл *предикативная детерминация*.

Согласование, по Р. Зимеку, – это уподобление зависимого слова (прилагательного, причастия, местоимения, личного глагола и некоторых числительных) господствующему слову в общих этим словам грамматических категориях (*высокое дерево, дуб посажен, дети выросли, одна студентка*) (Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 30).

Классификация типов Р. Зимека отличается от рассмотренных выше.

Он выделяет *полное грамматическое согласование, условно-грамматическое согласование, ассоциативно-грамматическое согласование, неполное согласование*, а также *согласование по смыслу*. Виды согласования он характеризует следующим образом:

Наиболее распространенным приемом является *полное грамматическое согласование*, где подчиненное слово при помощи своих окончаний просто повторяет все категории главного слова (Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 30).

В других случаях применяется *условно-грамматическое согласование*, немотивированная форма приспособления; это чаще всего нейтральная форма 3-го лица ед. ч. среднего рода, напр., *случилось нечто невероятное; ранено пять человек...*

У несклоняемых существительных иностранного происхождения бывает *ассоциативно-грамматическое согласование*, ср.: *Тарту возник в утреннем тумане зимний, жемчужно-серый...* (...) в иных случаях встречается *согласование по смыслу*, отражающее реальные признаки обозначаемого предмета. Отдельно стоят случаи т. называемого *неполного согласования*, когда согласование охватывает не все категории, в которых зависимое слово способно согласовываться: *день был теплым, она вернулась усталой* (Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 30).

Вторым способом выражения подчинительной связи в предложении, по Р. Зимеку, является управление. «Управление – это такой способ выражения грамматической подчиненности слова, при котором слово с предметным значением ставится в определенной падежной или предложно-падежной форме, диктуемой валентностью (интенцией) управляющего слова (чаще всего глагола) и смысловыми отношениями» (Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 30). Р. Зимек указывает, что наиболее типичным является *глагольное управление*, однако управляющими могут быть и неглагольные слова (Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 30), но для других типов управления, выделенных по признаку частеречной принадлежности главного слова, он не использует специальные термины. Далее вслед за русской синтаксической традицией, берущей начало от А. М. Пешковского, он различает два типа управления в зависимости от «силы» связи – управление сильное и слабое.

«Сильное управление – это тесная, необходимая, закономерная связь, при которой лексическое или грамматическое значение главного слова «подсказывает», предопределяет управляемую форму однозначно, требует постановки единственно возможной в данном случае формы (...). Управляемые слова здесь стоят в отношении объектной детерминации.

При слабом управлении главное слово предопределяет не одну единственную форму, а несколько возможных зависимых форм, из которых производится выбор с учетом реальных отношений. (...) При слабом управлении зависимые члены находятся, как правило, в отношении комплексивно-обстоятельственной детерминации к глаголу и данная предложно-падежная форма обусловлена отчасти валентностью глагола, от-

части автономным значением обстоятельства» (Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 32).

В определении сильного и слабого управления прослеживается тесная связь синтаксических отношений (объектная детерминация, комплексивно-обстоятельственная детерминация) и способов их выражения (соответственно сильное управление и слабое управление), что отличает подход Р. Зимека от подхода его коллег. Определяя управление и его типы, Р. Зимек придерживается, скорее, традиций русской синтаксической школы.

Определение примыкания отличается лаконичностью, по мнению Р. Зимека, примыкание – это такой способ синтаксической связи, где форма зависимого слова не определяется господствующим словом. Р. Зимек приводит свою классификацию примыкания, он выделяет два типа: «аа) примыкание в более узком смысле и бб) так наз. падежное примыкание.

аа) Примыкание в более узком смысле наблюдается у несклоняемых и неспрягаемых слов, которые не способны выражать синтаксическую связь с господствующим словом путем изменения своей формы. Это наречие, синтетический компаратив, деепричастие, инфинитив и междометие.

бб) Падежное примыкание – это такой способ синтаксической связи, где зависимый компонент выражен падежной или предложно-падежной формой, но эта форма обусловлена не семантикой господствующего слова, а адвербиальным значением зависимого компонента. Падежное примыкание типично прежде всего для так наз. ситуативного обстоятельства» (Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 32).

С точки зрения формы терминов, можно отметить условность наименований: *примыкание в узком смысле* (подчеркивается возможность использования примыкания в более широком значении, родовый термин – примыкание, видовой – примыкание, но значение видového термина уже), *так называемое падежное примыкание* (намекает на неточность термина, показывает, что при наименовании, скорее, следует традиции).

На примере микросистемы терминов *Синтаксические отношения* можно выделить несколько различий в подходе Р. Зимека и его коллег-синтаксистов.

Р. Зимек, в отличие от В. В. Виноградова, не разделяет типы отношений внутри предложения и внутри словосочетания.

У Р. Зимека представлена более подробная многоуровневая иерархическая система типов синтаксических отношений:

(1 уровень) *сочинительная связь / сочинение; подчинительная связь / подчинение*

(2 уровень) *подчинительная связь: предикация; детерминация*

(3 уровень) *детерминация: детерминация атрибутивная, детерминация объективная, детерминация обстоятельственная / детерминация адвербиальная.*

Р. Зимек в рамках устоявшегося деления способов выражения подчинительной связи (согласование, управление, примыкание) выделяет их особые подтипы:

- согласование (*полное грамматическое согласование, условно-грамматическое согласование, ассоциативно-грамматическое согласование, согласование по смыслу, неполное согласование*);
- управление (*сильное управление, слабое управление*);
- примыкание (*примыкание в узком смысле, надежное примыкание*).

Термин *примыкание* трактуется шире, чем в AG-54 и у П. А. Леканта, к примыканию (к падежному примыканию) относятся случаи, трактуемые русскими авторами как управление (например, *читать у окна, курить в коридоре, через месяц написать*).

Авторы *Синтаксиса русского языка в сопоставлении с чешским* выделяют два типа синтаксической связи: *сочинительную и подчинительную*. Все виды связи рассматривают в рамках словосочетания. В словосочетания входят группы слов – компонентов – двойного рода.

а) В одних словосочетаниях компоненты равноправны, находятся в одном ряду, выполняют одну и ту же синтаксическую функцию, объединены между собой сочинительной (...) связью; иначе говоря – они связаны отношением сочинения, координации (...) (Flídrová, Žaža, 2005, s. 16).

б) Другие словосочетания содержат компоненты, не состоящие в одном ряду, не выполняющие одну и ту же функцию, а находящиеся в неравноправном положении; один из них является главным, независимым, господствующим, «хозяином», а другой зависимым, подчиненным, «службой». Связь между такими компонентами называется подчинительной (...), иначе детерминацией (Flídrová, Žaža, 2005, s. 17).

Авторы указывают термины-синонимы (*сочинительная связь – сочинение, координация; подчинительная связь – детерминация*).

Приводится подробная классификация сочинительной связи, причем указываются и чешские термины-эквиваленты, при описании типа сочинительной связи делается акцент на способы ее выражения. Рассматриваются четыре основных вида сочинительной связи: *соединительная связь (vztah slučovací), противительная связь (vztah odřovací), градационная связь (vztah stupňovací), разделительная связь (vztah vyličovací)*.

Говоря о подчинительной связи, авторы выделяют три устоявшихся типа: *согласование, управление, примыкание*. Определяя каждый из типов,

авторы опираются на соотношение формы слов, входящих в словосочетание, и их семантики:

Согласование (shoda, kongruence): зависимый компонент уподобляется по форме главному в грамматических категориях, общих этим компонентам (...) связь формы с формой (Flídrová, Žaža, 2005, s. 20).

Управление (řízení, reke): форма зависимого компонента предсказана, предопределена валентностью главного компонента (чаще всего глагола), т. е. его способностью сочетаться с определенной формой с определенным числом зависимых компонентов; причем валентность в большинстве случаев обусловлена семантикой (...). В этих случаях налицо связь формы с семантикой (Flídrová, Žaža, 2005, s. 20).

Примыкание (přítukání): форма зависимого компонента не определяется главным компонентом; оба компонента связаны лишь семантически, тем, что они подходят друг к другу (...) связь семантики с семантикой (Flídrová, Žaža, 2005, s. 20).

Авторы описывают отдельные типы согласования:

- а) *скрытое согласование*. Форма зависимого компонента уподобляется главному по аналогии с изменяемым существительным, однако уподобление не может проявиться из-за неизменяемости главного компонента.

Разновидностью скрытого согласования является *ассоциативное согласование*: *вечерний Брно, современный Тарту* – форма мужского рода здесь употребляется по ассоциации с более общим понятием город (...).

- б) *согласование по смыслу* отражает реальные признаки обозначаемого предмета (такие как пол, множественность), в отличие от согласования по форме, строго соблюдающего формальную связь. Ср. *Вы храбрый. Почему вы такая строгая?*

- в) отдельно стоят случаи т. наз. *неполного согласования*, когда согласование охватывает не все категории, в которых зависимый компонент может согласоваться; напр. *наша секретарь, знакомая врач, день был теплым* (...) (Flídrová, Žaža, 2005, s. 21).

Отдельным типом авторы выделяют согласование количественных числительных с существительными в счетных оборотах.

Т. е. согласно авторской концепции выделяется четыре типа согласования, причем у скрытого согласования есть подтип (ассоциативное согласование).

Говоря об управлении, авторы пользуются устоявшейся терминологией русских грамматик и употребляют термины *сильное* и *слабое управление*. «При сильном управлении главный компонент требует подстановки единственно возможной в данном случае формы, напр., *благодарить роди-*

телей, строят мост (...). Зависимый объект здесь стоит в отношении объектной детерминации (Flídrová, Žaža, 2005, s. 22).

При слабом управлении главный компонент предопределяет несколько возможных форм, из которых происходит выбор с учетом реальных отношений. (...) Зависимые компоненты здесь находятся в отношении комплетивно-обстоятельственной детерминации к глаголу и их форма обусловлена отчасти валентностью глагола, отчасти автономным значением обстоятельства. Этим слабое управление отличается от примыкания (Flídrová, Žaža, 2005, s. 22).

Примыкание. В более узком смысле примыкание наблюдается у несклоняемых и неспрягаемых слов (наречий, простой формы сравнительной степени, деепричастия, инф.): *красиво поет, встретимся завтра, кофе по-турецки (...)* (Flídrová, Žaža, 2005, s. 21).

Падежное примыкание – это такой способ связи, где зависимый компонент выражен падежной или предложно-падежной формой, однако эта форма обусловлена не семантикой главного члена и не его валентностью, а лишь адвербиальным значением зависимого компонента (Flídrová, Žaža, 2005, s. 21).

Можно выделить несколько особенностей концепции Г. Флидровой и С. Жажи.

В отличие от описанных ранее грамматик и учебников представлена иерархически организованная микросистема терминов *Сочинение / сочинительная связь / координация*, с помощью этих терминов описывается типология сочинительной связи.

У Р. Зимека *детерминация* и *предикация* – два вида подчинительной связи, у Г. Флидровой и С. Жажи термин *детерминация* используется как синоним для обозначения подчинительной связи (Flídrová, Žaža, 2005, s. 17), а *предикация* считается особым видом подчинительной связи, т. е. получается, что у Флидровой – Жажи между терминами *детерминация* и *предикация* – иерархические родо-видовые отношения.

Один из спорных вопросов о границе между слабым управлением и примыканием авторы учебника решают так же, как Р. Зимек, т. е. примыкание понимается шире, чем в AG-54 и у П. А. Леканта; выделяя падежное примыкание, авторы делают акцент не на частеречную принадлежность зависимого компонента, а на его адвербиальное значение, поэтому словосочетания *стоять у окна, курить в коридоре, вставить в пять часов* и др. классифицируются как случаи падежного примыкания.

Учебное пособие Г. Флидровой, С. Жажи – яркий пример компаративистской работы, это отражается не только в сопоставлении синтаксических явлений, но и в подходе к используемой терминологии: к важнейшим русским синтаксическим терминам авторы приводят чешские эквиваленты.

3.3 Синтаксические отношения и средства их выражения в работах чешских богемистов

В работе Ф. Копечного представлена оригинальная концепция синтаксических отношений.

Ф. Копечны в *Základy české skladby* делит синтаксические отношения на два типа: внутренние и внешние (Кореčný, 1962, s. 24). Говоря о внешних отношениях, он также оперирует терминами *koordinace* и *souřadnost* (координация и сочинение).

Внешние отношения – это такие отношения между словами, при которых не утрачивается самостоятельность этих слов (или выражений) в единое целое, т. е. в однородную, точнее координационную конструкцию их объединяет общая синтаксическая функция. Все члены координационной конструкции имеют одну и ту же синтаксическую функцию, они являются одним и тем же членом предложения. (...) В данном случае мы говорим о сочинении (координации).

Внутренние отношения – это такие отношения, при которых одно слово определяет другое или ему подчиняется (Кореčný, 1962, s. 24).

Ф. Копечны выделяет два типа внутренних отношений, это детерминация и предикация.

Детерминацию Ф. Копечны определяет так: *Determinace* je tedy určení slova (nebo sousloví) slovem (nebo souslovím nebo výrazem) druhým. Vzniká jí jednotka stejné úrovně, jakou představuje určované slovo, zase jen jakoby lexikální (slovníková jednotka), tzv. výraz rozvitý. (Кореčný, 1962, s. 25). Determinací vzniká jednotka se základem výrazu stejnorodá, adekvátní, vyjadřuje zase jeden pojem (Кореčný, 1962, s. 156).

Детерминация в свою очередь подразделяется на два подтипа, автор называет их *determinace vlastní, kvalifikační, „přívlastková“ /vlastní „určení“ / – и determinace doplňující.*

За квалификаční, přívlastkovou považujeme každou přímou determinaci substantiv. U slov kvalifikačních (sloves, adjektiv a adverbí) máme obojí determinaci: Jednak kvalifikační (rychle běží, svěže zelený, velmi svěže), jakýsi příslovesný nebo přiadjektivní „přívlastek“ – jednak doplňující: a to buď vazebně (ztratil čepici), nebo nevazebně (spadla do vody) (Кореčný, 1962, s. 157).

Ф. Копечны замечает, что синтаксические отношения выражаются разными способами. Zhruba by šlo říci, že koordináční vztahy se vyjadřují paratakticky, tj. prostým položením slov vedle sebe s případnými spojovacími výrazy na označení jakosti vztahu; a vztahy vnitřní se vyjadřují hypotakticky – rozeznávali bychom pak hypotaxi a) predikační, b) kongruenční juxta poziční (přímukovou) a c) rekční (Кореčný, 1962, s. 34). Если сравнить традиционную классификацию с типологией Копечного, то можно отметить, что

то, что, по мнению Копечного, относится к понятию *kvalifikační determinace*, в традиционной классификации считается согласованием и частично примыканием, понятие *determinace doplňující* объединяет в себе управление и часть случаев примыкания.

Среди способов выражения синтаксических отношений Ф. Копечны указывает следующие: ударение и интонация, порядок слов, согласование, управление, типы именных флексий (падежи), союзы.

Ф. Копечны предлагает авторские термины *vnější vztah* и *vnitřní vztah*, термин *vnější vztah* включен в триаду синонимичных терминов *vnější vztah*, *souřadnost*, *koordinace*, термину *vnitřní vztah* соответствует синоним *podřízenost*. Ф. Копечны традиционно для чешской синтаксической школы выделяет два типа подчинительных отношений: детерминацию и предикацию, но для классификации типов детерминации вводит авторские термины *kvalifikační determinace / převlastková determinace* и *doplňující determinace*.

В. Шмилауер в отличие от коллег-синтаксистов выделяет пять типов синтаксических отношений. Он рассматривает синтаксические отношения как отношения, которые возникают между членами предложения, их описание можно найти в главе, которая называется *Základní vztahy mezi větnými členy*. Он выделяет следующие виды синтаксических отношений: «Hlavní syntaktické vztahy jsou: A. Přisuzování (predikace). B. Určování (determinace). C. Přístavek (apozice). D. Přiřaďování (koordinace). – Nulovým vztahem je E. Vsouvání (parenteze)» (Šmilauer, 1966, s. 52).

„Přisuzování, predikace: Ve vztahu predikace jsou dva členy, z nichž jedním (přisudkem, predikátem, P) se přisuzuje nějaký znak členu druhému (podmětu, subjektu, S) – syntaktické dvojice predikační (základní) (Šmilauer, 1966, s. 52). Predikace je akt větotvorný, ne však jediný (jsou i věty jednočlenné, bez predikace). Proto je nelze ztotožňovat s větou“ (Šmilauer, 1966, s. 53).

„Určování, determinace: Ve vztahu determinace jsou dva členy, z nichž jedním (závislým) se určuje druhý (řídící) – syntaktická dvojice určovací (determinační). Člen řídící a závislý nejsou rovnocenné, jen závislý člen předpokládá člen řídící. Určování není akt větotvorný“ (Šmilauer, 1966, s. 53).

„Přístavek, apozice: Ve vztahu apozice jsou dva, tři atd. členy, označující touž představu dvojím, trojím atd. způsobem (taž osoba je označena podle zaměstnání pekař, podle příjmení Marhoul) – syntaktická skupina přístavková. Apozice není akt větotvorný. Apozice je zvláštní vztah, stojící uprostřed ostatních vztahů a mající s nimi styčné body“ (Šmilauer, 1966, s. 53).

„Přiřaďování, koordinace: Ve vztahu kordinace jsou dva, tři atd. členy, označující představy různé – syntaktická skupina přiřaďovací. Členy jsou na stejném stupni a mohou se podle okolností zaměnit: *housky a chleb – chleb a housky*. Koordinace není akt větotvorný. Vyjadřuje se někdy bezespoječně (asyndeticky), jindy spojovacími výrazy (syndeticky)“ (Šmilauer, 1966, s. 54).

„**Vsování, parenteze:** Parentezí nevzniká žádný skladební vztah. Organické pásmo řeči je přerušeno členem vycházejícím z jiné roviny. Většinou jde o poznámky mluvčího k obsahu nebo k formě věty“ (Šmilauer, 1966, s. 54).

М. Грепл и П. Карлик (1986) выделяют два типа синтаксических отношений, как и другие чешские синтаксисты, они рассматривают их в рамках предложения, по сути это те отношения, которые устанавливаются между членами предложения. «Výrazy nestojí ve větě izolované; jsou ve vztazích, které vyplývají z jejich syntaktické funkce jako větných členů. Říkáme jim vztahy syntaktické. V podstatě můžeme rozlišovat dva druhy syntaktických vztahů» (Grepl, Karlík, 1986, s. 201).

Как и большинство исследователей, они противопоставляют сочинительные отношения подчинительным, но пользуются своей особой терминологией. Для лучшей ориентации читателя в научной литературе авторы приводят синонимичные наименования – *subordinační vztah / subordinace / podřaďování; koordinační vztah / koordinace / přiřaďování*.

«Výrazy s funkcí nestejnorodých větných členů bývají spjaty vztahem, při kterém je jeden na druhém syntakticky závislý. Nazýváme ho *vztah subordinační* neboli *subordinace* (podřaďování). Sémanticky bývá výraz nadřazený (řídicí) výrazem podřazeným (závislým) blíže určován (determinován): *pilný žák; psát úlohu; psát domů; žák píše*» (Grepl, Karlík, 1986, s. 201).

Výrazy ve funkci větných členů stejnorodých jsou na sobě syntakticky nezávislé; jeden není podřízen druhému a sémanticky se nedeterminují (nelze se jedním na druhý zeptat); navzájem je spíná jejich stejná větněčlenská funkce. Tento syntaktický vztah se nazývá *koordinační* neboli *koordinace* (přiřaďování): *otec a matka; knihu nebo časopis; starý, ale čilý člověk* (Grepl, Karlík, 1986, s. 201).

В рамках подчинительных отношений авторы рассматривают три способа их выражения. Они пользуются устоявшейся терминологией, используют чешские термины *shoda, řízenost, přimykání*. Для первых двух они приводят интернациональные эквиваленты – соответственно *kongruence, rekcce*. Очевидно, что авторы не довольны термином *přimykání*, но используют его, следуя устоявшейся грамматической традиции. Описывая способы выражения подчинительной связи, авторы делают акцент на частеречную принадлежность главного и зависимого слова. Они не классифицируют типы согласования, управления, примыкания. Связь подлежащего и сказуемого рассматривается в рамках согласования, она не выделяется в качестве отдельного типа связи: «Mezi výrazy uvnitř věty se vztahy povahy subordinační vyjadřují v podstatě trojím způsobem, a to podle toho, jaké slovní druhy do nich vstupují: shodou (kongruencí), nebo řízeností (rekcí), anebo tzv. přimykáním. Jako prostředky k tomu slouží některé gramatické kategorie (zvl. rod, číslo, osoba a pád) a zčásti též slovosled. Realizací

subordinačního vztahu jedním z uvedených způsobů vyjádření vzniká skladební dvojice (syntagma)» (Grepl, Karlík, 1986, s. 202).

„V subordinačním spojení adjektivum + substantivum se syntaktická závislost přívlastkového, přísudkového nebo doplňkového adjektiva na jméně podstatném vyjadřuje shodou, tj. tvarovým ztotožněním členu závislého (adjektiva) s členem řídicím (substantivem) v rodě, čísle a pádě: *pilný chlapec; pilná dívka; pilných dívek; dívky byly pilné; pivo nechal nedopito* apod.“ (Grepl, Karlík, 1986, s. 202).

„Shodou se vyjadřuje také syntaktická závislost slovesa na podmětovém substantivu: *dívka píše; dívky píšou*.

Syntaktická závislost substantiva na slovese (nebo dějovém adjektivu či jméně) se vyjadřuje rekcí. Rekce záleží v tom, že sloveso má určitou vazbu, a určuje tak závislému substantivu jeho pádovou formu. Pád se tak stává prostředkem signalizujícím závislost substantiva na slovese (dějovém adjektivu nebo jméně): *číst knihu, zřít se matky, věřit příteli...*“ (Grepl, Karlík, 1986, s. 205).

„Způsob, při kterém zůstává syntaktická závislost morfologickými prostředky nevyjádřena, označuje se jako tzv. přimykání“ (Grepl, Karlík, 1986, s. 207).

V *Mluvnice češtiny (3)* авторы грамматики ставят синтаксические отношения во главу угла, они говорят, что о синтаксисе можно говорить тогда, когда «skladební členy vstupují do syntaktických vztahů a vytvářejí tak syntaktická spojení, konstrukce. Vycházíme z toho, že skladební vztahy jsou v podstatě dvojí, a to vztah dominance a vztah zmnožení.

Pro vnitřní strukturaci výpovědi je důležitý zejména vztah dominance, protože druhý toliko násobí obsazení jediné větné pozice (...). Je tedy dominance základním syntaktickým vztahem. Podstatou dominance je to, že užití skladebního členu jako členu dominovaného je podmíněno užitím členu dominujícího» (MČ3, 1987, s. 15).

„Dominaci v tom smyslu, jak je zde definována, lze identifikovat na rovině syntaktické formy, je však projevem vztahů sémantických. Vedle toho se v mnoha případech odrazí i v morfologickém ztvárnění dominovaných členů: shodou neboli kongruencí jejich morfologických kategorií s kategoriemi členu dominujícího (naše brigáda), nebo omezením ve výběru pádu (brigáda překonala rekord (...)). Pokud dominance morfologicky vyjádřena není, mluví se někdy o formálním vztahu přimykání“ (MČ3, 1987, s. 16).

Vztah dominance je charakterizován rovněž tím, že naopak člen dominující omezuje, resp. až předurčuje volbu členu dominovaného, a to jak po stránce formální, tak sémantické.

Авторы грамматики выделяют два типа синтаксических отношений, причем используют для этого авторские термины *dominance* и *zmnožení*. *Dominance*, по мнению авторов грамматики, – это главный вид синтаксической связи, авторы отмечают, что доминация может проявляться как на уровне синтаксической формы, так и в семантических отношениях.

Й. Грбачек в своей статье объясняет, почему авторы выбрали именно этот термин: «Termín *dominace* v akademické *Mluvnici češtiny 3* byl zvolen ne proto, aby jen vystřídal termín *závislost* (*podřadnost, subordinace*), nýbrž proto, aby vyhověl větotvornému aspektu, z něhož je vykládána struktura věty, protože v souladu s valenční teorií je podmět dominován přísudkem, podobně jako je přísudkem dominován předmět, přestože přísudek ve vztahu k podmětu je závislý a ve vztahu k předmětu je řídicí» (Hrbáček, 1997).

Далее авторы описывают разновидности этой связи (традиционные согласование, управление, примыкание), обращаются к традиционным терминам *shoda* (*kongruence*) и *přimykání*. Интересно, что управление не называется устоявшимися чешскими терминами *řízenost* (*reke*), авторы используют описание «*omezení ve výběru pádu*».

В грамматике вводится новый термин *zmnožení* (*zmnožení syntaktické pozice*), который трактуется следующим образом: «*Zmnožení je rovněž syntaktickým vztahem. Na rozdíl od dominace se však nepodílí na několikastupňové relační struktuře věty, a tedy nevytváří funkční pozice větných složek, nýbrž řadí vedle sebe několik složek s touž funkcí. Proto nijak nepřispívá k té stránce větné struktury, která ji charakterizuje jako gramatikalizovanou formu výpovědi*» (МČЗ, 1987, s. 391).

«*Vztahy mezi složkami, vybudované na principu zmnožení, jsou velmi rozmanité. Někdy se vyjadřují spojovacími prostředky, často se však jen vyrozmívají z lexikálního obsazení pozic ve skupině*» (МČЗ, 1987, s. 392).

Авторы выделяют два типа этих синтаксических отношений, для наименования этих типов используются термины *koordinace* и *adordinace*. «*Podle hledisek formálních i významových lze rozlišit dva typy vztahů, koordinaci a adordinaci*» (МČЗ, 1987, s. 392).

«*Koordinace má k dispozici specifické a pro ni typické výrazové prostředky, jež se nazývají parataktické (souřadící). Podobně tomu je u dominace, kde mluvíme o spojení hypotaktickém. Mezi dominací a hypotaxí, stejně jako mezi koordinací a parataxí, neexistuje však vztah vzájemně jednoznačného přiřazení, nýbrž jen vztah afinity (preference)*» (МČЗ, 1987, s. 392). Под термином *adordinace* понимаются разнообразные типы отношений, все, что не входит в координацию (*koordinace*), этот тип отношений сближается с отношениями, называемыми другими синтаксистами *apozice*, в том смысле, как их понимал Матезиус (*vztah široké totožnosti*).

3.4 Выводы

Только В. В. Виноградов последовательно разделяет синтаксические связи в словосочетании и синтаксические связи в предложении.

В чешских синтаксических трудах оперируют одним термином *syntaktické vztahy*; когда речь идет о формальной стороне отношений, то говорят о средствах выражения синтаксических отношений (*prostředky / způsoby vyjádření syntaktických/skladebních vztahů*). Некоторые авторы разграничивают их непоследовательно, например, у В. Шмилауера находим: «Lišíme tedy pojmové dvojice: parataxe (souřadnost) – hypotaxe (podřadnost), v níž jde o formu; koordinace (přřadování) – determinace (určování), v níž jde o obsah (význam)» (Šmilauer, 1966, s. 49), однако данное утверждение касается только сложных предложений, в рамках словосочетания и простого предложения такого четкого разделения нет.

В русских грамматиках можем встретиться с терминами *синтаксические связи* и *синтаксические отношения*. Главное в синтаксических отношениях – выражаемая семантика, в синтаксической связи акцентируется формальная сторона.

У В. В. Виноградова *синтаксические отношения* и *синтаксические связи* используются как синонимы, в более поздних работах русских синтаксистов, в работах чешских русистов последовательно отграничиваются *синтаксические отношения* и *синтаксические связи / способы выражения синтаксических отношений*. Под подчинительными синтаксическими связями (средствами/способами выражения синтаксических отношений) и в русской, и в чешской синтаксической традиции понимается *согласование, управление, примыкание (shoda/kongruence, řízenost/rekce, přimykání)*. В классификации синтаксических отношений нет такого единодушия. В. В. Виноградов не приводит детальной классификации синтаксических отношений, он упоминает предикативные отношения, но выносит их за рамки словосочетания и немного рассуждает об атрибутивных или определительных отношениях. П. А. Лекант рассматривает три основных вида синтаксических отношений: атрибутивные, объектные, обстоятельственные и два дополнительных (субъектные и комплетивные). Р. Зимек (Zimek In: Kubík a kol., 1982) в рамках подчинительных отношений выделяет предикацию и детерминацию (атрибутивная, объектная, обстоятельственная детерминация), а также считает, что возможна комбинация предикативного и детерминативного отношения. У Г. Флидровой и С. Жажи выделяется координация (сочинение) и детерминация (подчинение), предикация рассматривается как особый вид детерминации. Шмилауер описывает пять видов отношений: *přisuzování (predikace), určování (determinace), přístavek (apozice), přřadování (koordinace), vsouvání (parenteze)*.

М. Грепл и П. Карлик (1986) выделяют сочинение и подчинение, пользуются для этого терминами *subordinační vztah / subordinace / podřadování; koordinací vztah / koordinace / přřadování*.

У чешских лингвистов (русистов и богемистов) прослеживается тесная связь между видом отношений и членом предложения, в русских грамматиках и учебниках, проанализированных нами, эта связь так четко не оформлена, тогда как напр. Ф. Колечны описывает члены предложения в главах, посвященных конкретным видам синтаксических отношений.

В русских грамматиках и учебниках используется устоявшаяся терминология, чешские богемисты часто используют авторскую терминологию (напр., Mluvnice 3 – *dominace, zmnožení*; Korešný – *vnější vztahy, vnitřní vztahy*). Особняком стоят работы В. Шмилауера и статья Р. Мразека, в которых выделяется пять типов синтаксических отношений. У В. Шмилауера встречаемся с чешскими синонимичными терминами *přístavek/apozice*, которыми автор пользуется для наименования особых синтаксических отношений. Р. Мразек использует термин *апозиция*, в русской синтаксической традиции, как правило, этот термин используется для названия разновидности определения (член предложения), а не для обозначения типа синтаксической связи.

Необходимо также упомянуть термины *паратаксис* и *гипотаксис*.

Оба термина греческого происхождения, с их использованием в русской и чешской синтаксической традиции связан ряд споров. К истории употребления этих терминов обращается М. Я. Дымарский в статье *Из истории изучения синтаксических отношений и связей: паратаксис и гипотаксис*, он достаточно подробно рассматривает оппозицию *паратаксис/гипотаксис* и указывает на ее неоднозначный характер.

На данном этапе термины *паратаксис* и *гипотаксис* чаще используются в работах, посвященных историческому синтаксису или в трудах сопоставительного характера для описания синтаксического строя преимущественно европейских языков. В АГ-54 и в учебнике П. А. Леканта нам не встретились данные термины. Если обратиться к справочной литературе, то в словаре О. С. Ахмановой (Achmanova, 2004) мы встречаемся со следующими определениями:

ГИПОТАКСИС англ. hypotaxis, фр. hypotaxe, нем. Hypotaxe, исп. hipotaxis. Подчинение предложений; открытое выражение синтаксических отношений зависимости одного элемента от другого; противоп. паратаксис; ср. подчинение.

ПАРАТАКСИС англ. parataxis, фр. parataxe, нем. Parataxe, Beiordnung, исп. parataxis. Способ выражения синтаксических отношений путем простого соположения соотносящихся элементов, без формального выражения синтаксической зависимости одного от другого.

Словарная статья *гипотаксис* отсылает нас к термину *подчинение*, однако, сравнив определения, мы убеждаемся, что он обозначает более широкое понятие:

ПОДЧИНЕНИЕ англ. hypotaxis, subordination, фр. subordination, hypotaxe, нем. Unterordnung, исп. subordination. Отношение синтаксического неравенства, выражаемое тем, что показатель отношения имеется только в одном из соотносящихся членов, и указывающее на синтаксическую зависимость одного из соотносящихся членов от другого; неравенство соотносящихся единиц (величин), преобладание одной из них над другой, вытекающее из необратимости отношения. Основными разновидностями подчинения являются управление, согласование и примыкание.

В словарной статье *паратаксис* не делается отсылка к другим терминам.

В *ЛЭС* словарная статья *гипотаксис* не содержит дефиниции и перенаправляет нас на статью *подчинение*, соответственно *паратаксис* отсылает к *сочинению* и *бессоюзью*.

В чешской синтаксической традиции принято разграничивать термины *подчинение/гипотаксис* и *сочинение/паратаксис*, это проявляется как в работах богемистов, так и русистов. Термины *parataxe* и *hypotaxe* используются для формальных средств при выражении сочинительных и подчинительных отношений. Таким образом, мы видим, что в русском синтаксисе последовательно проявляется проблема терминологического неразличения синтаксических отношений и способов их выражений.

Мы столкнулись со случаями несовпадения объема значений отдельных терминов.

1) *Подчинительная связь*. В русской традиции подчинительная связь понимается уже (только управление, согласование, примыкание). У Р. Зимека подчинительная связь – это предикация и детерминация. Различие в понимании подчинительной связи влечет за собой возможные недоразумения и недопонимания, вызванные интерференцией. У П. А. Леканта встречаем, что словосочетание строится на подчинительной связи. Р. Зимек пишет: «Посредством подчинительной связи образуются из знаменательных слов бинарные конструкции – словосочетания (синтагмы)». Читателю может показаться, что взгляды синтаксистов совпадают, но это не так. Для Р. Зимека в состав словосочетаний входят и сочетания подлежащего со сказуемым, для П. А. Леканта подобные сочетания не рассматриваются как словосочетания, потому что они построены на предикативной связи.

2) *Координация* в русской и в чешской синтаксической традиции понимается по-разному. В *AG-54* это вид связи между подлежащим и сказуемым, у Г. Флидровой – С. Жажи, Ф. Копечного, в *Mluvnice češtiny (3)* это наименование для обозначения сочинительной, паратактической связи.

3) *Примыкание* трактуется большинством чешских авторов шире (и богемисты, и чешские русисты), к примерам примыкания они относят

случаи, классифицируемые русскими авторами как так называемое слабое управление. В то же время некоторые лингвисты (напр., Р. Мразек) сомневаются в уместности выделения примыкания: «Примыкание равносильно отсутствию формальной обусловленности. Думается, что отсутствие формальной обусловленности нельзя признавать позитивным формальным приемом для выражения синтаксической зависимости» (Mrázek, 1961, s. 48).

4) *Аппозиция*. Термину *аппозиция*, который некоторые русские лингвисты используют для обозначения приложения – особого вида определения, соответствует чешский термин *apozice*. Однако некоторые чешские синтаксисты (В. Шмилауер, Р. Мразек) используют его для обозначения специальных синтаксических отношений.

Формальное несовпадение отмечается в паре терминов *синтаксические отношения* – *syntaktické vztahy*. Русский термин используется только в форме мн. ч., чешский термин встречается в форме ед. ч. и мн. ч.

4 ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Для описания членов предложения в качестве основных источников мы использовали следующие: *Грамматика русского языка* 2 тт. (Под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной, 1954). Москва: Издательство Академии наук СССР, 1954.

ЛЕКАНТ, П. А. – КЛОБУКОВ, Е. В. – МАРКЕЛОВА, Т. В. – МОНИНА, Т. С. – САМСОНОВ, Н. Б.: *Современный русский язык*. Учебное пособие для студентов учреждений среднего профессионального образования педагогического профиля. Под редакцией П. А. Леканта. Москва: Дрофа, 2001

GREPL, M., KARLÍK, P.: *Skladba spisovné češtiny*. Praha: SPN, 1986

KOPEČNÝ, F.: *Základy české skladby*. Praha: SPN, 1962

KUBÍK, M. a kol.: *Russkij sintaksis v сопоставлении с чешским*. Praha: SPN, 1982.

FLÍDROVÁ, H., ŽAŽA, S.: *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским*. Olo-
моуc, 2005

В качестве дополнительных источников нами привлекались:

СВЕТЛИК, Я.: *Синтаксис русского языка в сопоставлении с словацким*. Bratislava: SPN, 1970

BARNETOVÁ, V. – BĚLIČOVÁ-KŘÍŽKOVÁ, H. – LEŠKA, O. – SKOUMALOVÁ, Z. – STRAKOVÁ, V.: *Русская грамматика 1, 2*. Praha. 1979

DANEŠ, F. – HLAVSA, Z. – GREPL, M.: *Mluvnice češtiny 3 – Skladba*. Praha: Academia, 1987.

MRÁZEK, R.: *Проблема сказуемого и его классификации (на материале русского и чешского языков)*. Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 1958, vol. 7, iss. A6, s. [10]-34

MRÁZEK, R.: *Синтаксические отношения и члены предложения*. Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 1961, vol. 10, iss. A9, s. [47]-60

4.1 Член предложения

Непременной составляющей классического синтаксиса была теория членов предложения. Первоначально выделялись так называемые главные члены предложения – подлежащее и сказуемое. Идея расчлененности предложения унаследована еще из античности, именно там возникают зачатки понятия предикативности. Выделение подлежащего и сказуемого указывает на тесную связь логики и синтаксиса, сами термины *субъект* и *предикат* изначально были терминами логики.

Термины *подлежащее* и *сказуемое* возникли как кальки латинских *subjectum* и *praedicatum*, в русский научный обиход термины ввел А. А. Барсов, причем он указывал их латинский эквивалент. Именно в грамматике А. А. Барсова представлена первая классификация подлежащего и сказуемого: он вводит в употребление термины *простое подлежащее*, *сложное подлежащее*, *грамматическое подлежащее*, *логическое подлежащее*, *простое сказуемое*, *сложное сказуемое*, *грамматическое сказуемое*, *логическое сказуемое*, *связь*, *связка*. Интересно, что практически все языковеды того времени (А. А. Барсов, Н. Ф. Кошанский, Н. И. Греч) следовали общепринятому делению логического суждения на три части, поэтому и в предложении выделяли три главных члена – *подлежащее*, *сказуемое*, *связка*. Позднее в грамматиках начинают выделяться второстепенные члены. Второстепенные члены предложения (в терминологии лингвистов XVIII-XIX веков *части предложения*) разрабатываются в грамматиках Н. И. Греча и А. Х. Востокова. Для этого создаются термины *дополнение*, *дополнительные слова*, *определение*, *определятельные слова*. Члены предложения, которые в современной грамматике рассматриваются как обстоятельства, включались ими в разряд определений. Разработку теории второстепенных членов предложения продолжил Ф. И. Буслаев, классифицировавший их по типу подчинения и по значению.

С развитием синтаксической науки теория членов предложения претерпела существенные изменения. А. А. Потебня заложил основы понятия морфологизированных членов предложения, т. е. классификация второстепенных членов предложения опиралась на морфологический критерий: дополнение выражается именем существительным в косвенном падеже, определение – именем прилагательным (также местоименным прилагательным, порядковым числительным, причастием), обстоятельство – наречием.

В первых изданиях *Русского синтаксиса в научном освещении* А. М. Пешковский еще пользуется терминами *определение*, *дополнение*, *обстоятельство*, вкладывая в них формальное содержание: определение – это согласуемое прилагательное, причастие, местоимение; дополнение – это управляемое

существительное; обстоятельство – это примыкающее наречие, деепричастие или примыкающий инфинитив. В позднейших изданиях (с 1928 г.) А. М. Пешковский отказывается и от терминов *определение, дополнение, обстоятельство*, используя термины *согласуемые, управляемые, примыкающие члены предложения*.

В современной литературе отмечается нечеткость, разнородность классификаций членов предложения. На протяжении XX века теория членов предложения разрабатывалась разными учеными, в результате количество вопросов, не имеющих однозначного решения, только увеличилось. Даже понятие *член предложения* трактуется неоднозначно, в некоторых грамматиках и учебных пособиях, несмотря на описание отдельных членов предложения, отсутствует дефиниция родового понятия *член предложения*.

В *Словаре лингвистических терминов* О. С. Ахмановой *член предложения* определяется так: «наиболее типичные соединения данной синтаксической связи и данного содержания синтаксических отношений как наиболее регулярно и закономерно воспроизводимые в различных (разнообразных) высказываниях. (...) Подлежащее и сказуемое как объединяемые предикативной связью и противопоставляемые второстепенным членам» (Achmanova, 2004).

В ЛЭС это понятие определяется иначе: «структурно семантические компоненты предложения, выраженные полными словами или словосочетаниями. Термин член предложения возник из-за отсутствия однозначного соответствия между морфологическими классами или подклассами слов и выполняемыми ими в предложении синтаксическими функциями. Система членов предложения сложилась в результате последовательного членения простого повествовательного предложения, взятого в его максимально развернутой и связной форме, на функциональные элементы. Различаются главные члены предложения *подлежащее* и *сказуемое*, и второстепенные – *определение, дополнение и обстоятельства*» (LES).

В NESČ член предложения (*větný člen*) трактуется достаточно лаконично: *Je to syntakticky relevantní element větné struktury, ke kterému se dospívá na základě syntaktické analýzy»* (NESČ).

В. Словак (2017) блестяще анализирует признаки, положенные в основу выделения членов предложения.

Признак 1: Тип подчинительных синтаксических отношений, в которые члены предложения вступают. Различаются два основных типа подчинительных синтаксических отношений – предикативные и детерминативные. По данному признаку делятся члены предложения на главные и второстепенные, причем только главные члены предложения могут

вступать в предикативное отношение (отношение между подлежащим и предикатом). В детерминативные отношения могут вступать члены как главные (в роли господствующего компонента), так и второстепенные (в роли господствующего или зависимого) (Slovák, 2017, s. 382).

Признак 2: Частеречная принадлежность господствующего члена синтагмы. Данный признак служит для разграничения второстепенных членов предложения. В трудах прежде всего чешских лингвистов можно найти следующие правила: от существительного зависит определение или приложение, от прилагательного – дополнение или обстоятельство, от глагола зависит дополнение или обстоятельство, от наречия – обстоятельство, от глагола и существительного одновременно зависит дуплексив и т. п. (Slovák, 2017, s. 383).

Признак 3: Синтаксическое значение члена предложения. Общепринято выделять пять основных синтаксических значений – субъектное, предикативное, атрибутивное, объектное и циркумстативное (обстоятельственное) (напр. Česnokova, 1996, s. 21). Причем каждое из приведенных значений в типичном проявлении характерно для определенного члена предложения. Так, стандартное подлежащее имеет субъектное значение, предикат – предикативное, определение – атрибутивное, дополнение – объектное и обстоятельство – циркумстативное (Slovák, 2017, s. 383).

Признак 4: Формальное средство выражения синтаксического отношения. Синтаксические отношения имеют свое формальное выражение. Среди лингвистов общепринято различать три вида формального выражения подчинения (часто упоминаемые прежде всего в российской литературе под названием синтаксические связи): согласование, управление и примыкание. (...) Зачем системе членов предложения нужен данный признак? По формальному средству выражения синтаксического отношения, во-первых, различается согласованное и несогласованное определение, во-вторых, отличается несогласованное определение от (согласованного) приложения, в-третьих, отличается (управляемое) дополнение от (примыкающего) обстоятельства (Slovák, 2017, s. 384).

Признак 5: Частеречная принадлежность члена предложения. Несмотря на то, что почти во всех грамматиках указывается на то, чем (какой частью речи) члены предложения выражаются, различительная функция данного признака состоит «лишь» в отграничении согласованного определения (выражаемого прилагательным) от приложения (выражаемого существительным) (Slovák, 2017, s. 385).

Разные признаки, положенные в основу выделения членов предложения, приводят к отсутствию четких границ между членами предложениями и неоднозначной трактовке синтаксической категории.

Дебаты вызывает не только принадлежность к тому или иному члену предложения, но и сам количественный состав членов предложения. В школьных грамматиках и учебниках обычно выделяют определение, дополнение, обстоятельство, некоторые авторы выделяют и другие члены предложения (примеры рассмотрим в параграфе 4.4). Детально проанализируем классификации членов предложения в выбранных русских и чешских грамматиках, учебниках и пособиях, определим количественный и качественный состав терминосистемы *Члены предложения*.

4.2 Главные члены предложения

4.2.1 Подлежащее

Говоря о термине *подлежащее*, следует сразу оговориться, что мы будем рассматривать только *грамматическое подлежащее*. В синтаксической литературе (А. М. Пешковский, Ф. Травничек, Ф. Копечны и др.) мы можем встретиться с терминами *логическое подлежащее*, *психологическое подлежащее*, *грамматическое подлежащее* (*logický podmět*, *psychologický podmět*, *gramatický podmět*). Выделение психологического, логического подлежащего связано с описанием структуры предложения на уровне семантики, с точки зрения актуального членения предложения и пр. Термин *подлежащее* (*podmět*, *subjekt*) без определения (психологический, логический) используется для описания грамматической структуры предложения.

Дискуссия о грамматических, логических и психологических подлежащих, о том, можно ли их отождествлять, имеет давнюю историю. Напр., И. Давыдов отмечал: «Грамматические члены различаются от логических. Грамматическим подлежащим называется только одно понятие о предмете суждения, логическое же подлежащее есть понятие о предмете суждения со всеми другими понятиями, относящимися к его объяснению. То же самое различие принимается между логическим и грамматическим сказуемым... Грамматических членов в предложении может быть четыре: подлежащее, сказуемое, определение и дополнение, а логических только два: подлежащее и сказуемое» (Lomtev, 2007, s. 9). Ф. И. Буслаев указывал, что «в логическом отношении второстепенные члены не отделяются от главных и вместе с ними составляют логическое подлежащее и логическое сказуемое (т. е. субъект и предикат)» (Lomtev, 2007, s. 17). Ф. Копечны также довольно подробно рассматривает разницу между этими типами подлежащего в *Základy české skladby*.

В *AG-54* под подлежащим понимается «главный член двусоставного предложения, грамматически независимый от других членов предложе-

ния, выражаемый обычно именем существительным, местоимением или другим склоняемым словом в форме именительного падежа и обозначающий предмет (в широком смысле слова), признак (действие, состояние, свойство, качество) которого определяется в сказуемом: *Отец работает; Воздух чист и свеж; Мы строим новые здания*» (AG-54, 1954, s. 370). «Подлежащее имеет вполне определенную и строго стабильную форму выражения: в русском языке оно может быть выражено именительным падежом существительного и предметно-личного местоимения (или его «субстантивированным эквивалентом»), количественно-именным сочетанием, наконец, инфинитивом» (AG-54, 1954, s. 88-89).

В определении подчеркивается независимость подлежащего и его формальная выраженность (именительный падеж).

П. А. Лекант, определяя подлежащее, делает акцент на его грамматической независимости: «В русском языке подлежащее – абсолютно независимый главный член двусоставного предложения. Грамматическими показателями независимости подлежащего являются именительный падеж имени (номинатив) и неопределенная форма глагола (инфинитив). Имя в качестве подлежащего обозначает предмет, который является производителем действия или носителем признака, названного в сказуемом» (Lekant, 2001, s. 272).

В отличие от AG-54 П. А. Лекант предлагает классифицировать подлежащие по морфологической форме: подлежащие, выраженные именительным падежом именных частей речи, он называет *номинативными*, для подлежащих, выраженных инфинитивом, соответственно использует термин *инфинитивные подлежащие*. Номинативное подлежащее является наиболее употребительным и распространенным.

Описывая инфинитивное подлежащее, П. А. Лекант подчеркивает взаимосвязь между грамматическими формами подлежащего и сказуемого, ограничения, которые накладывает инфинитив в качестве подлежащего на форму выражения сказуемого: «Инфинитивное подлежащее не имеет предметного значения, не подвергается субстантивации. Оно не может означать деятеля. Поэтому при инфинитивном подлежащем не может быть употреблено глагольное сказуемое. В составное сказуемое при инфинитивном подлежащем обычно входят имя существительное, предикатив (категория состояния), инфинитив и (реже) имя прилагательное в полной форме» (Lekant, 2001, s. 274).

В учебнике *Русский синтаксис в сопоставлении с чешским* под редакцией М. Кубика «подлежащее – один из двух главных членов двусоставного предложения, находящийся в отношении предикации со сказуемым. Формально оно выражается, как правило, именительным падежом существительного или личного местоимения. Семантически оно обозначает субстан-

цию, которой сказуемым приписывается признак в самом широком смысле» (Adamec In: Kubík a kol., 1982, s. 46). Указывается, что подлежащее может быть выражено не только существительным, но и местоимением, сочетанием количественного числительного с существительным и инфинитивной конструкцией, но подлежащие по типам не классифицируются.

Авторы учебника *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским* определяют подлежащее как «конститутивный член предложения, выраженный синтаксическим существительным, т. е. любым словом/словосочетанием в позиции им. п. существительного: *Брат учится в техникуме. Москва – столица России. (...)*» (Flídrová, Žaža, 2005, s. 43). Самая частая форма выражения подлежащего – существительное в форме именительного падежа. Однако в отрицательных предложениях и в предложениях с количественным значением встречается подлежащее в родительном падеже, для иллюстрации авторы приводят следующие примеры: *Ирины дома не было. – Документов не сохранилось. (...) Денег еще хватает. Навалило снегу. Примеров – три. Водителей – ни одного.*

Авторы выделяют два типа подлежащих, для их обозначения вводят новые термины: *субстанциальные* (выраженные синтаксическим существительным) и *ситуационные* (выраженные инфинитивом) *подлежащие*.

Ф. Копечны для обозначения подлежащего пользуется двумя терминами – *podmět* и *subjekt*, определяет его так: «Podmět (subjekt) je predikačně určovaný člen ve větě. Je to původce nebo nositel slovesného děje nebo stavu nebo vlastnosti (okolnosti), které vyslovuje přísudek: zkratka nositel predikačního znaku» (Копечный, 1962, s. 162).

«Podmět bývá vyjádřen nominativem nebo s ním konkurujícím pádem partitivním (numerativním); též celou větou nebo infinitivem; a ovšem jakýmkoli jiným slovem nebo výrazem, který lze chápat za nominativ syntaktického substantiva» (Копечный, 1962, s. 163).

Т. е. сходство с русскими грамматиками заключается в том, что сочетания с числительными (пять мальчиков – pět chlapců) являются подлежащими, подлежащее также может быть выражено инфинитивом. Различие в том, что 1) родительный партитивный, по Ф. Копечному, может быть подлежащим – *ubývá vody, napadlo sněhu*, 2) подлежащее может выражаться и родительным отрицания: *není peněz, nebylo vody, není lásky mezi lidmi* (Копечный, 1962, s. 166).

М. Грепл, П. Карлик (1986) определяют подлежащее следующим образом: «Podmět (subjekt) je výraz v syntaktické levovalenční pozici předpokládající nominativní formu. Proto se na tento základní větný člen ptáme otázkou *kdo/co?*» (Grepl, Karlík, 1986, s. 235). Авторы выделяют три вида подлежащих: *podmět substantivní, podmět větný, podmět infinitivní*. Подлежащие классифицируются в зависимости от того, как они выражены. К первой группе отно-

сятся подлежащие, выраженные существительными, прилагательными, местоимениями, в именительном падеже, но авторы считают подлежащим и имя существительное в родительном падеже (родительный партитивный и родительный отрицания), напр., *V přehradě ubylo vody; Přibylo jí vrásek*. Ко второму типу относятся подлежащие, выраженные относительным придаточным предложением: *Kdo lže, krade; Co se vleče, neutěče*. К третьему типу относятся подлежащие, выраженные инфинитивом.

При анализе подходов русских синтаксистов, чешских русистов и чешских богемистов были выявлены следующие особенности:

- 1) Русские и чешские русисты используют термин *подлежащее*, чешские богемисты оперируют термином *podmět*, но также указывают его эквивалент латинского происхождения – *subjekt*.
- 2) В русской синтаксической традиции подчеркивается независимая роль подлежащего в предложении. В чешской синтаксической традиции эта независимость так сильно не акцентируется. В определениях М. Кубика и Ф. Копечного делается акцент на предикативные отношения между подлежащим и сказуемым в предложении.
- 3) В рамках русской синтаксической школы традиционно считается, что подлежащее, выраженное именной частью речи, должно быть только в им. п. В работах некоторых лингвистов (Г. А. Золотова, Г. П. Дручинина, Н. К. Онипенко и некоторые др.) рассматривается идея выражения подлежащего косвенными падежами, однако она не получила широкого распространения. В анализируемых нами работах чешских синтаксистов Флидровой, Жажи; Копечного, Грепла и Карлика рассматриваются подлежащие, выраженные формами родительного падежа (родительный партитивный и родительный отрицания).
- 4) Русские и чешские синтаксисты признают существование субстантивных и инфинитивных подлежащих (субстанциальных и ситуативных в терминологии Флидровой, Жажи), в работах чешских богемистов рассматриваются и подлежащие, выраженные придаточным предложением. В русской синтаксической традиции члены предложения выделяются в рамках простого предложения, если речь идет о сложном предложении, то в каждой его части выделяются свои главные и второстепенные члены предложения.
- 5) В работах чешских русистов и богемистов указывается, что подлежащее может быть формально не выражено (как правило, речь идет о личных местоимениях), но в анализируемых грамматиках и учебниках для такого подлежащего не используется специальный термин, хотя в чешской синтаксической литературе иногда встречается термин *nulový podmět* (так называемое нулевое подле-

жащее). В русской синтаксической традиции в таких случаях говорится, что подлежащее отсутствует.

4.2.2 Сказуемое

Сказуемое – главный член предложения, выделяемый еще в первых грамматиках.

В *AG-54* мы находим следующее определение: «Сказуемое – это главный член двусоставного предложения, грамматически зависящий от подлежащего, обычно выражающийся личной формой глагола, именем существительным или причастием и обозначающий признак (действие, состояние, свойство, качество) того предмета, который выражен подлежащим» (*AG-54*, 1954, s. 386-387).

В грамматике представлена сложная иерархия типов сказуемого: «В зависимости от формы выражения сказуемого выделяются следующие его типы: глагольное сказуемое – простое и сложное; именное сказуемое (выраженное именем существительным, именем прилагательным, именем числительным, местоимением, а также наречием); сказуемое, выраженное причастием; сказуемое, выраженное междометием» (*AG-54*, 1954, s. 387). Толкование простого глагольного сказуемого соответствует общепринятой грамматической традиции: Простым глагольным сказуемым называется сказуемое, выраженное глаголом в форме изъявительного, повелительного или сослагательного наклонения, а также в форме инфинитива. Простое глагольное сказуемое обозначает действие, состояние или свойство того лица, предмета или явления, которое выражено подлежащим. Также авторы оперируют понятием *сложное сказуемое*, которое не так часто встречается в других грамматиках: «Сложным глагольным сказуемым называется сказуемое, состоящее из личной формы глагола и примыкающего к нему инфинитива».

Особый интерес вызывает подход к именному сказуемому, потому что это один из спорных вопросов синтаксиса XX–XXI вв. «Именным сказуемым называется сказуемое, выраженное именем существительным, именем прилагательным, именем числительным и местоимением, а также наречием. Эти части речи могут выражать сказуемое либо самостоятельно, либо входя в состав сказуемого с личными глагольными формами и образуя именную часть сказуемого» (*AG-54*, 1954, s. 416). Выделяется три разновидности именного сказуемого: простое именное, составное именное, сложное именное: «Сказуемое, состоящее только из именной части и не включающее в свой состав форм глагола, называется простым именным сказуемым (*Он врач; Все в сборе; Она еще молода*), сказуемое, состоящее из именной части и вспомогательного глагола, называется состав-

ным именным сказуемым (*Она была моложе; Я стал учителем; Все казались взволнованными*), сказуемое, состоящее из именной части и полнозначительного глагола, называется сложным именным сказуемым (*Я пришел усталый; Она вернулась в родное село учительницей; Ребенок родился слепым*)» (AG-54, 1954, s. 417).

П. А. Лекант в описании сказуемого, с одной стороны, подчеркивает значимость сказуемого, с другой стороны, его грамматическую зависимость: «Грамматическая зависимость сказуемого от подлежащего заключается в том, что сказуемому принадлежит активная роль в формальном выражении предикативной связи главных членов предложения: формы сказуемого согласуются или координируются с формами подлежащего. (...) Семантическая и структурная роль сказуемого не является менее существенной, чем роль подлежащего. Напротив, в формах сказуемого в первую очередь находят опору основные элементы предикативности – модальность, время, лицо» (Lekant, 2001, s. 275).

Отличительным в понимании сказуемого для П. А. Леканта является разделение значений сказуемого на вещественное и грамматическое: «выражение в сказуемом предикативного признака предполагает наличие двух значений – вещественного и грамматического. (...) Эти значения могут быть выражены либо синтетическим способом: в одном слове или лексикализованном (семантически и синтаксически неделимом) сочетании слов; либо аналитическим способом: вещественное и грамматическое значение выражаются раздельно, в двух компонентах» (Lekant, 2001, s. 275-276). Это разделение легло в основу классификации структурных типов сказуемого: вводится два основных типа сказуемого – простое и непростое. Если с термином *простое сказуемое* мы неоднократно встречаемся в русских грамматиках XIX–XX веков, то термин *непростое сказуемое* не является таким распространенным. *Простое сказуемое* в терминологии П. А. Леканта – это сказуемое, которое в других грамматиках чаще называют простое глагольное сказуемое, потому что «только в спрягаемом глаголе одновременно выражаются вещественное и грамматическое значения» (Lekant, 2001, s. 276). *Непростое сказуемое* состоит из двух компонентов, функции которых четко разграничены: основной компонент выражает только вещественное значение, вспомогательный – только грамматическое (Lekant, 2001, s. 276).

Непростое сказуемое может быть составным глагольным сказуемым или составным именным сказуемым. Составное глагольное сказуемое представляет собой сочетание инфинитива полнозначного глагола с вспомогательным компонентом (Lekant, 2001, s. 278). Составное именное сказуемое включает компоненты, различные по морфологической природе. Основной компонент представлен формами имен или других

слов, по значению сближающихся с именами; он обозначает пассивный признак в различных частных проявлениях (качество, состояние и пр.). Вспомогательный компонент представлен спрягаемыми формами глаголов (или устойчивых глагольных словосочетаний), утрачивающих в данной функции свое конкретное вещественное содержание. Этот компонент называется связкой, а основной компонент – именной (присвязочной) частью (Lekant, 2001, s. 280).

Определяя сказуемое, М. Кубик, как и большинство синтаксистов, опирается на его значение и грамматическую зависимость от подлежащего: Сказуемым называется главный член двусоставного предложения, формально зависящий от подлежащего и приписывающий подлежащему какое-либо действие, состояние или признак (Adamec, Kubík In: Kubík a kol., 1982, s. 40).

М. Кубик предлагает классифицировать сказуемые по форме и выделяет следующие типы сказуемого:

Простое глагольное сказуемое (выражается спрягаемой формой глагола) (...) Кроме согласованных форм, которые у данного типа сказуемого представляют собой абсолютное большинство, изредка встречается и несогласованное простое глагольное сказуемое. (...) Особым подтипом простого глагольного сказуемого, приближающимся своими особенностями к самостоятельному типу, является *экзистенциальное сказуемое* *есть* с глаголом или его нулевой формой. *Есть такие люди. В нашем городе есть музей. Деньги у него есть* (Adamec, Kubík In: Kubík a kol., 1982, s. 40-41).

Составное именная сказуемое, выраженное сочетанием связки или так наз. полусвязочного глагола с предикативным прилагательным, существительным или наречием (эти последние обозначаются термином *именная часть сказуемого*). *Отец болен. Брат – студент. Все в беспокойстве. Ты будешь моим помощником. Москва является культурным центром всей страны* (Adamec, Kubík In: Kubík a kol., 1982, s. 41).

Сложное глагольное сказуемое выражено сочетанием так наз. модификатора (т. е. глагола, предикатива со связкой или глагольного словосочетания с модальным или фазисным значением) и инфинитива знаменательного глагола, напр. *Я могу приехать. Мы должны были остаться. Ты не имеешь права так говорить* (Adamec, Kubík In: Kubík a kol., 1982, s. 42).

Осложненное глагольное сказуемое выражается глаголом в сочетании с различными частицами, которые сообщают сказуемому разные модальные и экспрессивные оттенки. *А собака как зарычит! А ну-ка скажи. Он всегда что-нибудь да выдумает* (Adamec, Kubík In: Kubík a kol., 1982, s. 42).

Аналитическое сказуемое. Аналитическим называется сказуемое, выраженное устойчивым глагольно-именным словосочетанием, образующим целостную семантическую единицу. *Студенты принимают участие*

в решении всех педагогических вопросов (Adamec, Kubík In: Kubík a kol., 1982, s. 44).

В учебнике Г. Флидровой и С. Жажи авторы в основном пользуются термином *предикат*. Они разграничивают понятия *сказуемое* и *предикат*, предикат понимается более широко, и, описывая члены предложения, они говорят о предикате. «Под термином предикат мы подразумеваем то, что в традиционных школьных грамматиках называется

А) сказуемое двусоставного предложения

Б) единый главный член односоставного предложения» (Flídrová, Žaža, 2005, s. 39).

Предикат представляет собой центр предложения, так как именно он связывает все конститутивные члены предложения в одно структурное целое» (Flídrová, Žaža, 2005, s. 38).

1. Предикат собственно глагольный, выраженный спрягаемой формой полнозначительного глагола. (...) Собственно глагольным считается и предикат, выраженный аналитической формой пассива (формой вспомогательного глагола *быть*): *Здесь будет построен новый стадион. Автором было высказано два взгляда.*

Кроме предиката, согласующегося с подлежащим, встречается и несогласованный предикат, выражаемый императивом 2 л. ед. ч., обозначающим неожиданное действие или условное действие, инфинитивом несовершенного вида, выражающим внезапное действие в прошлом.

2. Предикат связочно-именной. Выражается формой глагола-связки (включая нулевую) или полусвязки и именной частью предиката (прилагательным, существительным, наречием, предложно-падежным сочетанием, числительным): *Отец был болен. Мой племянник – диспетчер. Сестра уже замужем. Все были в беспокойстве.* (...)

3. Предикат сложный (собственно глагольный или связочно-именной), содержащий т. наз. модификатор, т. е. глагол или предикативное наречие с модальным или фазовым значением, и инф. полнозначительного глагола: *Я могу приехать. Таня вынуждена остаться. Мы должны будем извиниться. Ты не имеешь права так говорить.* (...)

4. Предикат инфинитивный: *Вам сегодня убирать квартиру. Борису не понять этого. Что делать?* (...)

5. Предикат неглагольный, выраженный существительным, наречием, частицей и междометием: *Тишина. Ну и погода! Хорошо. Вперед! Спасибо! Так ли? Ой-ой!* (Flídrová, Žaža, 2005, s. 40-41).

Также выделяются два специальных типа предиката: *аналитический* и *осложненный*.

Аналитическим называется предикат, выраженный устойчивым глагольно-именным словосочетанием, образующим целостную семантиче-

скую единицу. *Студенты принимают участие в решении педагогических вопросов.*

Осложненный предикат «встречается в живой разговорной речи и выражается глаголом в сочетании с частицами, сообщающими предикату разные модальные и эмоциональные оттенки: *Я хотел погладить собаку, а она как зарычит! (...)*» (Flídrová, Žaža, 2005, s. 42).

В учебнике Г. Флидровой и С. Жажи сказуемые классифицируются по подобным основаниям, как у М. Кубика, но используется другая терминология. Ср. слева термины, используемые в учебнике под редакцией М. Кубика, справа – в учебном пособии Г. Флидровой и С. Жажи.

<i>Простое глагольное сказуемое</i>	–	<i>Собственно глагольный предикат</i>
<i>Составное именное сказуемое</i>	–	<i>Связочно-именной предикат</i>
<i>Сложное глагольное сказуемое</i>	–	<i>Сложный предикат</i>
<i>Осложненное глагольное сказуемое</i>	–	<i>Осложненный предикат</i>

Кроме того, в классификации Г. Флидровой, С. Жажи выделяются *инфинитивный предикат* и *неглагольное сказуемое*, которые не рассматриваются в учебнике под редакцией М. Кубика.

Ф. Копечный определяет сказуемое так: «*Přísudek (predikát) je ten větný člen, to větné určení, které se podmětu v té či oné modalitě platnosti „tvrdivě“ přisuzuje, které se v té či oné modalitě platnosti na podmět jako tvrzení vztáhne*» (Kopečný, 1962, s. 167).

Автор рассматривает разные способы выражения сказуемого, но не классифицирует их по этому признаку. Важным вопросом для него является проблема связки и связанная с этим проблема так называемого дуплексива. По сравнению со своими предшественниками он более широко понимает термин *spona* (связка), относя к связочным глаголам не только *býti*, но и *státi se, zdáti se*, соответствующие формы глаголов *mít, učinit, zvolit, jmenovat, pokládat, považovat, chápat*.

По мнению авторов учебника *Skladba spisovné češtiny* (1986), основным признаком сказуемого, отличающим его от всех остальных членов предложения, является его темпоральная и модальная характеристика: сказуемое всегда является носителем синтаксически независимых категорий модальности и времени, называемых предикационными (Grepel, Karlík, 1986, s. 235).

Выделяются следующие типы сказуемого: *slovesný přísudek* (глагольное сказуемое, выраженное VF), *slovesně-jmenný přísudek* (sponově-jmenný přísudek, в состав которого входит глагол-связка (sponové sloveso, spona) и именная часть), *jmenný přísudek*. Авторы считают, что глагольное сказуемое может быть выражено и другими частями речи (междометие, сравнительные обороты со словом *jako* и сослагательного наклонения и др.). Также в рамках глагольного сказуемого они рассматривают *составное гла-*

гольное сказуемое (slovesný přísudek složený), которое состоит из инфинитива полнозначного глагола и личной формы фазового или модального глагола. Таким образом, термины *slovesný přísudek* и *slovesný přísudek složený* находятся в иерархических родовидовых отношениях.

В МČЗ авторы пользуются термином *predikát*. Сказуемое в концепции авторов – организационный центр предложения. Je to jazyková jednotka, která ve své funkci větotvorné vystupuje v podobě některého z finitivních tvarů sloves. (Ojedinele může tuto funkci i z hlediska formálně syntaktického plnit infinitiv: Vědět tohle, nebyl bych s nimi chodil (...)) Je-li však tímto slovesem sloveso být/bývat ve funkci tzv. spony, pak tvoří součást a vlastní sémantické jádro predikátu význam s ním nutně spojeného výrazu jmenného, který má na rovině syntaktické formy platnost větného členu nazývaného predikativ (MČЗ, 1987, s. 21).

Ty složky věty (větné členy), jejichž přítomnost ve větě je predikátem vyžadována (tj. vyplývá z jeho valence jakožto jevu formálně gramatického), vytvářejí – spolu s predikátem – základovou větnou strukturu; proto je nazýváme členy základové (MČЗ, 1987, s. 21).

Z hlediska sémantického je třeba lišit případy, kdy sémantický predikát představuje na rovině syntaktické formy sloveso samo, od případů, kdy k predikátu patří nejen význam slovesa, ale zároveň s ním význam nějakého dalšího větného členu jmenné povahy. V prvním případě mluvíme o predikátu syntetickém (např. Prší. (Slunce svítí). (Otec) píše (dopis)), v druhém případě o sémantickém predikátu analytickém (rozloženém, slovesně-jmenném) (MČЗ, 1987, s. 22).

Русские лингвисты пользуются термином *сказуемое*, чешские лингвисты используют и термин *prísudek*, и термин *predikát*. М. Кубик следует русской лингвистической традиции и употребляет термин *сказуемое*. Г. Флидрова и С. Жажа разграничивают термины *предикат* и *сказуемое*, *предикат* – более широкий термин.

Одним из самых острых вопросов является проблема выделения именованного сказуемого. Еще Р. Мразек в статье *Проблема сказуемого и его классификации* (1958) писал, что одним из камней преткновения является сказуемое в конструкциях «им. п. – глагол *быть* – им. п.». Можно выделить две полярные концепции, что считать в данном случае сказуемым. Первая концепция связана с комплексным пониманием сказуемого, когда сказуемым считают сочетание глагола *быть* (и некоторых других) с именем. Подобная точка зрения широко представлена в русской грамматической традиции, наиболее ярко она выражена в АГ-54, где, как мы рассмотрели выше, выделяется три разновидности именных сказуемых: простое именованное, составное именованное, сложное именованное. Мразек иллюстрирует это традиционными примерами: *Кир был царь* – „*Кир стал царь*»; *Он был*

прав – Он оказался прав; Мальчик (есть) болен – Мальчик лежит болен. Сказуемые в этих предложениях в рамках русской синтаксической традиции принято считать именными сказуемыми. По второй концепции сказуемым считается только глагол, а имя в данных конструкциях является второстепенным членом предложения, таким образом в вышеуказанных примерах следует выделять не составное именное сказуемое, а простое глагольное. В анализируемых нами грамматиках и учебниках мы встречаемся или с первой концепцией или с компромиссными решениями.

Конструкции с кратким страдательным причастием рассматриваются по-разному. Виноградов называет их сказуемым, выраженным причастием, Лекант – составным именным сказуемым, Кубик считает подобные случаи сложными, по его мнению, они занимают промежуточное положение между простым глагольным и составным именным сказуемым, но в учебнике классифицирует их как составное именное сказуемое, Г. Флидрова и С. Жажа называют их предикатом собственно-глагольным.

4.2.3 Единый главный член предложения

Одним из принципиальных вопросов синтаксической теории является вопрос о главном члене односоставного предложения.

В *AG-54* не делается принципиальных различий между главными членами двусоставного предложения и главными членами односоставного предложения. Нигде не говорится, что главный член предложения имеет иной характер по сравнению с главными членами двусоставного предложения, но в описании односоставных предложений авторы избегают терминов *подлежащее* и *сказуемое*, обычно используют название *главный член предложения*. При описании главного члена односоставного предложения всегда указывается, какой частью речи он выражен.

П. А. Лекант видит разницу между подлежащим и сказуемым в двусоставном предложении и единственным главным членом односоставного предложения. Для главного члена односоставного предложения он не использует специальный термин, но подчеркивает его своеобразие: «Главный член односоставного предложения может быть подобен одному из главных членов двусоставного предложения – подлежащему или сказуемому (...), однако по значению главный член односоставного предложения не может быть отождествлен ни с подлежащим, ни со сказуемым» (Lekant, 2001, s. 290).

П. Адамец (Adamec In: Kubík a kol., 1982) в качестве особого члена предложения выделяет единый главный член предложения. «Единым главным членом называется главный член односоставного предложения, выражающий действие (состояние, явление), не соотносимое с подде-

жащим. Единый главный член двусоставного предложения аналогичен сказуемому двусоставного предложения. Он представляет собой структурный центр односоставного предложения, с которым синтаксически сочетаются все остальные его конститутивные члены» (Adamec In: Kubík a kol., 1982, s. 51). Классификация единого главного члена проводится на основании его частеречной принадлежности, всего выделяется восемь типов, для их обозначения автор вводит новые термины: *простой глагольный единый главный член, составной именной единый главный член, сложный глагольный единый главный член, инфинитивный единый главный член, экзистенциально-инфинитивный единый главный член, субстантивный единый главный член, наречный и партикулярный единый главный член, междометный единый главный член* (Adamec In: Kubík a kol., 1982, s. 51-52).

В учебнике Г. Флидровой и С. Жажи для обозначения единого главного члена односоставного предложения используется термин *предикат*.

Ф. Копечны в *Základy české skladby* (1962) не акцентирует внимание на этом вопросе, детально не анализирует односоставные предложения, не использует специальный термин для обозначения единого главного члена предложения.

М. Грепл и П. Карлик упоминают о проблеме единого главного члена односоставного предложения: «Tradičně se o přísudku mluví jen v korelaci s podmětem. Takový přístup vede pak k tomu, že např. ve větě *Občané nakonec dosáhli nápravy* se výraz *dosáhli* považuje za přísudek, ve větě *Občany bylo nakonec nápravy dosaženo* se výraz *bylo dosaženo* za přísudek nepovažuje: jde podle školských mluvnic o „(jediný/ /jeden) základní větný člen“. Ale ve větě *Občany byla nakonec náprava dosažena* se též výraz hodnotí zase jako přísudek» (Grepl, Karlík, 1986, s. 235). Детальнее авторы не рассматривают вопрос о едином главном члене, но, классифицируя типы сказуемого, в качестве примеров приводят и односоставные предложения.

Подытоживая, можно заметить, что проблема различения главных членов в двусоставном и односоставном предложении является очень важной и решается в зависимости от авторской концепции по-своему. Авторы *AG-54* рассматривают классификацию членов предложения в главе, посвященной двусоставным предложениям, применительно к односоставным предложениям не рассматривается вопрос о членах предложения. При описании односоставных предложений они пользуются термином *главный член предложения*. В более современных русских учебниках по синтаксису, как правило, выделяется *единый главный член предложения* (анализируемый нами *СРЛЯ* Леканта или *Синтаксис современного русского языка* Валгиной).

Для чешской синтаксической традиции, которая нашла отражение в работах чешских богемистов и русистов, характерен переход от про-

тивопоставления односоставного предложения двусоставному к противопоставлению предложений подлежащих и бесподлежащих, именно этим и объясняется разница в терминах, используемых для обозначения единого главного члена предложения.

В *Русском синтаксисе в сопоставлении с чешским* выделяется *единый главный член* и характеризуется по его морфологической принадлежности. В учебнике Г. Флидровой и С. Жажи авторы работают с термином *предикат*, М. Грепл и П. Карлик также выделяют в односоставных предложениях один главный член предложения – *prísudek*. Это приводит к тому, что слово в одной и той же синтаксической позиции будет классифицироваться по-разному.

Таблица 1. Классификация главных членов односоставного предложения в работах разных лингвистов

Название источника/автор	Пример	Член предложения
АГ-54	Стало светать.	Не используется специальное название, конструкция описывается как безличное предложение, главный член которого выражен инфинитивом безличного глагола несовершенного вида в сочетании с формами глаголов, обозначающих начало действия
АГ-54	Тишина.	Не используется специальный термин, конструкция рассматривается как нераспространенное номинативное предложение с главным членом предложения, выраженным существительным
Лекант СРЛЯ	Вечер. За стеной шумели.	Не используется специальный термин, это главный член предложения
Русский синтаксис в сопоставлении с чешским	Смеркается. Крышу сорвало ветром.	Простой глагольный единый главный член
	В комнате стало душно. Сереже стало не по себе.	Составной именной единый главный член
	Стало светать. Пришлось подождать.	Сложный глагольный единый главный член
	Борису не понять этого. Что же нам было делать?	Инфинитивный единый главный член
	Есть с кем посоветоваться. Нам будет о чем поговорить.	Экзистенциально-инфинитивный единый главный член

Название источника/автор	Пример	Член предложения
	Тишина. Какая метель!	Субстантивный единый главный член
	Хорошо. Вперед! Да. Спасибо!	Наречный и партикулярный единый главный член
	Ах! Ой-ой! Браво!	Междометный единый главный член
Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским	Крышу сорвало ветром. Смеркается.	Глагольный предикат
	Саше стало не по себе.	Связочно-именной предикат
	Стало светать. Об этом надо будет подумать.	Сложный предикат
	Борису не понять этого. Лишь бы вам не простудиться.	Инфинитивный предикат
	Тишина. Ну и погода! Хорошо. Вперед! Спасибо. Ой-ой!	Неглагольный предикат
М. Грепл, П. Карлик	Škola. Ordínace. Skvělé! Zajímavé!	Přísudek jmenný

Т. е. в предложениях типа – *Тишина*. – слово «тишина» в *AG-54* классифицировалось бы как главный член предложения, выраженный существительным, у П. А. Леканта – главный член, в *Русском синтаксисе в сопоставлении с чешским* – субстантивный единый главный член, у Г. Флидровой, С. Жажи – неглагольный предикатив, у М. Грепла, П. Карлика – именное сказуемое (přísudek jmenný).

4.3 Второстепенные члены предложения

Различительным признаком, на основе которого члены предложения делятся на главные и второстепенные, является вхождение или невхождение в предикативную основу предложения, т. е. в тот минимум, которого достаточно для того, чтобы предложение стало грамматически оформленной предикативной единицей.

В. В. Виноградов в *AG-54* писал, что не надо отказываться от учения о второстепенных членах предложения, но существующее деление нуждается в пересмотре. По-видимому, действительно с помощью устоявшейся системы невозможно описать все многообразие синтаксических конструкций и значений, поэтому часть лингвистов связала теорию второстепенных членов предложения с теорией словосочетания и стала описывать члены предложения через призму синтаксических отношений

и связей внутри словосочетания, другая часть лингвистов отказалась от термина второстепенные члены предложения; третья группа пытается пересмотреть существующую систему второстепенных членов предложения.

Среди примеров разных подходов можно назвать Т. П. Ломтева, который в работе *Основы синтаксиса русского языка* (1958 г.) вводит понятие *позиции*, он выделяет синтаксически главные и второстепенные позиции, полнозначные и неполнозначные позиции, зависимые и независимые позиции словесных форм. Г. А. Золотова использует новое авторское понятие *синтаксема*, под которым понимает синтаксические формы слова, характеризующиеся: 1) категориально-семантическим значением, 2) соответствующей ему морфологической формой; 3) вытекающей из предыдущего способностью синтаксически реализовываться в определенных позициях.

В *Русской грамматике* (1970) отсутствует теория второстепенных членов предложения, вместо нее авторы вводят понятие комплексных отношений между словами при изучении типов связи в словосочетании.

В *Русской грамматике* (1980) второстепенные члены предложения введены под названием распространяющие члены предложения – распространители, они противопоставляются главным членам предложения. Среди распространителей выделяются присловные распространители (распространители слова) и неприсловные распространители (распространители предложения) – детерминанты.

В отдельных грамматиках авторы отказываются или от традиционных названий второстепенных членов предложения, или от деления второстепенных членов предложения. Напр., в *Русской грамматике* (2) В. Барнетова, Г. Беличова-Кржишкова и др. (1979) авторы оперируют термином *детерминант*, выделяют факультативные детерминанты в рамках сказуемостного состава и факультативные детерминанты определительного характера. Факультативные детерминанты в рамках сказуемостного состава делятся по значению, для обозначения конкретных типов используются предтермины, факультативные детерминанты определительного типа также называются определениями.

В целом для чешской синтаксической традиции характерно скорее совершенствование устоявшейся традиционно сложившейся системы членов предложения.

Рассмотрим, как представлены второстепенные члены предложения в работах русских русистов, чешских русистов и чешских богемистов.

4.3.1 Дополнение

В *AG-54* дополнение определяется следующим образом. «Второстепенный член предложения, относящийся к члену предложения, выраженному глаголом, существительным, местоименным существительным, прилагательным, числительным или наречием, и обозначающий предмет, на который переходит действие, который является результатом действия, по отношению к которому совершается действие или проявляется признак, либо обозначающий действие как объект, на который направлено другое действие, называется дополнением» (*AG-54*, 1954, s. 523).

Авторы считают, что «наиболее четко значение дополнения выступает тогда, когда имя существительное, местоименное существительное, количественное числительное или количественно-именное сочетание, а также любое субстантивированное слово в форме винительного падежа без предлога относится к члену предложения, выраженному переходным глаголом. Такое дополнение называется прямым, в отличие от косвенных дополнений, выраженных формами винительного падежа с предлогами, а также формами других косвенных падежей без предлогов и с предлогами» (*AG-54*, 1954, s. 560). К прямым дополнениям авторы также относят дополнение при предикативных наречиях *жалко, жаль. Ему жалко (жаль) денег. Жаль (жалко) бумаги* (*AG-54*, 1954, s. 561). Также возможно причислить к прямому дополнению те случаи, когда дополнение выражено родительным падежом при глаголе с отрицательной частицей.

П. А. Лекант уделяет большое внимание дополнению и его классификации. «Дополнение – это второстепенный член предложения, который имеет общее значение объекта и относится либо к отдельному члену предложения, выраженному словом со значением действия или признака, либо ко всей основе предложения в целом. Дополнение, как правило, отвечает на вопросы косвенных падежей» (*Lekant*, 1982, s. 308).

В учебнике под редакцией Леканта представлена сложноорганизованная иерархия микросистемы *Дополнение*. Традиционно выделяют прямые и косвенные дополнения, П. А. Лекант также использует эту классификацию, но усложняет ее еще одним уровнем:

Дополнение: присловное дополнение; детерминирующее дополнение

Присловное дополнение: прямое дополнение; косвенное дополнение

«Присловные дополнения выделяются на базе словосочетаний с объектными отношениями, образованными по способу управления, а также примыкания преимущественно именами существительными или местоимениями-существительными, субстантивированными словами, реже – цельными сочетаниями, инфинитивом» (*Lekant*, 2001, s. 308).

Присловные дополнения, выраженные именами существительными и субстантивированными словами, делятся на прямые и косвенные. Прямое дополнение относится к переходному глаголу и выражается сильноуправляемой формой винительного (реже – родительного) падежа без предлога» (Lekant, 2001, s. 308). Все остальные дополнения называют косвенными.

Детерминирующее дополнение называет предмет как объект или субъект, которого касается все то, о чем сообщается в остальной части высказывания. Оно является обязательным элементом распространенного предложения (Lekant, 2001, s. 308).

В зависимости от частеречной принадлежности слова, к которому относится дополнение, автор выделяет *приглагольное, приадъективное и при-субстантивное дополнения* (Lekant, 2001, s. 308).

По сравнению с AG-54 встречаемся с более широким пониманием прямого дополнения: в AG-54 прямое дополнение может быть выражено формой родительного падежа только с предикативными словами *жаль, жалко* или употребляться при членах предложения, имеющих при себе отрицание (AG-54, 1954, s. 562). Лекант в качестве примера прямого дополнения приводит и другие случаи, например, *ищите правды* (Lekant, 2001, s. 308).

П. Адамец – Р. Зимек (Adamec, Zimek In: Kubík a kol.) определяют дополнение так: «Это второстепенный член предложения, синтаксически зависящий чаще всего от объектного глагола в спрягаемой форме (*читаю книгу, читал книгу*). Дополнение образует с глаголом объектно-детерминативную синтагму. В ней дополнение, как зависимый член, получает свою форму в силу управления данного глагола» (Adamec, Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 54). По мнению авторов пособия, дополнение может зависеть не только от глагола, но и «от прилагательного, требующего объекта (*полный надежды, подобный груше, зол на соседа*), или от безличного предикатива (*Ему жаль девушку; Оттуда видно реку*) и, очень редко, от междометия (*Собака цап меня за палец*)» (Adamec, Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 54).

Как и в некоторых других грамматиках и учебниках, авторы делят дополнение по частеречной принадлежности слова, к которому относится дополнение. Схематично классификацию можно отобразить так:

Дополнение: приглагольное дополнение; приименное дополнение

Приглагольное дополнение: прямое дополнение; косвенное дополнение

Приглагольное управление чаще всего обозначает предмет, на который направлено действие, обозначаемое глаголом, напр. *Мы смотрели новую кинокартину. Колхозники построили столовую. Все восхищались игрой.* (...) Приглагольное дополнение может быть прямым или косвенным:

А) прямое дополнение – это дополнение в форме винительного падежа без предлога, сочетающееся с так наз. переходным глаголом, напр.,

слушать лекцию, получить приз... К прямому дополнению следует относить и дополнения в родительном падеже без предлога, сочетающиеся с теми же глаголами, что и дополнение в беспредложном винительном; это родительный отрицания и родительный партитивный;

Б) косвенное дополнение – это дополнение в любой падежной или предложно-падежной форме, кроме формы беспредложного винительного, сочетающееся с непереходным глаголом (Adamec, Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 54-55).

К приименному дополнению относятся дополнения, синтаксически зависящие от прилагательных и предикативов, напр., *доволен докладом, согласен с предложением (...)* (Adamec, Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 59).

Особенностью подхода в данном учебнике также является расширенное понимание прямого дополнения за счет случаев с родительным отрицания и родительным партитивным.

Г. Флидрова и С. Жажа дают следующую дефиницию дополнению: Дополнение (объект) – конститутивный член предложения, восполняющий предикат «справа» и синтаксически зависящий от

А) объектного глагола (в спрягаемой или неспрягаемой форме) и вытекающий из его валентности – дополнение приглагольное, напр. *слушаю лекцию, пользуетесь учебником, обещал вернуться, надеющийся на помощь (...)*

Б) от прилагательного, требующего объекта – дополнение приаъективное: *полный надежды, благодарная родителям...*

В) от безличного предикатива: *ему жаль девушку*

Г) от междометия в функции глагола: *собака цап меня за палец (...)* (Flídrová, Žaža, 2005, s. 48).

Дополнение может быть субстанциональным: *читать роман, нуждаться в деньгах* и ситуационным: *оканчивать уборку, участвовать в дискуссии*.

К ситуационным дополнениям относится дополнение, выраженное инфинитивом (Flídrová, Žaža, 2005, s. 49). В зависимости от частеречной принадлежности слова, к которому относится дополнение, выделяются приглагольные и приименные дополнения.

А. Приглагольное дополнение

Приглагольное дополнение может быть прямым или косвенным. (Flídrová, Žaža, 2005, s. 49).

Прямое дополнение – это дополнение в форме вин. п. без предлога, сочетающееся с т. наз. переходным глаголом, напр.; *слушать лекцию, читать журналы (...)*.

К прямому дополнению следует относить и дополнения, выраженные

А) родительным отрицания: *не слушать лекции, не читать журналов, не получать приза* и т. п.

Б) родительным партитивным (отделительным), употребляемым в том случае, когда действие охватывает не весь предмет, а лишь его часть: *налить молока, подать хлеба...* (Flídrová, Žaža, 2005, s. 49).

Косвенное дополнение – это дополнение, выражаемое другими формами, без предлога или с предлогом, сочетающееся с т. наз. непереходным глаголом, напр.: *избегать ошибок, помогать друзьям (...)* (Flídrová, Žaža, 2005, s. 50).

Б. Приименное дополнение

Эти дополнения зависят синтаксически от прилагательных (чаще всего в именной форме) и предикативных наречий; напр.: *вреден для здоровья, довольна докладом, благодарен матери, готов на все (...)* (Flídrová, Žaža, 2005, s. 56).

Ф. Копечны в *Základy české skladby* указывает два термина для наименования дополнения – *předmět* и *objekt*. Он определяет дополнение так: «*Předmět je vazebné doplnění slovesného nebo adjektivního obsahu. Je to udání představy, již se obsah ideje slovesné nebo adjektivní přímo týká (přechází na ni, vztahuje se na ni). Je to primární představa, k níž se od podmětu nebo od základu výrazu vztah vyjadřuje. Může být vyjádřena jen syntaktickým substantivem nebo tím, čím lze syntaktické substantivum nahradit (infinitivem, větou)*» (Копечný, 1962, s. 212).

Ф. Копечны также традиционно выделяет прямое и косвенное дополнение (*předmět přímý* а *nepřímý*). Прямое дополнение, по Ф. Копечному, обычно в форме винительного падежа. Ф. Копечны, как и Ф. Травничек, также приводит оригинальную классификацию дополнений, выделяя пять типов этого второстепенного члена предложения: «*Podle toho, jaký má pojem předmětu poměr k obsahu slovesného děje, rozdělujeme – téměř v úplné shodě s Trávníčkem – předmět na a) stavový (bít chlapce) – b) obsahový (vidět chlapce) а лátkový (vyprávět о chlapci) – с) cílový (vyprávět chlapci; – podle Trávníčka i vyprávět pohádku, аč podle jeho vlastního výmětu by tu bylo lepší mluvit о předmětu výsledkovém) – d) dotykový а odlukový (chopit se chlapce – vzdát se chlapce; u osob lze oba tyto druhy zahrnout pod předmět stavový) – e) zájmový а vztahový (radí chlapci – podobá se chlapci)*» (Копечný, 1962, s. 213-214).

М. Грепл и П. Карлик для обозначения дополнения пользуются термином *předmět* и определяют его так: «*Předmět je výraz (větný nebo nevětný), který je tvarově řízením určením slovesa nebo adjektiva, nejčastěji dějového. Předmět vždy má povahu valenční pozice svého nadřazeného členu. Tvarová řízenost (rekce) záleží v том, že nadřazený člen určuje předmětovému výrazu jeho pádovou formu. Proto se на předmět ptáme pádovými otázkami*» (Grepl, Karlík, 1986, s. 285). В определении подчеркивается валентная позиция дополнения и выраженность управления. Авторы классифи-

цируют дополнения в зависимости от того, чем они выражены: *předmět vyjádřený substantivem, předmět vyjádřený vedlejší větou, předmět infinitivní*.

При сравнении подходов русских русистов, чешских русистов и чешских богемистов были выявлены следующие принципиальные отличия.

Чешские богемисты считают, что дополнение может распространять глагол и прилагательное. Чешские русисты полагают, что дополнение может относиться к глаголу, прилагательному и предикативному наречию (предикативу). В русской грамматической традиции дополнение может относиться и к существительному. Это отражается и в используемой терминологии: у чешских синтаксистов отсутствует типология дополнений по тому, какую часть речи они распространяют, а у П. А. Леканта мы встречаемся с терминами *приглагольное, приадъективное и присубстантивное дополнение*, в учебнике М. Кубика и у Г. Флидровой, С. Жажи *приглагольное и приименное дополнение*. В AG-54 представлена подробная классификация типов дополнения в зависимости от части речи, к которой относится дополнение (всего семь типов), но авторы пользуются предтерминами: *дополнения при членах предложения, выраженных наречиями; дополнения при членах предложения, выраженных именами существительными* и пр. Таким образом для русской грамматической традиции свойственна более широкая трактовка дополнения, к дополнениям относятся и случаи распространения существительного (*чтение стихов, распространение газеты, пристрастие к офицерам*), в соответствии с чешской синтаксической традицией эти случаи должны классифицироваться как несогласованное определение. Как отмечает Г. Флидрова: «В русской традиции к этой проблеме подходили с позиции логики, тогда как в чешской традиции подход формальный, т. е. после существительного стоит определение, после глагола – дополнение» (Flídrová, 2012).

Более широкое понимание дополнения как второстепенного члена предложения проявляется и при классификации конструкций, состоящих из глагольной формы и существительного в тв. п. без предлога, например, *мотая головой, взмахнула палками* в AG-54 относятся к дополнению, чешские синтаксисты классифицировали бы данные случаи как обстоятельство орудия и средства (в русской синтаксической традиции данный вид обстоятельства обычно не выделяется).

Наоборот, с более узкой трактовкой в русской синтаксической школе по сравнению с чешской мы сталкиваемся при анализе определений прямого дополнения. В русской традиции прямым дополнением считается дополнение без предлога в вин. п., род. п. допустим после предикативных слов *жаль, жалко*, а также родительный отрицания. В чешской традиции как прямое дополнение классифицируются дополнения в родительном партиципном.

4.3.2 Определение

В *AG-54* представлена следующая дефиниция определения: «Второстепенный член предложения, относящийся к члену предложения – слову с предметным значением (существительному, местоименному существительному, количественному числительному, а также любому субстантивированному слову) и характеризующий называемый этим словом предмет со стороны его качества, признака или свойства, называется определением» (*AG-54*, 1954, s. 522).

Авторы пользуются устоявшейся классификацией определений, выделяют согласованные и несогласованные определения в зависимости от способа сочетания с определяемым словом, причем приложения, как это следует из дефиниции, рассматриваются отдельно: «Согласованные определения выражаются именами прилагательными, местоименными прилагательными, порядковыми числительными и причастиями. Такие определения согласуются с определяемым словом в числе и падеже, а в единственном числе также и в роде. Особый тип представляют собою определения, выражаемые именами существительными (приложения). Несогласованные определения выражаются именами существительными и местоименными существительными в косвенных падежах, прилагательными в сравнительной степени, инфинитивом, наречиями и количественно-именными сочетаниями» (*AG-54*, 1954, s. 522-523).

П. А. Лекант пишет, что «определение – это второстепенный член предложения, который имеет общее значение признака, отвечает на вопросы какой? чей? который? и относится к отдельному члену предложения, выраженному словом с предметным значением» (Lekant, 2001, s. 306).

В дефиниции этого термина автор опирается на значение как определяемого члена предложения, так и на значение слова, к которому относится определяемый член предложения. Данная дефиниция является одной из самых широко цитируемых, в сокращенном виде можем встретить ее в школьных учебниках. П. А. Лекант выделяет согласованные и несогласованные определения: «Согласованные определения выражаются полными именами прилагательными, местоимениями-прилагательными, именами числительными, причастиями. (...) согласованные определения обычно находятся в препозиции к поясняемому слову» (Lekant, 2001, s. 306). Несогласованные определения выражаются именами существительными в форме косвенных падежей (без предлогов и с предлогами), реже наречиями, инфинитивом и нечленимыми сочетаниями слов и находятся в постпозиции к поясняемому слову» (Lekant, 2001, 306–307).

В учебнике *Русский синтаксис в сопоставлении с чешским* находим следующую дефиницию: «Определение – это второстепенный член, распро-

страняющий субстантивные члены предложения. С ними оно находится в атрибутивно-детерминативном отношении, выражая их признак. Определение является неконститутивным, факультативным членом предложения» (Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 70). Интересно, что в отличие от дефиниций других членов предложения здесь не указывается, какой частью речи оно обычно выражается. Авторы выделяют три вида определений: *согласованное определение, несогласованное определение, определение без согласования*. Их характерные черты и различия описываются так: *Согласованное определение уподобляется определяемому слову в роде, числе и падеже и обычно стоит в препозиции. Оно выражается синтаксическим прилагательным (...)* (Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 71).

«Несогласованное определение выражается существительным в косвенном падеже без предлога или с предлогом» (Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 72). «Определением без согласования (с нулевым согласованием) мы считаем определение, выраженное несклоняемым прилагательным (напр.: *платье беж, платье декольте*) или неизменяемыми притяжательными местоимениями третьего лица *его, ее, их* (стоящими в той же позиции, что и согласованные местоименные формы *мой, твой, наш, свой*)» (Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 73). Т. е. типология определений основывается на их формальной выраженности.

Г. Флидрова и С. Жажа понимают определение как «акцессорный член предложения, поясняющий другой член предложения, выраженный синтаксическим существительным (...). Определение поясняет любое синтаксическое существительное независимо от функции этого существительного в предложении» (Flídrová, Žaža, 2005, s. 68).

В зависимости от формальной связи с определяемым словом различаются определения трех типов (...)

А) согласованное определение уподобляется определяемому существительному в роде, числе и падеже и обычно стоит в препозиции (Flídrová, Žaža, 2005, s. 68).

Б) несогласованное определение стоит обычно в постпозиции и выражается беспредложным падежом существительного (род., дат., тв.), разными предложно-падежными формами существительных, наречием, инфинитивом, устойчивым сочетанием (Flídrová, Žaža, 2005, s. 69-70).

В) Определение с невыраженным (нулевым) согласованием. Таким определением считают определение, представленное а) несклоняемым прилагательным, б) неизменяемым притяжательным прилагательным, в) неизменяемой формой компаратива на *-ee, -e, -ше* (и в функции суперлатива) (Flídrová, Žaža, 2005, s. 70).

Классификации определений в учебниках чешских русистов схожи, отличия касаются только несогласованного определения: Р. Зимек

считает несогласованными определениями только существительные в косвенном падеже, Г. Флидрова и С. Жажа расширяют круг несогласованных определений за счет наречий, инфинитивов и устойчивых сочетаний так же, как это делается в анализируемых русских грамматиках и учебниках.

Обратимся к грамматикам чешского языка.

Ф. Копечны приводит следующую дефиницию определения: «*Přívlastek (atribut) je tedy každá přímá determinace „skladebního“ substantiva. To znamená, že rozvíjí substantivum nebo jakékoli substantivizovaný větný člen, tedy i větu vedlejší*» (Кореčný, 1962, s. 193).

Определение может выражаться согласованным существительным (*pašák ředitel, dobrák člověk... neřád hadra, ona je tam také pes křížovatka, svině šachta...*), несогласованным существительным (*slovo socialismus, názvem babička, vyučování ruštině, rána bičem, hovor o počasí, protest proti trestu, jeden z nich, mnoho z těchto pocitů, chaloupka strýčka Toma, krasavice vysoké postavy, trest smrti*), но самым распространенным типом является определение, выраженное прилагательным (*adjektivní přívlastek*). Кроме этого, возможны и другие случаи. Ф. Копечны использует традиционное деление определений на согласованное и несогласованное (*shodný přívlastek / neshodný přívlastek*).

В учебнике М. Грепла и П. Карлика встречаем еще более лаконичное определение: «*Přívlastek je výraz, který přímo rozvíjí syntaktické substantivum v jakékoli větněčlenské platnosti*» (Grepl, Karlík, 1986, s. 260).

Авторы выделяют два типа определений, тип определения зависит от вида подчинительной связи между определением и определяемым словом: «*Přívlastek může být shodný, nebo neshodný. Neshodný přívlastek je buď rekční, nebo přimykající se. Každý z nich se vyjadřuje specifickými prostředky*» (Grepl, Karlík, 1986, s. 271).

Авторы *Mluvnice češtiny* (3) предпочитают использовать термин *atribut*, хотя указывают и эквивалент чешского происхождения: «*Atributy (přívlastky) se nazývají takové skladební členy, které jsou suplementy substantiv nebo některých jiných výrazů zaujímající v skladebné struktuře substantivní pozici. Jinak řečeno za atribut považujeme člen syntagmatu, který je substantivem dominován*» (МČЗ, 1987, s. 126). Авторы акцентируют внимание на том, что определение занимает особое место в системе второстепенных членов предложения: «*Je třeba zdůraznit, že na rozdíl od subjektu, komplementu adverbiale není atribut nikdy členem základových větných struktur, nýbrž jen členem substantivní fráze; do vět vstupuje toliko jako její součást. Tato vázanost na substantivum se projevuje i v slovosledu: postavení atributu ve větě lze vysvětlit především na základě jeho významového vztahu k substantivu, které mu dominuje, a proto se jeho pozice určuje též relativně vzhledem k němu*» (МČЗ, 1987, s. 126).

Авторы выделяют традиционные типы определения (согласованные и несогласованные), но также представляют оригинальную классификацию определений, выделяя следующие типы: *valenční atribut*, *determinační atribut*, *atribut u synkretických výrazů*, *kvantifikační atribut*, *delimitační atribut*.

Подытоживая, можно заметить, что определение стоит особняком в ряду второстепенных членов. Это проявляется в том, что оно всегда входит в состав словосочетания, оно не может относиться ко всему предложению в целом, оно распространяет конкретный член предложения. В чешской традиции член предложения, распространяющий имя существительное, автоматически относится к определениям, этот факт подчеркивается во всех чешских дефинициях. В русской грамматической традиции эта связь между частеречной принадлежностью главного слова и типом члена предложения зависимого слова прослеживается не так четко и явно.

Для обозначения данного члена предложения в русской грамматической традиции используется термин *определение*, этот термин также предпочитают чешские русисты. Чешские богемисты используют как термин *přívlastek*, так и термин *atribut*.

Большинство синтаксистов делят определения на согласованные и несогласованные, но чешские русисты внесли большой вклад в типологическое описание определения. В учебнике под ред. М. Кубика вводится еще одна группа определений – *определение без согласования (определение с нулевым согласованием)*, в которую входят определения, выраженные несклоняемым прилагательным или неизменяемыми притяжательными прилагательными (*plátě bež; ego, ee, ix*). В учебном пособии Г. Флидровой и С. Жажи также выделяется этот тип определения, для его обозначения используется термин *определение с невыраженным согласованием* или *определение с нулевым согласованием*, к этому типу, кроме двух групп, выделенных Р. Зимеком, относятся и определения, выраженные неизменяемой формой компаратива на *-ee, -e, -ше*. В русской грамматической традиции определения, выраженные сравнительной степенью или застывшими формами местоимений *ego, ee, ix*, классифицируются как несогласованные определения. В описываемых русских грамматиках и учебниках не рассматривались примеры несклоняемых прилагательных (*bež, хаки* и пр.).

Конструкции, состоящие из двух существительных, типа *pašák ředitel, dobrák člověk, člověk-perla* и др. в чешской синтаксической традиции считаются согласованными определениями, русские синтаксисты считают это приложением (о приложении подробнее в параграфе 4.3.3).

Отличие обнаруживается и в классификации словосочетаний, состоящих из числительного и имени существительного. В чешской традиции числительное в данных конструкциях выступает в качестве определения,

в русской традиции подобные сочетания считаются неделимыми, поэтому рассматриваются как один член предложения.

В МСЗ представлена особая классификация определений, что отразилось в появлении новых терминов (*atribut kvantitativní, atribut delimitační, valenční atribut, determinační atribut*).

Отдельно стоит рассмотреть приложение.

4.3.3 Приложение

Чаще всего в русских грамматиках и пособиях по синтаксису приложение рассматривается как особый вид определения. Этой традиции следует АГ-54, приложение в ней характеризуется так: «Одной из форм определения является приложение – определение, выраженное именем существительным и согласующееся с определяемым словом в падеже. В тех случаях, когда приложение выражено именем существительным, изменяющимся по числам, имеет место согласование с определяемым словом в числе» (АГ-54, 1954, s. 553).

П. А. Лекант выделяет приложение как отдельный второстепенный член предложения: «Приложение – это второстепенный член предложения, который определяет член предложения, выраженный словом с предметным значением, давая ему другое название. Оно выделяется на базе словосочетаний с соположенными словоформами. В роли приложения выступают имена существительные собственные и нарицательные» (Lekant, 2001, s. 307).

М. Кубик и Р. Зимек пишут: «Приложение – это субстантивное определение, служащее для уточнения определяемого слова, выраженного именем существительным» (Kubík, Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 76).

У Г. Флидровой и С. Жажи находим следующую дефиницию: «Приложение – это согласованное определение, выраженное существительным» (Flídrová, Žaža, 2005, s. 73).

Дефиниции АГ-54 и Г. Флидровой – С. Жажи близки: в них акцентируется частеречная принадлежность и согласование, а в дефинициях П. А. Леканта и М. Кубика – Р. Зимека подчеркивается уточняющая функция приложения.

В чешской синтаксической терминологии мы можем встретиться с двумя терминами для обозначения приложения – *apozice* и *přístavek*. Однако в выбранных нами чешских грамматиках авторы практически не анализируют приложение, хотя во второй половине XX века проблема аппозиции была одной из самых дискутируемых проблем. Детальнее ознакомиться с полемикой можно, например, в статье Зденека Главсы (Hlavsa, 1986).

Как уже отмечалось выше, Ф. Копечны рассматривает члены предложений через призму синтаксических отношений. В параграфе, посвященном аппозиции, рассматривается, скорее, не приложение как второстепенный член предложения, а синтаксические отношения аппозиции.

М. Грелл и П. Карлик не выделяют приложение, случаи, которые в соответствии с русской синтаксической традицией можно было бы классифицировать как приложение, они относят к согласованным определениям, выраженным существительным.

В МСЭ приложение также не выделяется.

Проанализировав примеры, приведенные в анализируемых грамматиках и учебниках, можно сделать вывод, что в русской традиции приложение как член предложения понимается шире, чем в чешской традиции. Термин *apozice*, используемый чешскими синтаксистами, все чаще используется для обозначения особого рода синтаксических отношений, «*vztah široké totožnosti*» в терминологии В. Матезиуса (Mathesius, 1947, s. 303).

4.3.4 Обстоятельство

В АГ-54 обстоятельство определяется так: «Второстепенный член предложения, относящийся к члену предложения, выраженному глаголом, отглагольным существительным, прилагательным или наречием, и служащий для характеристики действия или признака в отношении его качества или интенсивности либо для указания способа совершения действия, времени, места, причины, цели, условия, с которыми связано действие или проявление признака» (АГ-54, 1954, s. 523). Обстоятельства могут быть выражены наречиями, деепричастиями, беспредложными и предложными формами косвенных падежей имен существительных, инфинитивом глагола и неразложимыми фразеологическими словосочетаниями наречного типа. Значение обстоятельств разнообразны: служат для обозначения качественной характеристики действия, состояния или признака, характеристики действия, состояния или признака по способу его совершения или проявления (пространственной, временной, количественной), а также по тем сопровождающим условиям, которыми действие, состояние, признак вызывается или определяется (указание на причину, цель, условие).

Следуя традиции, авторы выделяют семь разных типов обстоятельств в зависимости от выражаемого значения: обстоятельства образа действия, обстоятельства места, обстоятельства времени, обстоятельства меры, обстоятельства причины, обстоятельства цели, обстоятельства условия.

П. А. Лекант приводит такое определение: «Обстоятельство – это второстепенный член предложения, который имеет общее значение при-

знака действия или признака признака и может относиться как к члену предложения, выраженному словом со значением действия, состояния или признака, так и к основе предложения в целом. Обстоятельства выражаются наречиями, деепричастиями и формами косвенных падежей имени существительного. По значению выделяются обстоятельства образа действия, меры и степени, места, времени, причины, цели, условия, уступки, сопутствующей характеристики. По отнесенности к поясняемому элементу предложения обстоятельства делятся на присловные и присоставные (детерминирующие). Одни обстоятельства могут быть только присловными, другие – присловными и присоставными» (Lekant, 2001, s. 309).

П. Адамец (Adamec In: Kubík a kol., 1982) пишет, что «Обстоятельством принято называть член предложения, синтаксически зависящий от предиката (т. е. сказуемого или единого главного члена), определения или другого обстоятельства, выраженный наречием, косвенно-падежной или предложно-падежной формой существительного, и выражающий различные адвербиальные значения (место, время, причину, образ действия и др.)» (Adamec In: Kubík a kol., 1982, s. 61). В учебнике подчеркивается неоднородность обстоятельства как синтаксической категории и предлагается четыре разные классификации обстоятельств по разным критериям: 1) по тому, к какому члену предложения относится обстоятельство, 2) по морфологическому выражению обстоятельства, 3) по тому, в каком отношении находится информация, приносимая обстоятельством, к информации, выражаемой предикатом, 4) по семантике. Более важными для нас являются вторая, третья и четвертая классификация, рассмотрим их подробнее.

Несмотря на то, что вторая классификация основывается на морфологическом критерии, авторы учитывают и семантику зависимой формы, что позволяет разграничить косвенные дополнения и обстоятельства. В зависимости от морфологического выражения выделяются:

- 1) обстоятельства, выраженные наречием *Он работает хорошо;*
- 2) обстоятельства, выраженные косвенно-падежной формой существительного (или местоимения) *Ранним утром мы отправились в дорогу;*
- 3) обстоятельства, выраженные предложно-падежной формой существительного (или местоимения) *В нашем городе открыт новый стадион. Я уважаю его за принципиальность.*

Авторы в примечании замечают, что «обстоятельства второго и третьего типа по морфологическому оформлению не отличаются от косвенных дополнений, главная разница между косвенным дополнением и субстантивным обстоятельством заключается в семантической области:

дополнения имеют предметную, субстанциональную семантику, а обстоятельства – адвербиальную. Критерием для различения указанных членов предложения может послужить возможность или невозможность ненасильственной субституции данного компонента местоименным наречием, напр., *там, тогда, так, поэтому* (...) или аналитическим эквивалентом местоименного наречия, напр., *в это время, с тех пор, до тех пор* (...). Ср. *Мы сосредоточились на одном вопросе // Мы собрались на нашем факультете.* (...) Конечно, и после такого разграничения, остается определенная зона промежуточных случаев, которые нельзя однозначно отнести ни к дополнениям, ни к обстоятельствам, напр., *Он смотрел на стену* (...). Другим критерием является степень тесноты синтаксической связи между предикатом и данным членом и степень семантической самостоятельности зависимого члена. Обстоятельство, как правило, связано с предикатом менее тесной синтаксической связью и является семантически более автономным, что проявляется, помимо прочего, в том, что изолированные обстоятельства сохраняют смысл, могут быть употреблены, например, в качестве заголовков: *На нашем факультете. Ранним утром*» (Adamec In: Kubík a kol., 1982, s. 62-63). Это ценное замечание помогает более четко и однозначно определить тип второстепенного члена предложения.

Классификация, базирующаяся на том, в каком взаимном отношении находится информация, приносимая обстоятельством, к информации, выражаемой предикатом, делит обстоятельства на три группы. В основе классификации лежит конститутивность обстоятельства. Авторы рассматривают:

- комплетивные обстоятельства, которые вытекают из валентности предиката и дополняют его значение; без них предложение или вообще потеряло бы смысл, напр.: *На этой улице находится музей. Все бросились к окну.* (...) Ты вел себя *неосторожно* и т. п., или предложение производило бы впечатление семантической неполноты, напр.: *На столе стояла ваза* (...) Он родился *еще до войны*;
- ситуативные обстоятельства, которые не вытекают из валентности предиката, являются семантически автономными и вносят в предложение новую информацию о внешней ситуации, в которой совершается данный факт (указания на место, время, причину, цель, условие, уступку и нек. др.), напр.: *За нашим домом мальчики играли в футбол. Неделю тому назад я сдал последний экзамен*;
- атрибутивные обстоятельства, которые, так же как ситуативные, не являются структурно необходимыми конститутивными компонентами предложений и не вытекают из валентности предиката, но имеют другую семантическую функцию: они придают качественную или количественную характеристику действию, состоя-

нию или признаку, выраженному предикатом. По этой своей функции они параллельны определениям: определения представляют собой атрибуты субстанций, а атрибутивные обстоятельства являются атрибутами признаков в широком смысле. *Он хороший игрок! // Он хорошо играет. В соседней комнате слышался громкий говор. Слышалось, как в соседней комнате громко говорили.*

Самым распространенным способом классификации обстоятельств является классификация по семантике. П. Адамец (Adamec In: Kubík a kol., 1982) выделяет 15 типов обстоятельств:

- 1) обстоятельства места
- 2) обстоятельства направления
- 3) обстоятельства исходного пункта
- 4) обстоятельства трассы
- 5) обстоятельства времени
- 6) обстоятельства временной продолжительности
- 7) обстоятельства образа действия
- 8) обстоятельства меры и степени
- 9) обстоятельства орудия и средства
- 10) обстоятельства причины и обоснования
- 11) обстоятельства цели
- 12) обстоятельства условия
- 13) обстоятельства уступки
- 14) обстоятельства сопутствующей деятельности
- 15) обстоятельства ограничения (Adamec In: Kubík a kol., 1982, s. 66).

Первые классификации позволяют более глубоко и разносторонне проанализировать обстоятельства. Последняя из рассмотренных классификаций, по сути, является традиционной, но она отличается детальностью и проработанностью, с ее помощью вводятся в научный обиход новые термины для обозначения видов обстоятельств (например, *обстоятельство исходного пункта, обстоятельства сопутствующей деятельности*).

Невероятно детализированная классификация обстоятельств представлена в *Русской грамматике-2* (Barnetová, Běličová-Křížková a kol.). Авторы грамматики оперируют термином *факультативный детерминант* для обозначения распространяющих членов предложения (в традиционной терминологии – *второстепенных членов предложения*), обстоятельства в традиционном понимании рассматриваются как *факультативные детерминанты в рамках сказуемого состава*. Классификация факультативных детерминантов в рамках сказуемого состава отличается многоуровневостью и разветвленностью: выделяется семь основных видов, внутри которых выделяются типы, а иногда и подтипы. Для наименований конкретных видов, типов, подтипов используются номены и предтермины,

напр., *AdvLoc, AdvDir, AdvTemp, AdvLoc*, локализирующие в пределах пространственного ориентира, *AdvTemp*, локализирующие за пределами временного ориентира и пр. Для наименования типов и подтипов используются устоявшиеся латинские аббревиатуры и описательные названия, когда само наименование служит одновременно и дефиницией. Типы и подтипы обстоятельств выделяются на основании выражаемого ими значения, причем авторы различают мельчайшие оттенки значений.

В учебном пособии Г. Флидровой и С. Жажи обстоятельство определяется как «член предложения, поясняющий предикат или другой член предложения – определение, другое обстоятельство. Обстоятельство выражается синтаксическим наречием (морфологическим наречием, косвенно-падежной формой существительного, инфинитивом, деепричастным оборотом)». Классификации обстоятельств сходны с классификациями, представленными в учебнике под редакцией М. Кубика.

В зависимости от степени связи обстоятельства с предикатом авторы выделяют не три, а два типа обстоятельств:

- а) комплетивные обстоятельства, которые являются обязательным восполнением предиката, конститутивным элементом предложения;
- б) ситуативные обстоятельства, которые не являются обязательным восполнением предиката, а служат лишь фоном, на котором развивается действие предложения.

Семантическая классификация обстоятельств также отличается детализацией и подробностью, в дополнение к типам, выделенным в учебнике М. Кубика, здесь также выделяются следующие особые подтипы: *обстоятельства пространственной локализации, обстоятельства временного ориентира*. Вместо термина М. Кубика / П. Адамеца *обстоятельства сопутствующей деятельности* авторы используют термин *обстоятельства сопутствующего действия*. Вся классификация выглядит так:

- 1) Обстоятельства места
 - обстоятельства пространственной локализации
 - обстоятельства направления
 - обстоятельства трассы
- 2) Обстоятельства времени
 - обстоятельства временного ориентира
 - обстоятельства временной продолжительности
- 3) Обстоятельства образа действия
- 4) Обстоятельства меры и степени
- 5) Обстоятельства орудия и средства
- 6) Обстоятельства причины и обоснования
- 7) Обстоятельства цели

- 8) Обстоятельства условия
- 9) Обстоятельства уступки
- 10) Обстоятельства сопутствующего действия
- 11) Обстоятельства ограничения (Flídrová, Žaža, 2005, s. 59-64).

Ф. Копечны определяет обстоятельства так: «Příslovečné určení (adverbiale) je to ne vazebné doplnění nebo určení slovesa nebo adjektiva, popř. celého přísudku» (Копечный, 1962, s. 229).

Ф. Копечны также пользуется термином *adverbiální určení*. Он выделяет *inherentní určení* или *určení způsobu* (*rychle nebo jasně mluvit, hezky psát, jít pomalu...*), которые определяют качество или интенсивность глагольного действия или прилагательного, и *relační určení* – все остальные типы, которые характеризуют остальные признаки (место, происхождение и др.), также называемые *určení vnějších okolností*. Для школьных учебников и грамматик он предлагает следующую классификацию обстоятельств, в которой выделяет три основных типа, в каждом из которых есть свои подтипы: 1) *určení způsobová* (*vlastního způsobu a intenzivity, určení míry a omezení, určení účinku a výsledku, určení prostředku (nástroje), určení průvodních okolností, určení zřetele, určení původu (látky), určení činného původce*); 2) *určení příčinná* (*určení důvodu a důsledku, určení účelu, určení podmínky, určení přípustky*); 3) *určení časoprostorová* (*určení místa, určení času*).

М. Грепли и П. Карлик приводят следующую дефиницию обстоятельства: «Příslovečné určení (adverbiale) je výraz (nevětný nebo větný) představující tvarově neřízené doplnění slovesa nebo adjektiva v jakékoli větněčlenské platnosti. Vyjadřuje okolnosti místní, časové, způsobové a příčinné. Proto se na tento větný člen neptáme pádovými otázkami, nýbrž otázkami typu kde? kdy? jak? proč? za jakým účelem? z jaké příčiny? za jaké podmínky? apod.» (Grepl, Karlík, 1986, s. 281).

Они выделяют несколько видов обстоятельств, некоторые виды делятся на типы, мы назовем лишь основные: *příslovečné určení místní, příslovečné určení času, příslovečné určení způsobová, příslovečné určení zřetele*.

В целом определение обстоятельств русистами и богемистами имеет много общих черт: подчеркивается, что обстоятельство обычно распространяет глаголы, наречия, прилагательные; может быть выражено наречием, косвенными падежами имени существительного, деепричастием или инфинитивом; акцентируется разнородность обстоятельств с точки зрения выражаемого значения, что отражается в терминологии. Микросистемы терминов с базовым термином *Обстоятельство* могут содержать до 30 терминов. Особенно показательны в этом плане работы чешских русистов, в них представлена детальная классификация типов обстоятельства по выражаемому значению, авторы используют русские термины, не характерные для русской синтаксической традиции, напр.,

обстоятельства сопутствующего действия, обстоятельства трассы, обстоятельства временной продолжительности, обстоятельства орудия и средства и т. д.

Сложности вызывают обстоятельства, выраженные косвенными падежами существительного. Этот вопрос детально рассматривает В. Словак (2018). «Дополнение и обстоятельство обладают двумя сходными признаками – оба развивают глагол или прилагательное, оба могут быть выражены падежной формой существительного в широком смысле. Отличительным признаком является их семантика – выражают ли они объектное или обстоятельственное отношение, но отличить их друг от друга – задача нелегкая. В поисках границы между дополнениями и обстоятельствами лингвисты приходят к выводу, что такая граница расплывчата» (Slovák, 2018, s. 32). Об этом писал и В. В. Виноградов: «Что же касается второстепенных членов предложения, выраженных косвенными падежами существительных и местоименных существительных без предлога и с предлогами, то они могут выступать в роли и определений, и дополнений, и обстоятельств» (AG-54, 1954, s. 523). Т. е. расплывчатость границ объясняется многозначностью падежных форм синтаксических существительных.

4.4 Члены предложения, выделяемые отдельными авторами

Кроме общепринятых пяти членов предложения некоторые синтаксисты выделяют «новые» дополнительные члены предложения. Как правило, эти новые члены предложения вводятся для более точной классификации синкретичных синтаксических явлений. Р. Мразек в статье *Синтаксические отношения и члены предложения* (1961) так мотивирует выделение новых членов предложения: «Современная русская синтаксическая наука различает следующие второстепенные члены: дополнение, определение (с приложением) и обстоятельство. В чешских грамматиках, кроме того, в качестве самостоятельного второстепенного члена выделяется – на наш взгляд, вполне справедливо – сказуемое определение (*doplňek*, предикативный детерминант). В пределах детерминации дополнение выражает объектные отношения, определение – атрибутивные отношения, обстоятельство – обстоятельственные отношения, в пределах же предикативной детерминации предикативный детерминант выражает предикативно-детерминативные отношения (...). Встает, однако, вопрос о том, все ли реально имеющиеся, напр. в русском языке, специфические общие разряды синтаксических отношений охвачены в указанных категориях второстепенных членов? Нам кажется, что нет. Нужно выделить

(из широкой области дополнения, а частью также обстоятельства) в качестве особого члена один „новый“ член, который мог бы обозначаться, скажем, термином субъектное дополнение (*subjektové určení, podmětové určení*). В нем находят свое отражение отношения косвенного субъекта к действию или состоянию, т. е. отношения субъектно-детерминирующие» (Mrázek, 1961, s. 49).

Количество и описание «новых» членов предложения зависит от авторской концепции. Например, в МСЗ, наряду с такими членами предложения, как *subjekt, příslovečné určení, atribut*, выделяется еще *komplement (doplnění)*. Однако проанализировав определение, становится ясно, что речь идет не о члене предложения в традиционном понимании, а о валентной позиции: «Komplementem rozumíme každou jinou než subjektovou valenční pozici vyžadovanou verbem finitem (predikativ tu za valenční pozici nepokládáme). Je několikerého druhu, a to jednak po stránce výrazové, jednak významové» (МСЗ, 1987, s. 50).

Г. Флидрова (2016) отмечает: «Пражский русист П. Адамец (ADAMEC 1968) в рамках анализа системы членов предложения в русском языке суживает объем термина обстоятельство. Из обстоятельства места он выделяет в качестве особого члена предложения так наз. адъект (добавление), который обозначает направление, цель и место, однако, в отличие от традиционного обстоятельства места, он вытекает из валентности предиката, что приближает его к дополнению (напр.: *Дети идут в школу. Сестра подошла к окну. Универмаг находится на площади*). Ср.: *Универмаг находится на площади* – адъект × *На площади рабочие отремонтировали дома* – обстоятельство места. Кроме того, П. Адамец считает особым членом предложения также так наз. квалификант (уточнение), т. е. традиционное обстоятельство образа действия, меры и степени, дающее качественную или количественную характеристику предиката» (Flídrová, 2016, s. 71).

Рассмотрим встретившиеся нам «новые» члены предложения на материале выбранных источников.

4.4.1 Семантический субъект (субъектное дополнение, косвенный субъект)

Особое положение в ряду членов предложения занимает так называемый семантический субъект. Это член предложения, имеющий особое положение между главными и второстепенными членами предложения. Он совмещает в себе признаки подлежащего и дополнения (или обстоятельства), служит для выражения субъекта действия, но субъект выражается косвенным падежом синтаксического существительного или наречием. В. Словак (2018) анализирует семантический субъект как синкретичный

член предложения и иллюстрирует русскими и чешскими примерами: *Тебе еще заниматься. Его здесь нет. Водой сорвало мост. Памятник охраняется государством. Меня трясет. У меня болит голова. Вокруг засмеялись. Vyschlo jí v krku. Bylo nás pět. Byl jsem pokárán učitelem. V tu chvíli mě zamrazilo. Je to se mnou špatné. Doma se mě na to neptali.*» (Slovák, 2018, s. 31). Особенность этого члена предложения в том, что «субъект выражается не именительным, а косвенным падежом (реже наречием), вследствие чего, учитывая семантическую и формальную стороны, его нельзя считать ни подлежащим, ни дополнением, ни обстоятельством, ни каким-либо другим членом предложения. Значение субъекта действия или состояния типично для подлежащего, но позиция в предложении и формальное выражение соответствуют второстепенным членам предложения – дополнению или обстоятельству. Следовательно, семантическая и формальная стороны не соответствуют друг другу (Slovák, 2018, s. 31-32). Р. Мразек предлагает подобные члены предложения называть *субъектным дополнением* (subjektové určení, podmětové určení, subjektivý determinant) (Mrázek, 1961).

Описывая субъектное дополнение, Мразек выделяет следующие характерные черты: «1. Он обозначает субъект действия или состояния, т. е. субъектно детерминирующее отношение к какому-либо действию или состоянию; поэтому ему часто соответствует позиция подлежащего в близких по содержанию конструкциях. 2. Он не допускает квалифицироваться ни как обстоятельство, потому что не выражает обстоятельственных отношений, ни как объект (дополнение, или же точнее: объектное дополнение), потому что не выражает объектных отношений. 3. С формальной точки зрения он находится более или менее четко в пределах формальной обусловленности; эта обусловленность иногда вызывается не только одним господствующим членом, а скорее характером данной конструкции в целом (конструктивная обусловленность). 4. В нем может происходить нейтрализация качества отношений (объектно-субъектных, субъектно-обстоятельственных) и направления этих отношений» (Mrázek, 1961, s. 45-46). Субъектное дополнение выражается дат. п. в односоставных предложениях (*Позвонить мне ему?, Тебе ехать, Мне неловко, Тебе нельзя молчать, Мне не спится*), род. п. (*Его здесь нет, Нас три, Их было пятеро*) и тв. п. (*Ветром относит голос, Письмо написано мною*).

В учебнике под редакцией М. Кубика данный член предложения называется косвенным субъектом; отмечается, что с функциональной точки зрения его можно было бы отнести к главным членам предложения. «Однако, по формальному признаку этот член традиционно относится к второстепенным» (Adamec In: Kubík a kol., 1982, s. 35). По П. Адамецу, этот член предложения выделяется только в односоставных предложениях: «Среди компонентов односоставных предложений встречаются такие,

которые формой косвенного падежа обозначают семантический субъект действия, процесса или состояния, выраженного единым главным членом. *Мальчику не спалось. Девочке было жаль собаку*» (Adamec In: Kubík a kol., 1982, s. 52).

Особенность этого члена предложения заключается в том, что по форме он совпадает с дополнением, но функционально выполняет роль подлежащего в двусоставном предложении. Чаще всего косвенный субъект односоставного предложения имеет форму дательного или родительного падежа.

В учебнике Г. Флидровой и С. Жажи данный член предложения называется семантический субъект – «лицо или предмет, конкретный или абстрактный, являющийся предметом любого высказывания, чаще всего каузатором (производителем) действия или носителем состояния» (Flídrová, Žaža, 2005, s. 46). По мнению авторов, он может выделяться в двусоставных и односоставных предложениях, может совпадать с подлежащим, но в ряде случаев «семантический субъект отличается от формально выраженного подлежащего» (Flídrová, Žaža, 2005, s. 46). Семантический субъект может выражаться тв. п., дат. п., наречием или косв. п. с предлогом или без и пр. Проиллюстрируем авторскими примерами: *В. В. Виноградовым была опубликована замечательная книга. Снегом замело дорогу. Мне вспомнилась интересная история. На улице холодно. У отца есть машина.*

Как мы видим, в учебнике под редакцией М. Кубика данный член предложения понимается более узко, у Р. Мразека, Г. Флидровой и С. Жажи семантический субъект можно выделить и в двусоставном предложении, кроме форм родительного и дательного падежей, он также может выражаться формами творительного падежа и наречиями. В анализируемых нами работах русских русистов и чешских богемистов данный член предложения не выделялся. При синтаксическом анализе в русской грамматической традиции данные члены предложения определяются как косвенные дополнения или обстоятельства.

4.4.2 Дуплексив (сказуемое определение, предикативный детерминант)

Дуплексив также можно рассматривать как синкретичный член предложения, его синкретичность заключается в двойной связи, дуплексив относится и к сказуемому, и в то же время к подлежащему (к косвенному субъекту) или к дополнению.

П. Адамец (Adamec In: Kubík a kol., 1982, s. 78) пишет: Термином «дуплексив» мы будем обозначать тот член предложения, который в чешской синтаксической традиции принято называть *doplňěk*.

Отличительной чертой дуплексива является то, что он находится в двойной синтаксической связи: он относится к сказуемому (к единственному главному члену) (Adamec In: Kubík a kol., 1982, s. 78).

С точки зрения тесноты связи с предикатом можно различать две разновидности дуплексивов:

Необособленный дуплексив, тесно включенный в структуру предложения, напр.: *Афоня Курок уходил недовольный. Аня обыкновенно вставала из-за стола голодной (...)* (Adamec In: Kubík a kol., 1982, s. 78).

Обособленный дуплексив, выделяемый на письме запятыми, а в устной речи – паузами и интонацией, имеющий характер т. наз. полупредикативной конструкции, напр.: *непривычно тихая, Надя проводила их до дверей.* (Adamec In: Kubík a kol., 1982, s. 79).

Семантически дуплексив обозначает признак субъекта или объекта, который актуален во время реализации содержания предиката (Adamec In: Kubík a kol., 1982, s. 79).

В учебном пособии *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским* среди членов предложения также представлен дуплексив, авторы понимают его так же, как и в учебнике под редакцией М. Кубика: «Термином дуплексив обозначается тот член предложения, который в чешской грамматической традиции принято называть чаще всего *doplňěk*» (Flídrová, Žaža, 2005, s. 74), классификации дуплексива у анализируемых чешских русистов совпадают. В учебнике Я. Светлика *Синтаксис русского языка в сопоставлении с словацким* (1970) также выделяется дуплексив как особый член предложения, для его обозначения автор пользуется терминами *предикативный атрибут*, *присказуемое* и их словацким эквивалентом *doplňok*. Он трактуется традиционным для чешской и словацкой синтаксической традиции образом, причем делается особый акцент на предикативно-детерминативный характер синтаксических отношений: «Предикативный атрибут – это второстепенный предикативно-детерминативный член предложения, отличающийся одновременной двойной грамматической (синтаксической) и семантической (смысловой) соотнесенностью с двумя членами предложения» (Svetlík, 1970, s. 225).

Надо отметить, что изначально термин *дуплексив* появился в работах Л. Д. Чесноковой (она понимала дуплексив шире, чем принято в чешской синтаксической традиции), именно этот термин выбрали чешские русисты в качестве эквивалента термина *doplňěk*.

Чешские синтаксисты для обозначения этого члена предложения пользуются термином *doplňěk*, который ввел в научный обиход Я. Гебауер.

Ф. Копечны достаточно подробно описывает дуплексив, он пользуется термином *doplňěk*. Он указывает, что в чешской грамматической традиции выделяется два вида дуплексива: *doplňěk tzv. doplňující* и *doplňěk určující*.

Nás se zde týká ten první, doplněk doplňující, tj. přísudkové jméno (substantivum nebo adjektivum) po sponovém slovese. Bylo by možno vystačit s termínem přísudkové jméno, jmenný přísudek, ale starší termín doplněk je tu pro příslušné jméno vhodný, protože může zůstat i pro případy, kdy se přísudkový výraz stal jiným členem věty (...) (Kopečný, 1962, s. 177).

Doplněk určující je zvláštní druh určení. Je to komplexní určení; je to totiž přívlastek, vztažený pod sloveso (nebo přes adjektivum). (...) Nazývám ho na svém místě doplňkovým určením: stál tam smutný a hladový, Magda přišla do města mladá a nezkušená (...) (Kopečný, 1962, s. 178).

М. Грепл и П. Карлик также выделяют дуплексив: Doplněk je výraz, který je syntakticky závislý jak na substantivu v jakékoli jeho větněčlenské platnosti, tak na slovesu. Má proto mezi větnými členy postavení zvláštní: vztahuje se nikoli k jednomu větnému členu, nýbrž ke dvěma členům zároveň. Určuje jednak substantivum, a v tom se shoduje s přívlastkem, jednak přísudek, a tím má blízko k příslovečnému určení způsobu (Grepl, Karlík, 1986, s. 306-307).

Авторы МСЭ не работают с понятием дуплексива. Примеры, которые могли бы быть классифицированы как дуплексив, рассматриваются в ней как особый вид обстоятельств – *příslovečné určení komitativní*.

В русской грамматической традиции обычно дуплексив не выделяется самостоятельным членом предложения, а считается частью составного именного сказуемого. В NESČ отмечается, что в новейших чешских грамматиках проявляется тенденция отказываться от выделения дуплексива как самостоятельного члена предложения. В русских грамматиках, выбранных для анализа, термин дуплексив отсутствует, в *Словаре лингвистических терминов* О. С. Ахмановой и в ЛЭС словарной статьи с заглавным словом «дуплексив» также нет.

4.5 Выводы

У синтаксистов представлен разный подход к описанию членов предложения. В. В. Виноградов, П. А. Лекант, М. Кубик, Г. Флидрова выделяют главные и второстепенные члены предложения, потом последовательно их рассматривают. Ф. Копечны рассматривает члены предложения через призму отношений, которые их связывают. Подлежащее и сказуемое он описывает в главе *Predikační vztah*, определение в главе *Determinační vztah*, дополнение и обстоятельство в главе *Jiné vztahy* и т. д. В грамматике МСЭ предикат рассматривается отдельно, а все остальные члены предложения рассматриваются в главе *Větné členy*.

Деление членов предложения на главные и второстепенные – это результат взгляда на строение предложения как на иерархическое постро-

ение. Члены предложения подчиняют себе другие и сами в свою очередь могут подчиняться другим членам предложения. В основу классификации членов предложения синтаксисты кладут разные критерии, что обуславливается сложностью членов предложения, многообразием их структурных, семантических, коммуникативных функций. Разнообразие критериев, в свою очередь, приводит к отсутствию четких границ между членами предложения, появляются синкретичные члены предложения, сочетающие в себе признаки нескольких членов предложения (напр., дуплексив, семантический субъект).

В рассматриваемых нами синтаксических работах чешских авторов (как русистов, так и богемистов) термины, обозначающие второстепенные члены предложения, могут использоваться не только применительно к конкретным словам в простом предложении, но и к придаточным предложениям в составе сложного. Для русской синтаксической традиции такой подход не типичен.

Обнаружены отличия и расхождения в понимании всех членов предложения. К важнейшим из них можно отнести:

- более широкое понимание подлежащего чешскими русистами, они выделяют подлежащее не только в именительном, но и в родительном падеже;
- выделение и классификация единого главного члена предложения;
- выделение в чешской синтаксической традиции членов предложения, не типичных для русской синтаксической традиции (дуплексив вместо именной части составного именного сказуемого, семантический субъект вместо некоторых косвенных дополнений и обстоятельств);
- выделение в чешской синтаксической традиции большего (по сравнению с русской) количества типов обстоятельств;
- формальный подход при выделении определения в чешской синтаксической традиции (член предложения, распространяющий существительное, – определение) в отличие от русской синтаксической традиции, учитывающей логический аспект), следствием этого можно считать несовпадение в определении типа члена предложения в следующих конструкциях *потеря коня, тревога за сына, мысль о встрече* (для русских синтаксистов представленные примеры – дополнение, для чешских русистов (и богемистов) – несогласованное определение).

В работах чешских синтаксистов (и русистов, и богемистов) отчетливо проявляется синонимия. С терминами-синонимами мы можем встретиться при наименовании устоявшихся членов предложения (*дополнение*

– *объект, определение – атрибут, příslovečné určení – adverbiale*) и при выделении новых членов предложения (напр., *doplňěk – predikativní atribut, семантический субъект – косвенное дополнение*). По-видимому, у устоявшихся терминов синонимия – дань сложившейся национальной традиции, а у новых терминов – попытка выбрать наиболее точный подходящий термин.

Синтаксическую школу чешских русистов отличает детальный анализ и внимание к деталям, именно в работах чешских русистов представлены самые развернутые и подробные классификации (*обстоятельство, определение, единый главный член*), что формально влияет на количественный состав микротерминосистем.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Микротерминосистемы с базовыми терминами *Словосочетание*, *Синтаксические отношения*, *Член предложения* являются одними из важнейших в синтаксической терминологии. И в русском, и в чешском языке они развиты и тщательно проработаны. Мы обратились к сопоставительному анализу данных терминов на материале работ русских русистов, чешских русистов и чешских богемистов. Несмотря на близость синтаксических традиций, разница в терминологии проявляется на понятийно-содержательном уровне, в родо-видовых, иерархических, парадигматических отношениях, а также на формальном уровне. В традициях чешской русистики «переплавляются» идеи национальных синтаксических школ, при этом у чешских русистов есть новаторские, самобытные идеи при описании синтаксиса русского языка, которые отражаются и на терминологическом уровне (например, развернутая классификация обстоятельств, введение нового типа определения – определения без согласования и др.)

Подходы к описанию синтаксического строя меняются, это влечет за собой устаревание терминологии и возникновение новых терминов. Напр., в *AG-54* авторы рассуждают о том, что устоявшиеся термины *сильное* и *слабое управление* не позволяют описать все разнообразие типов управления как вида синтаксических связей, что под термином *примыкание* объединяется целый ряд разнородных явлений и пр. В новейших чешских грамматиках синтаксисты начинают отказываться от термина *doplňek* (*дуплексив*).

В результате сопоставительного анализа были выявлены важные различия в трактовке и функционировании важнейших общепотребительных синтаксических терминов. Различия могут носить как принципи-

альный, так и детальный, частный характер, как правило, один синтаксический термин в рамках одной синтаксической школы, направления, традиции понимается шире (уже), чем в другой, в таких случаях следует говорить о неравнозначности и асимметрии значений, о неполной эквивалентности сопоставляемых терминов. Сопоставительный анализ наметил места возможной интерференции при изучении синтаксиса и при переводе синтаксических терминов. К таким «проблемным» терминам можно отнести русские термины *словосочетание, синтагма, подчинительная связь, синтаксические связи, координация, согласование, подлежащее, именованное сказуемое, дополнение, прямое дополнение, определение* и их чешские эквиваленты. Сложности также вызывают члены предложения, которые выделяются в чешской синтаксической традиции, но отсутствуют в русской (*дуплексив, семантический субъект*).

К числу важнейших отличий следует отнести разницу в понимании словосочетания. В русской синтаксической традиции словосочетание понимается уже, чем в чешской, за рамки словосочетания вынесены сочетания слов, связанных сочинительной связью, и сочетания подлежащего со сказуемым. Чешские русисты следуют, скорее, чешской синтаксической традиции, включая в число словосочетаний синтаксические конструкции, построенные на сочинительной и предикативной связи.

Сложными для сопоставления оказались термины *синтаксические связи* и *синтаксические отношения*. Термин *синтаксические связи* в русской лингвистике функционирует как многозначный, он используется для обозначения синтаксических отношений, выражаемых за счет соединения знаменательных слов; для обозначения собственно формальных средств, служащих для выражения синтаксических отношений; иногда даже для обозначения конкретных способов соединения слов, способов введения слов в текст (*связь согласования, связь управления, связь примыкания*). Представление о синтаксических отношениях, об их количестве, типах отличаются даже в рамках отдельной национальной традиции.

При сопоставлении понимания подчинительной связи была выявлена разница объемов значения, в чешской синтаксической традиции *подчинение* понимается шире, чем в русской традиции (включаются и предикативные отношения), и это различие влечет за собой разницу в понимании других синтаксических категорий, явлений, единиц (напр., этим обуславливается разница в понимании словосочетания).

Выделение нового члена предложения или нового подтипа при классификации конкретного члена влияет на всю систему членов предложения. Новая категория появляется за счет уменьшения, сужения уже существующей. Именно поэтому проявляется асимметрия при классифицировании одной и той же синтаксической позиции в рамках той или

иной синтаксической традиции. Так именная часть составного именного сказуемого в русской синтаксической традиции чешскими синтаксистами определяется как дуплексив, в предложении – *Навалило снегу* – в традициях русской синтаксической школы выделяется косвенное дополнение, а чешские русисты выделяют подлежащее в форме родительного (партитивного) падежа. Отличия наблюдаются в понимании и функционировании всех членов предложения.

Развитие синтаксической науки приводит к 1) появлению новых терминов для описания существующих языковых фактов, 2) переосмыслению устоявшихся терминов и изменению их значения. Глубокая теоретическая проработка отдельных синтаксических явлений и категорий выявляет их сложность, неоднородность и приводит к развитию идей синкретизма. Традиционные классификации (например, деление второстепенных членов предложения на дополнение, определение, обстоятельство; разграничение сильного и слабого управления, примыкания) размываются, теряется четкая граница между классифицируемыми объектами.

В перспективах наших научных интересов углубленное изучение и сопоставление значений базовых синтаксических терминов, выявление других «проблемных» терминов с точки зрения интерференции.

SUMMARY

Syntactic terms in Russian and Czech languages: a comparative aspect (based on selected terms)

The syntax terminology of modern Russian and Czech languages is rather developed and diverse both in terms of quantity and quality. The 20th century saw the introduction of many new syntax terms. At the same time, traditionally known terms often obtain new untraditional meanings. This is the reason why comprehensive, multifaceted description of Russian and Czech syntax terminology seems to be required and relevant. In the past two decades, Russia has witnessed a rising interest in linguistic terminology in general resulting in the appearance of new papers of theoretical character. The Czech Republic in its turn favours terminographic research as the development of terminological dictionaries is now in progress.

The aim of the presented thesis is a comparative analysis of selected basic syntactic terms and terminology *Словосочетание, Синтаксические отношения и связи, Член предложения* based on the material of Russian and Czech Grammars.

The thesis consists of introduction, four chapters, conclusion and bibliography. In the introduction I discuss the relevance, novelty and importance of the work, its research methods and methodology alongside with defining the aim and objectives of my research.

The first chapter bears theoretical character. It traces the history of Russian and Czech terminology studies, examines the principles and objectives of comparative terminology studies, determines unsolved problems of modern terminology studies, e.g. the question of term features, the problem of dis-

criminating langue terms and parole terms, the difficulty of delimitation of term synonyms and term variants. In the course of the research certain differences between Russian and Czech terminologists' approaches are described. Such differences are not only connected to the nomenclature of the science itself, but they are also defined by different requirements.

I have endeavoured to solve terminological arguments whether the terms *терминология* and *терминосистема* differ or not. Some researches use them as synonyms while others believe that *терминосистема* is consciously ordered. I suggest using the term *упорядоченная терминология*.

In the second chapter, the term *Словосочетание* in the works of Russian Russianists, Czech Russianists, Czech Bohemians is analyzed. Based on the material of grammars *Грамматика русского языка 2 тт.* (AG-54, 1954); *Современный русский язык* (Lekant, 2001); *Синтаксис русского языка в сопоставлении с словацким* (Svetlík, 1970); *Několik poznámek o pojmech slovní spojení, větná dvojice a syntagma* (Bauer, 1952); *Mluvnice češtiny 3 – Skladba* (1987); *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским* (Flídrová, Žaža, 2005); *Складба spisovné češtiny* (Grepl, Karlík, 1986); *Русский синтаксис в сопоставлении с чешским* (Kubík a kol., 1982) both Russian and Czech dictionaries of linguistic terms, the meaning and functioning of terms *словосочетание* and *синтаagma* and their Czech equivalents are analyzed.

The third chapter is devoted to a comparative analysis of the terminology system *Синтаксические отношения* in Russian and Czech syntactic traditions. The approaches of authors of the following grammars and textbooks were analyzed: *Грамматика русского языка 2 тт.* (AG-54, 1954); *Современный русский язык* (Lekant, 2001); *Mluvnice češtiny 3 – Skladba* (1987); *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским* (Flídrová, Žaža, 2005); *Складба spisovné češtiny* (Grepl, Karlík, 1986); *Základy české skladby* (Kopečný, 1962); *Русский синтаксис в сопоставлении с чешским* (Kubík a kol., 1982); *Синтаксические отношения и члены предложения* (Mrázek, 1961); *Novočeská skladba* (Šmilauer, 1966). In the description, emphasis is made on differences in understanding and use of terms of *синтаксические отношения*, *синтаксические связи*, *подчинительная связь* (and others) and their Czech equivalents.

The fourth chapter deals with terminology with the basic term *Член предложения* based on the material of *Грамматика русского языка 2 тт.* (AG-54, 1954); *Современный русский язык* (Lekant, 2001); *Синтаксис русского языка в сопоставлении с словацким* (Svetlík, 1970); *Русская грамматика 1, 2* (Barnetová, Běličová-Křížková a kol., 1979); *Mluvnice češtiny 3 – Skladba* (1987); *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским* (Flídrová, Žaža, 2005); *Складба spisovné češtiny* (Grepl, Karlík, 1986); *Základy české skladby* (Kopečný, 1962); *Русский синтаксис в сопоставлении с чешским* (Kubík a kol., 1982); *Синтаксические отношения и члены предложения* (Mrázek, 1961). Terms have

been described and compared, meaning traditionally singled out members of the sentence (*главные члены предложения: подлежащее, сказуемое, единый главный член; второстепенные члены предложения: определение, дополнение, обстоятельство*) and not generally accepted ones (*дуплексив, семантический субъект*). The most important differences are fixed in the volume of values of some compared terms.

In the Russian syntactic tradition, *словосочетание* is understood, rather than in the Czech language, beyond phrase stand combinations of words, connected by a coherent connection, and combinations of the subject with the predicate. Czech Russianists follow, rather, the Czech syntactic tradition, including in the number of word combinations syntactic constructions built on a coherent and predicative connection.

The question of syntactic relations and syntactic link is terminologically complex and confusing.

Linguists do not often distinguish these two terms, which leads to misunderstanding. It is necessary to distinguish them consistently; the main thing in syntactic relations is the expressed semantics, the formal side is accented in the syntactic connection. Within the framework of subordinate connections, it is usually said about coordination, transitivity, and adjacency. In the classification of syntactic relations there is no such unanimity. Vinogradov does not give a detailed classification of syntactic relations, he mentions predicative relations, but takes them beyond the word combination, and speaks a little about attributive or determinative relations. Lecant considers 3 basic types of syntactic relations: *атрибутивные, объектные, обстоятельственные* and 2 additional (*субъектные и комплетивные*). Kubík, within the framework of subordinate relations, distinguishes *предикация* and *детерминация* (*атрибутивная, объектная, обстоятельственная детерминация*), and also believes that a combination of a predicative and deterministic relation is possible. Flídrová singles out *координация* (*сочинение*) and *детерминация* (*подчинение*), *предикация* is regarded as a special type of determination. Šmilauer describes 5 types of relations: *přisuzování* (*predikace*), *určování* (*determinace*), *přístavek* (*apozice*), *přřadování* (*koordinace*), *vsouvání* (*parenteze*).

Grepl and Karlík sing out the composition and submission, they use the terms *subordinační vztah / subordinace / podřadování; koordinační vztah / koordinace / přřadování* for this purpose.

Principal differences are encountered in the consideration of the main members of the sentence in a one-member and two-member sentences. Not all analyzed grammars distinguish the main members of the two-member and the main members of the one-member sentence.

It was not possible to reveal a regularity when distinguishing / not distinguishing the main members of a two-member and one-member sentence (it

does not depend on the national syntactic school; it is not related to the time of writing). The main members of a one-member sentence can be called 1) as the main members of a two-member sentence (*subject, predicate*); 2) the special term is the single principal term of the sentence; 3) the term *предикат*, which is understood as the predicate of the two-member sentence, and the single principal member of one-member sentence, and the term *пřísudek*.

Important differences were revealed in the analysis of the modifier of the supplement. Czech Bohemians believe that the object can spread the verb and the adjective. Czech Russianists believe that the object can refer to a verb, an adjective and a predicative adverb (predicative). In the Russian grammatical tradition, the object can refer to the noun. The difference in the approach to the definition of an object is manifested not only in the semantic scope of this concept, but also in terms of terminology: in the works of Russian and Czech Russianists – in contrast to the works of Czech Bohemians – derivative terms derived from the basic term *дополнение* (e. g. *приглагольное дополнение, приадъективное дополнение, присубстантивное дополнение*).

In the rendering of adverbs as a secondary member of the sentence, the similarities between the Russian and Czech syntactic schools are more apparent. However, in the works of Czech Russianists, detailed classifications of the types of adverbs are presented in terms of the meaning expressed, the authors, highlighting the adverbs that are traditional for the Czech syntactic school, use Russian terms not specific to the description of the Russian adverb, for example, *обстоятельства сопутствующего действия, обстоятельства трассы, обстоятельства временной продолжительности, обстоятельства орудия и средства* and so on. Part of these adverbs in the Russian grammatical tradition is considered as an adverbial modifier of manner, some as an indirect object.

While analyzing the modifier as a secondary member of the sentence, it was revealed that some linguists consider the appositive to be a kind of modifier, others consider the appositive as a separate independent secondary member of the sentence. Czech Russianists also distinguish a special type of modifier – a modifier without agreement; similar cases are described in the Russian syntactic tradition as an inconsistent modifier.

The main difference is the allocation of members of the sentence that are recognized not by everyone. Such members of the sentence stand out in the Czech syntactic tradition, this is *семантический субъект, дуплексив* etc.

Also, minor differences were noted regarding the form of terms, e.g. the Russian term *синтагма* – the feminine gender, the Czech term *syntagma* of the neuter gender, the Russian term *синтаксические отношения* – Pl. Tant, its Czech equivalent *syntaktický vztah* can be used both in singular and plural.

In Russian syntactic terminology, preference is given to terms with more transparent motivation: *словосочетание, подлежащее, сказуемое, определение*. Czech and Slovak Russianists in the choice of terms often follow the Russian grammatical tradition, they use the terms *подлежащее, определение, управление, согласование*, sometimes are used terms with foreign root (Flídrová, Žaža – *предикат*, Svetlík – *синтаagma* etc.). Czech Bohemians, as a rule, indicate a foreign term and its equivalent with the Czech root: *podmět – subjekt, přívlastek – atribut, shoda – kongruence*, etc.

The development of syntactic science leads to 1) the emergence of new terms for describing existing linguistic facts, 2) rethinking the established terms and changing their meanings. The deep theoretical study of individual syntactic phenomena and categories reveals their complexity, heterogeneity and leads to the development of ideas of syncretism. Traditional classifications (e. g. the division of the secondary members of the sentence into object, modifier, adverb; the delineation of strong and weak transitivity, abutting) are blurred, a clear boundary between the classified objects is lost. Introduction to the use of new syntactic terms leads to a change in the whole system, to a change in the boundaries of individual concepts, the scope of the meaning of other terms varies.

I hope that comparative analysis of the chosen syntactic terms will help avoid interference in the study of Russian and Czech languages and in the translation of scientific and educational texts. It is assumed that work on comparative description and analysis of Russian and Czech syntactic terminology will be continued. Received data and collected card-file can be used in teaching of Russian syntax to Czech students, Czech syntax to Russian students, and for creating a dictionary of Russian and Czech syntactic terms for Russian specialists and Bohemians.

RESUMÉ

Syntaktické termíny v ruštině a češtině: komparativní pohled (na základě vybraných termínů)

Syntaktická terminologie současné ruštiny a češtiny je plně rozvinutá a rozmanitá jak z hlediska kvantity, tak z hlediska kvality. Během dvacátého století vzniklo mnoho nových syntaktických termínů. Na druhou stranu se tradičně známé pojmy často používají v nových, nekonvenčních významech. Proto je nezbytné a také aktuální ruskou a českou syntaktickou terminologii popsat a porovnat.

V posledních dvou desetiletích se v Rusku zájem o jazykovou terminologii celkově zvýšil a objevily se nové teoretické práce. V České republice se upřednostňuje práce terminografická, díky níž se připravují nové terminologické slovníky.

Cílem této práce je komparativní analýza vybraných ruských a českých syntaktických termínů. Vymezili jsme tři terminologické okruhy: *Slovní spojení / Syntagma*; *Syntaktické vztahy a prostředky jejich vyjadřování*; *Větné členy*, protože tyto termíny patří mezi nejpoužívanější termíny, na které při studiu ruštiny a češtiny narazíme. Termíny jsme excerpovali z populárních mluvnic a učebnic.

Metodická báze výzkumu

1. Deskriptivní metoda, pomocí které popisujeme strukturu a sémantiku termínů.

2. Srovnávací (komparativní) metoda umožňuje odhalit specifika ruské a české syntaktické terminologie.

Práce se skládá z úvodu, čtyř kapitol, ruského a českého resumé, seznamu použité literatury a zdrojů.

Úvod prezentuje cíle a konkrétní úkoly, problematiku výzkumu, jeho metody a metodiku, popisuje předmět a objekt výzkumu, charakterizuje vědeckou aktuálnost práce, její význam a inovativnost.

První kapitola je věnována obecným otázkám terminologie. Zkoumají se dějiny ruské a české terminologie jako vědy, principy a úkoly komparativní terminologie, jsou vymezeny nevyřešené problémy současné terminologie, tedy otázka vlastnosti termínu, komplikace při rozlišování synonymických termínů a variantních termínů. Během výzkumu vyšly najevo některé rozdíly v přístupu ruských a českých terminologů. Rozdíly spočívají nejen v terminologickém aparátu samotné vědy, ale i v různých požadavcích na termíny.

Pokusili jsme se vyřešit otázku, jestli se liší význam termínů *терминология* a *терминсистема*. Část lingvistů je používá jako synonyma, ale někteří si myslí, že *терминология* je na rozdíl od *терминсистемы* vědomě uspořádaná. Abychom se vyhnuli nedorozumění, doporučujeme užívání termínu *упорядоченная терминология*.

Druhá kapitola analyzuje termín *Словосочетание* v pracích ruských a českých rusistů a českých bohemistů. Zkoumá se význam a užívání termínů *словосочетание*, *синтаagma* a jejich českých ekvivalentů v mluvnicích a učebnicích ruštiny a češtiny *Грамматика русского языка 2 тт.* (AG-54, 1954); *Современный русский язык* (Lekant, 2001); *Синтаксис русского языка в сопоставлении с словацким* (Svetlík, 1970); *Několik poznámek o pojmech slovní spojení, větná dvojice a syntagma* (Bauer, 1952); *Mluvnice češtiny 3 – Skladba* (1987); *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским* (Flídrová, Žaža, 2005); *Skladba spisovné češtiny* (Grepl, Karlík, 1986); *Русский синтаксис в сопоставлении с чешским* (Kubík a kol., 1982) s přihlédnutím k terminologickým slovníkům.

Třetí kapitola se věnuje komparativní analýze skupiny termínů, které jsou spojené se syntaktickými vztahy a prostředky jejich vyjádření. Popisují se termíny, které používají autoři těchto mluvnic a učebnic: *Грамматика русского языка 2 тт.* (AG-54, 1954); *Современный русский язык* (Lekant, 2001); *Mluvnice češtiny 3 – Skladba.* (1987); *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским* (Flídrová, Žaža, 2005); *Skladba spisovné češtiny* (Grepl, Karlík, 1986); *Зáklady české skladby* (Kopečný, 1962); *Русский синтаксис в сопоставлении с чешским* (Kubík a kol., 1982); *Синтаксические отношения и члены предложения* (Mrázek, 1961), *Novočeská skladba* (Šmilauer, 1966). V popisu se klade důraz na rozdíly v chápání a používání termínů *синтаксические отношения*, *синтаксические связи*, *подчинительная связь* (a jiné) a jejich českých ekvivalentů.

Čtvrtá kapitola je věnována skupině termínů, které nazývají větné členy. Termíny jsou excerpovány z knih a článků *Грамматика русского языка 2 тт.* (AG-54, 1954); *Современный русский язык* (Lekant, 2001); *Синтаксис русского языка в сопоставлении с словацким* (Svetlík, 1970); *Русская грамматика 1, 2.* (Barnetová, Běličová-Křížková a kol., 1979); *Mluvnice češtiny 3 – Skladba.* (1987);

Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским (Flídrová, Žaža, 2005); *Skladba spisovné češtiny* (Grepel, Karlík, 1986); *Základy české skladby* (Kopečný, 1962); *Русский синтаксис в сопоставлении с чешским* (Kubík a kol., 1982); *Синтаксические отношения и члены предложения* (Mrázek, 1961). Konfrontační analýze podlehly termíny, které označují jak tradiční větné členy (*podmět, přísudek, jediný hlavní větný člen, přívlastek, předmět, příslovecné určení*), tak zvláštní termíny (*doplňěk, sémantický subjekt, komplement*).

Nejdůležitější rozdíly se dají vysledovat v rozsahu významů vybraných porovnávaných termínů.

V ruské syntaktické tradici se slovní spojení chápe úžeji než v české, do slovních spojení nepatří taková spojení, která jsou postavena na koordinačním vztahu a také spojení podmětu s přísudkem. Čeští rusisté následují v tomto smyslu českou syntaktickou tradici a zahrnují do slovních spojení syntaktické konstrukce s koordinačním a predikativním vztahem.

Jako terminologicky složitá a komplikovaná se jeví otázka termínů *синтаксические связи* a *синтаксические отношения*. Lingvisté tyto termíny ne vždy rozlišují, což vede k nedorozumění. Je potřeba je důsledně oddělovat, protože u prvního termínu se zdůrazňuje formální stránka, u druhého se klade důraz na vyjádřenou sémantiku. V rámci prostředků vyjádření syntaktických vztahů se běžně mluví o *shodě, řízenosti a přimykání*. Ale když se to týká syntaktických vztahů, už to není tak jednotné. Vinogradov neuvádí podrobnou klasifikaci syntaktických vztahů, pouze se zmiňuje o predikačním vztahu (upozorňuje, že se vyskytují pouze ve větě, nikoli ve slovním spojení) a o atributivním vztahu. Lekant píše o třech základních druzích syntaktických vztahů (*атрибутивные, объектные, обстоятельственные*) a dvou dodatečných (*субъектные и комплетивные*). M. Kubík za druhy podřadování pokládá *predikaci* a *determinaci* (*атрибутивная, объектная, обстоятельственная детерминация*) a říká, že je možná kombinace těchto dvou vztahů. H. Flídrová a S. Žaža dělí syntaktické vztahy na *koordinaci* a *determinaci*, predikace je podle něj zvláštním druhem determinace. V. Šmilauer nazývá 5 druhů syntaktických vztahů, mezi než řadí *přisuzování* (*predikace*), *určování* (*determinace*), *přístavek* (*apozice*), *přřadování* (*koordinace*), *usouvání* (*parenteze*). M. Grepel a P. Karlík píší o *podřadování* a *přřadování*, používají k tomu synonymické termíny *subordinační vztah / subordinace / podřadování*; *koordinační vztah / koordinace / přřadování*.

Na zásadní rozdíly u popisu hlavních větných členů narážíme ve dvojčlenné a jednočlenné větě. Některé mluvnické nerozlišují hlavní větné členy dvojčlenné věty a hlavní větný člen jednočlenné věty. Nepodařilo se najít žádnou zákonitost, s čím je jejich rozlišování/nerozlišování spojeno (nezáleží to na národní syntaktické tradici, nezáleží to ani na období, ze kterého pochází ta či ona mluvnice). Hlavní větné členy mohou být označené:1) jako hlavní větné členy dvojčlenné

věty; 2) zvláštním termínem *единый главный член предложения*; 3) termínem *предикат*, kterým se rozumí *сказуемое двусоставного предложения*, a také *единый главный член односоставного предложения*, nebo termínem *присудек*.

Důležité rozdíly se objevily při porovnání definice *предмета*. Čeští bohemisté předpokládají, že předmět může rozvíjet pouze sloveso a přídavné jméno. Čeští rusisté pak mají za to, že předmět kromě slovesa a přídavného jména rozvíjí také predikativní adverbia. V ruské mluvnické tradici se počítá s tím, že předmět rozvíjí také podstatné jméno. Rozdíl v chápání předmětu se projevuje nejen na úrovni rozsahu významu, ale také terminologicky: v pracích ruských a českých rusistů – na rozdíl od českých bohemistů – najdeme derivační termíny k základnímu termínu *дополнение* (*приглагольное дополнение, приадъективное дополнение, присубстантивное дополнение*).

V chápání příslovečného určení najdeme mezi ruskou a českou tradicí velkou shodu. Ale v pracích českých rusistů narazíme na podrobné a rozsáhlé klasifikace druhů adverbialie podle významu, autoři vymezují adverbialie, která jsou tradiční pro českou syntaktickou tradici a používají termíny netypické pro popis příslovečného určení v ruštině, např. *обстоятельства сопутствующего действия, обстоятельства трассы, обстоятельства временной продолжительности, обстоятельства орудия и средства* aj.

Během analýzy přívlastku jako rozvíjejícího větného členu bylo zjištěno, že někteří lingvisté pokládají apozici za zvláštní druh přívlastku, někteří ji naopak řadí k rozvíjejícím větným členům. Čeští rusisté také vymezují jeden zvláštní druh přívlastku, a to přívlastek beze shody. Takové případy v ruské syntaktické tradici spadají do kategorie neshodného přívlastku.

Zásadním rozdílem je vymezení nových, ne všemi uznávaných, větných členů. Pro ruskou syntaktickou tradici nejsou typické. Ze zkoumaných mluvnic a učebnic jsme vybrali dva nové větné členy: *дуплексив, семантический субъект*.

Také byly zaznamenány drobné rozdíly, které se týkaly formální stránky, např. ruský termín *синтагма* je ženského rodu, český termín *синтагма* rodu středního, ruskému termínu *синтаксические отношения* v Pl. Tant. odpovídá český ekvivalent *синтаксický vztah*, který se dá použít v jednotném i množném čísle.

Ruská syntaktická tradice upřednostňuje termíny se zjevnější motivací (*словосочетание, дополнение* aj.), čeští a slovenští rusisté se při výběru termínů řídí spíše ruskou mluvnickou tradicí, používají termíny *подлежащее, определение, управление, согласование*, ale také používají termíny mezinárodního původu (H. Flídrová, S. Žaža – *предикат*, J. Svetlík – *синтагма* aj.). Čeští bohemisté zpravidla uvádějí český termín a jeho mezinárodní ekvivalent (*podmět – subjekt, přívlastek – atribut, shoda – kongruence* aj.).

Rozvoj syntaxe jako vědy má za výsledek, že 1) vznikají nové termíny pro označení již existujících jazykových faktů, 2) mohou být přehodnoceny běžně

používané termíny, proto se jejich význam mění. Podrobná analýza jednotlivých syntaktických jevů a kategorií poukazuje na jejich složitost a různorodost a přispívá k rozvoji synkretických teorií. Tradiční klasifikace (vymezení u rozvíjejících větných členů předmětu, přívlastku a příslovečného určení, dělení řízenosti na silnou a slabou) ztrácejí přesné hranice a stírají se mezníky mezi klasifikovanými objekty. Po zavedení nových termínů se mohou změnit hranice jednotlivých pojmů, rozsah významu jiných termínů a celý terminologický systém.

Doufáme, že komparativní analýza vybraných syntaktických termínů pomůže zamezit interferenci ve studiu ruštiny a češtiny a v překladu vědeckých textů.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники:

- BARNETOVÁ, V. – BĚLIČOVÁ-KŘÍŽKOVÁ, H. – LEŠKA, O. – SKOUMALOVÁ, Z. – STRAKOVÁ, V., 1979. *Ruskaja gramatika 1, 2*. Praha: Academia.
- BAUER, J., 1952. Několik poznámek o pojmech slovní spojení, větná dvojice a syntagma. In: *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity*. A, Řada jazykovědná. vol. 1, iss. A1, s. 26–57.
- DANEŠ, F. – HLAVSA, Z. – GREPL, M., 1987. *Mluvnice češtiny 3 – Skladba*. Praha: Academia. ISBN 8655 21-029-88.
- FLÍDROVÁ, H. – ŽAŽA, S., 2005. *Sintaksis ruského jazyka v сопоставлении s českým*. Olomouc: Univerzita Palackého. ISBN 80-244-1104-0.
- GREPL, M. – KARLÍK, P., 1986. *Skladba spisovné češtiny*. Praha: SPN. ISBN 80-210-0168-2. *Grammatika ruského jazyka*, 2 tt. Pod red. V. V. Vinogradova, JE. S. Istrinoy, 1954. Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- KOPEČNÝ, F., 1962. *Základy české skladby*. Vyd. 2., přeprac. Praha: SPN. Učebnice vysokých škol.
- KUBÍK, M. a kol., 1982. *Ruskij sintaksis v сопоставлении s českým*. Praha: SPN. Učebnice pro vysoké školy.
- MRÁZEK, R., 1958. Problema skazujemogo i jego klassifikacii (na materiale ruskogo i češského jazykov). In: *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity*. A, Řada jazykovědná. vol. 7, iss. A6, s. [10]-34.
- MRÁZEK, R., 1961. Sintaksičeskije otnošenija i členy predloženiija. In: *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity*. A, Řada jazykovědná. vol. 10, iss. A9, s. [47]-60.
- LEKANT, P. A. – KLOBUKOV, E. V. – MARKELOVA, T. V. – MONINA, T. S. – SAMSONOV, N. B., 2001. *Sovremennyyj ruskij jazyk*. Učebnoje posobie dlja studentov učreždenij srednego professional'nogo obrazovanija pedagogičeskogo profilja. Pod redakcijej P. A. Lekanta. Moskva: Drofa. ISBN 5-7107-3592-2.
- SVETLIK, J., 1970. *Sintaksis ruského jazyka v сопоставлении s slovackim*. Bratislava: SPN.
- ŠMILAUER, V., 1966. *Novočeská skladba*. Praha: SPN.

Литература на русском языке:

- ADOV, A. I., 2008. Podležáčseje – skazujemoje vs sub'jekt – predikat. *Vestník Taganrogskogo instituta im. A. P. Čechova. Gumanitarnyje nauki. Special'nyj vypusk 1*, s. 7–11. ISSN 2225-501X.
- ANDREJEVA, L. S., 2003. Sopostavitel'noje izučeniije pol'skogo i ruskogo jazykov v naučnom nasledii Boduèna de Kurtenè. In: *Materialy Vserossijskoj konferencii «Sopostavitel'naja filologija i polilingvizm»*. Kazan': Kazanskij pedagogičeskij universitet, s. 2–82. ISBN 5-98180-007-0.
- VERBUCH, K. J., 1986. Terminologičeskaja variantnost': teoretičeskij i prikladnoj aspekt. *Voprosy jazykoznanija*, iss. 6, s. 45–46.
- BABAJCEVA, V. V. – MAKSIMOV, L. J., 1987. *Sovremennyyj ruskij jazyk*. Učebnik dlja stu-

- dentov ped. in-tov po spec. 2101 «Rus. jaz. i lit.» V 3 č. Č. 3. Sintaksis. Puntuacija. 2-je izd., pererab. Moskva: Prosvješćenije.
- BERGER, O., 2019. Ispol'zovanije sopostavitel'nogo analiza sintaksičeskoj terminologii v prepodavanii (na materiale russkogo i češkogo jazykov). In Urazbekova, A. *Vestnik Sovremennyj russkij jazyk: funkcionirovanije i problemy prepodavanija*. Budapešt: BUDAPEST RKC-OKK. s. 33–37. ISSN 1788-9502.
- BERGER, O., 2014. K voprosu opredelenija i vydelenija termina v russkoj terminologičeskoj tradicii. In Przybylski, Michal; Šaur, Josef a kolektiv. *Mladá slavistika: současné trendy ve výzkumu slovanských literatur, jazyků a kultur*. 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita. s. 37–52. ISBN 978-80-210-7490-3.
- BRANDNER, A., 2006. K problematike sostavlenija dvujazyčnogo terminologičeskogo slovarja. In: *Frankfurt am Main, Das Russische in zweisprachigen Wörterbüchern*. Internationale Fachtagung, Magdeburg, 18.-22.5.2005, s. 365-372. ISBN 3-631-55244-0.
- BRANDNER, A., 2013. Jazykovoje nasledije XVII veka v russkom literaturnom jazyke novogo vremeni. *Slavia: časopis pro slovanskou filologii*, Praha, Slovanský ústav AV ČR. ISSN 0037-6736.
- CITKINA, F. A., 1988. *Terminologija i perevod (k osnovam sopostavitel'nogo terminovedenija)*. L'vov: PO «Višča škola». ISBN 5-11-000558-3.
- DANILENKO, V. P., 1977. *Russkaja terminologija. Opyt lingvističeskogo opisanija*. Moskva: Nauka.
- DANILENKO, V. P. – SKVORCOV, L. I., 1981. Lingvističeskije problemy uporjadočeniya naučno-techničeskoj terminologii. *Voprosy jazykoznanija*, iss. 1, s. 7–16.
- FLIDROVA, G., 2016. Vozmožnosti primenenija teorii grammatičeskogo sinkretizma v češskoj lingvističeskoj rusistike. *Novaja rusistika*, vol. 9, iss. 2, s. 67–76. ISSN 1803-4950.
- FORTUNATOV, F. F., 1957. *O prepodavanii grammatiki russkogo jazyka v srednej škole*. Izbrannye trudy, t. 2. Moskva: Učpedgiz.
- GOLOVIN, B. N. – KOBRIN, R. J., 1987. *Lingvističeskije osnovy učenija o terminach*. Moskva: Vysšaja škola.
- GRINEV, S. V., 1993. *Vvedenije v terminovedenije*. Učebnoje posobije. Moskva: Moskovskij licej. ISBN 5-88564-052-1.
- GRINEV, S. V., 2001. *Istoričeskij sistematizirovannij slovar' terminov terminovedenija: učeb. posobije*. Moskva: Sputnik.
- IKONNIKOVA, V. A., 2014. *Vozniknovenije i razvitije kul'turnogo komponenta v anglojazyčnoj juridičeskoj terminologii (na materiale terminosistem Anglii, Šotlandii i SŠA)*. Dissertacija na soiskanje učenog stepeni doktora filologičeskich nauk. Moskva.
- KANDELAKI, T. L., 1977. *Semantika i motivirovannost' terminov*. Moskva: Nauka.
- KAPANADZE, L. A., 1965. O ponjatii «termin» i «terminologija». In: *Razvitije leksiki sovremennogo russkogo jazyka*. Moskva: Nauka.
- KIJAK, T. R., 1989. *Lingvističeskije aspekty terminovedenija*. Kijev: UMK VO.
- KOBRIN, R. JU., 1997. Opredelenije diferencial'nych semantiko-grammatičeskich priznakov terminov. In: *Termin i slovo: Mežvuzovskij sbornik*. Nižnij Novgorod: Nižgorodskij un-t, s. 34–41.
- KODUCHOV, V. I., 1974. *Obščee jazykoznanije*. Moskva: Vysšaja škola.
- KOMAROVA, Z. I., 1991. *Semantičeskaja struktura special'nogo slova i jeje leksikografičeskoje opisanije*. Sverdlovsk: Izd-vo Ural, un-ta.
- KORNEJČUK, JU. V., 2012. *Strukturnaja charakteristika sintaksičeskoj terminologii v rossij-*

- skich grammatikach konca XVIII – prvoj poloviny XIX veka*. Avtoreferat na soiskanje učenog stepeni kandidat filološkičkih nauk, Omsk: Izdatel'stvo UGPU.
- KORNEJČUK, JU. V., 2015. Razvitije ruskoj sintaksičkoj terminologii v «Ruskoj grammatike» A. Ch. Vostokova. In: *Novoje v nauke: sovremennye problemy i tendencii. Materialy Meždunarodnoj (zaočnoj) naučno-praktičeskoj konferencii*. Neftekamsk RIO OOO «Nauka i obrazovanie», s. 48–50.
- KOSOVA, M. V., 2004. Terminologizacija kak leksiko-semantičkoj process. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, iss. 2, s. 42–48. ISSN 1814-6457.
- KOTELOVA, N. Z., 1970. K voprosu o specifikke termina. In: *Lingvističkoj probleme naučno-techničeskoj terminologii*. Moskva: Nauka.
- KULIKOVA, I. S. – SALMINA, D. V., 2002. *Vvedenije v metalingvistiku: sistennyj, leksikografičkoj i komunikativno-pragmatičeskoj aspekty lingvističkoj terminologii*. Sankt-Peterburg: Saga. ISBN 5-901609-06-9.
- LAVROVA, N. N., 1979. Antonimija lingvističkoj terminov. In: *Termin i slovo*. Gor'kij, Izd. GGU im. N. I. Lobačevskogo, s. 54–66.
- LAVROVA, N. N., 1981. Zametki o polisemii lingvističkoj terminov. In: *Termin i slovo*. Gor'kij, Izdatel'stvo GGU im. N. I. Lobačevskogo, 1981, s. 45-52.
- LEMOV, A. V., 2000. *Sistema, struktura i funkcionirovanije naučnoj termina (na materiale ruskoj lingvističkoj terminologii)*. Saransk: Izdatel'stvo Mordov. un-ta. ISBN 5-7103-0498-0.
- LEJČIK, V. M., 1983. Novoje v sovetskoj nauke o terminach (obzor tematičkoj sbornikov IRJA AN SSSR). *Voprosy jazykoznanija*, iss. 5, s. 118–127.
- LEJČIK, V. M., 2006. *Terminovedenije: Predmet, metody, struktura*. Moskva: KomKniga, URSS. ISBN 978-5-397-00486-2.
- LIPATOV, A. T., 1993. Metajazyk lingvistiki i metataksonomija lingvističkoj terminov. In: *Mežvuzovskij sbornik naučnoj trudov*, Nižegorodskij gos. Universitet im. N. I. Lobačevskogo. s. 3-19. ISBN 5-230-04231-1.
- LOMTEV, T. P., 2007. *Predloženie i jego grammatičeskoj kategorii*. 3-je izd. Moskva: Izd-vo LKI. ISBN 978-5-382-00130-2.
- LOMTEV, T. P., 1958. *Osnovy sintaksisa russkogo jazyka*. Moskva: Učpedgiz.
- MARČUK, JU. N., 2007. *Komp'juternaja lingvistika*. Moskva, ACT: Vostok-Zapad. ISBN 978-5-17-039480-7, 978-5-478-00383-8.
- MEČKOVSKAJA, N. B., 1975. Principy istoričeskogo izučenija terminologii. In: *Metody izučenija leksiki*. Minsk: Izd-vo Belorusskogo gos. un-ta, s. 200–214.
- MEČKOVSKAJA, N. B., 1984. *Rannije vostočnoslavjanskije grammatiki*. Minsk, Universitetskoe.
- MOISEJEV, A. I., 1970. O jazykoj prirode termina. In: *Lingvističkoj probleme naučno-techničeskoj terminologii*. Moskva: Nauka, s. 127–138.
- MOISEJEV, A. I., 1997. Russkaja lingvističkoj terminologija prvoj poloviny XIX v. i sovremennost'. In: *Termin i slovo. Mežvuzovskij sbornik, posvaščennyj 80-letiju prof. B. N. Golovina*. Nižnij Novgorod: NNGU im. N. I. Lobačevskogo, s. 32–38.
- NEMČENKO, V. N., 1985. K opredeleniju ponjatija termina kak ob'jekta leksikografičkoj opisania. In: *Terminy v jazyke i reči. Mežvuzovskij sbornik*. Gor'kij, Izd-vo GGU, s. 14–21.
- NEMČENKO, V. N., 1995. *Osnovnyje ponjatija leksikologii v terminach: Učeb. slovar'-spravočnik*. N. Novgorod: Izdatel'stvo Nižegorodskogo universiteta.
- ONIPENKO, N. K., 2001. Teorija komunikativnoj grammatiki i problemy sistemno-

- go opisaniya ruskogo sintaksisa. *Russkij jazyk v naučnom osveščanii*, iss. 2, s. 107–121. ISSN 1681-1062.
- PEŠKOVSKIJ, A. M., 1928. *Russkij sintaksis v naučnom osveščanii*. (1914–1928) Moskva, Leningrad: Gosudarstvennoje izdatel'stvo.
- POPOVA, L. V., 2012. Logiko-ponjatijnyj analiz terminosistemy kognitivnoj lingvistiki. *Omskij naučnyj vestnik* iss (112). Omsk, s. 142–144. ISSN 1813-8225.
- RAPOVA, G. I., 1976. *Problema otnošenij morfologii i sintaksisa v ruskoj grammatičeskoj tradicii XVIII – serediny XIX vv.* Avtoreferat dissertacii na soiskanije učenoj stepeni kandidata filologičeskich nauk. (10.09.19) Mosk. universitet im. M. V. Lomonosova. Filologičeskij fakul'tet. Moskva.
- REFORMATSKIJ, A. A., 1961. Čto takoe termin i terminologija? In: *Voprosy terminologii: Materialy Vsesojuznogo terminologičeskogo soveščanija*. Moskva: AN SSSR, s. 46–54.
- REFORMATSKIJ, A. A., 1987. O sopostavitel'nom metode. In: *Lingvistika i poëtika*. Moskva: Nauka, s. 40–52.
- RYLOV, S. A., 1996. Sintaksičeskaja koncepcija B. N. Golovina: tradicii i novatorstvo. In: *Aktual'nyje problemy stilelogii i terminovedenija*. N. Novgorod, NNGU im. N. I Lobačevskogo, s. 180–186.
- SEN'KO, J. V., 1994. *Innovacii v sovremennom ruskom jazyke*, Vladikavkaz: IR. ISBN 5-7534-0569-X.
- SERGEVNINA, V. M., 1981. Terminovedenije i metodika prepodavanija inostrannogo jazyka. In: *Termin i slovo*. Gor'kij: izd. GGU im. N. I. Lobačevskogo, s. 60–67.
- SLOVAK, V., 2018. Vklad teorii grammatičeskogo sinkretizma v opisanije sintaksičeskogo urovnja jazyka (na materiale ruskogo i češkogo jazykov). *Novaja rusistika*, vol. 11, iss. 1, s. 27–38. ISSN 1803-4950.
- SKOBLIKOVA, J. S., 1971. *Soglasovanije i upravljenje v ruskom jazyke*. Moskva: Prosveščeniye.
- SUPERANSKAJA, A. B. – PODOL'SKAJA, N. V. – VASIL'JEVA N. V., 2003. *Obščaja terminologija: Voprosy teorii*. – Moskva: URSS. ISBN 5-354-00054-8.
- TABANAKOVA, V. D., 1982. Ponjatie naučno-techničeskogo termina i trebovanija k ego opredeleniju. In: *Termin i slovo: Mežvuzovskij sbornik*. Gor'kij, s. 24–28.
- ŠACHMATOV, A. A., 2001. *Sintaksis ruskogo jazyka*. Moskva: Ėditorial URSS. ISBN 5-8360-0263-0.
- ŠELOV, S. D., 2003. *Termin. Terminologičnost'. Terminologičeskije opredelenija*. Sankt-Peterburg: Filologičeskij fakul'tet SpbGU. ISBN 5-8465-0093-5.
- ŠELOV, S. D., 2014. O variativnosti i sinonimii v terminologii. *Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija literatury i jazyka*. 73 (2014) iss. 5, s. 3-17.
- ŠMELEV, D. N., 1976. *Sintaksičeskaja členimost' vyskazyvanija v sovremennom ruskom jazyke*. Moskva: Nauka.
- TATARINOV, V. A., 1999. Terminovedenije v Rossii: na podstupach k novoj paradigme. In: *Slupskie prace humanistyczne*. – T. 18. – Wyzsza szkoła pedagogiczna Slupsk, s. 209–217. ISSN 0208-7251.
- TKAČEVA, L. B., 1987. *Osnovnyje zakonomernosti anglijskoj terminologii*. Tomsk; Omsk: Izdatel'stvo Tom. universiteta.
- VALGINA, N. S. – ROZENTAL', D. Ė. – FOMINA M. I., 2002. *Sovremennyj russkij jazyk*: 6-je izd., pererab. i dop. Moskva: Logos. ISBN 5-940100-08-2.
- VINOKUR, G. O., 1939. O nekotorych javlenijach slovoobrazovanija v ruskoj

- techničeskoj terminologii. In: *Trudy Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury*. T. V. Sb. statej po jazykovedeniju, Moskva, s. 3-54.
- VINOGRADOV, V. V., 1977. *Izbrannye trudy. Leksikologija i leksikografija*. Moskva: Nauka.
- VINOGRADOV, V. V., 1958. *Iz istorii izučeniya ruskogo sintaksisa*. Moskva: Nauka.
- VOLODINA, M. N., 1993. *Nacional'noje i internacional'noje v processe terminologičeskoj nominacii*. Moskva: Izd-vo MGU. ISBN 5-211-03019-2.
- VOLODINA, M. N., 1997. *Teorija terminologičeskoj nominacii*. Moskva: Izd-vo MGU. ISBN 5-211-03859-2.
- Voprosy sintaksisa sovremennogo ruskogo jazyka*. Pod red. akad. V. V. Vinogradova, 1950. Moskva: Učpedgiz.
- ZOLOTOVA, G. A., 1982. *Kommunikativnyje aspekty ruskogo sintaksisa*. Moskva: Nauka.

Литература на иностранных языках:

- ADAMCOVÁ, L., 1981. *Slovotvorná a textově funkční problematika ruské elektrotechnické terminologie*. Kandidátská disertační práce. Brno: FF UJEP.
- BRANDNER, A., 2008. Vývojové tendence slovní zásoby ruštiny od poloviny 19. století. In: *Text a kontext*, Brno: Repronis Ostrava, s. 127–135. ISBN 978-80-7329-176-1.
- ČECHOVÁ, M. – KRČMOVÁ, M. – MINÁŘOVÁ, E., 2008. *Současná stylistika*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny. ISBN 9788071069614.
- ČERMÁK, F., 2011. *Jazyk a jazykověda: přehled a slovníky*. Vyd. 4., V Karolinum 2., dopl. Praha: Karolinum. ISBN 978-80-246-1946-0.
- FLÍDROVÁ, H., 2012. *Syntax ruštiny 1*. Přednášky k předmětu na UP, Olomouc.
- HAUSER, P., 1986. *Nauka o slovní zásobě*. Praha: SPN.
- HLAVSA, Z., 1986. Přístavkový vztah a popis české skladby. *Slovo a slovesnost*, vol. 47 (1986), iss. 3, s. 186–192.
- HRBÁČEK, J., 1997. K problematice syntaktických vztahů a jejich terminologie. *Naše řeč*, vol. 80 (1997), iss. 4, s. 169–177.
- JEDLIČKA, A., 1949. *Josef Jungmann a obrozenecká terminologie literárně vědná a lingvistická*. Komise I. a III. třídy České akademie věd a umění pro uctění stého výročí smrti Josefa Jungmanna, Praha.
- KOCOUREK, R., 2000. Terminologie a odborná lingvistika na přelomu století: směry, vývoj a posun cílů. In: *Sborník příspěvků z II. a III. konference TERMINA 2000*. Liberec: Galén, s. 12–30. ISBN 807262105X, 9788072621057.
- MACHOVÁ, S. Terminografie. In: *Manuál lexikografie*, Praha: H & H, 1995, s.137–157. ISBN 80-85787-23-7.
- MATHESIUS, V., 1947. *Čeština a obecný jazykozpyt*, Praha: Melantrich, 1. vyd.
- POŠTOLKOVÁ, B., 1984. *Odborná a běžná slovní zásoba současné češtiny*. Praha: Academia.
- POŠTOLKOVÁ, B. – ROUDNÝ, M. – TEJNOR, A., 1983. *O české terminologii*. Praha: Academia.
- SLOVÁK, V., 2017. Neshodný přívlastek v ruštině a češtině a problematika jeho vymezení. *Opera Slavica*. vol. 27, iss. 2, s. 31–43. ISSN 1211-7676.
- SOCHOR, K., 1955. *Příručka o českém odborném názvosloví*. Praha: CSAV.
- VEČERKA, R., 2008. *Jazyky v komparaci*. Brno: Nakladatelství Lidové noviny. ISBN 978-80-7106-575-3.
- ŽAŽA, S., 1999. *Ruština a čeština v porovnávacím pohledu*, Brno: MU. ISBN 80-210-2058-X.

Интернет-источники:

- ACHMANOVA, O. S., 2004. *Slovar' lingvističeskich terminov* [èlektronnyj resurs]. 2-e izd. Moskva: Editorial URSS [data obraščeniya 1.9.2019]. ISBN 5-354-00600-7. Režim dostupa: <https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/>
- ACHMETOVA, M. E., 2014. Otečestvennyj i zarubežnyj opyt izučeniya terminovedeniya: èvoljucija ponjatija «termin» v lingvistike [èlektronnyj resurs]. *Filologičeskije nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, iss. 8 (38): v 2 č. Č. 1, s. 22–26. [data obraščeniya 1.10.2019]. ISSN 1997-2911. Režim dostupa: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2014_8-1_04.pdf
- AVAKOVA, O. V., 2006. *Formirovanije i funkcionirovanije anglijskoj juridičeskoj terminologii v processe stanovenija gosudarstva i prava v Anglii* [èlektronnyj resurs]. Dissertacija na soiskanije učenoj stepeni kandidat nauk. Moskva [data obraščeniya 1.8.2019]. Režim dostupa: <http://uchebnikfree.com/knigi-filologiya/istoricheskaya-kulturologicheskaya-funktsiya-11248.html>
- DOSTÁL, J., 2003. Termín a jeho definice ve výkladových, terminologických a naučných slovnících a encyklopediích [èlektronnyj resurs]. *Modernizace výuky v technicky orientovaných predmetech a oborech. Dodatky*. 1. vyd. Olomouc: Votobia [data obraščeniya 20.9.2019]. ISBN 80-7198-531-7. Režim dostupa: http://mict.upol.cz/termin_a_jeho_definice.pdf
- DYMARSKIJ, M. JA., 2013. Iz istorii izučeniya sintaksičeskich otnošenij i svjazej: parataksis i gipotaksis [èlektronnyj resurs]. *Universitetskij naučnyj žurnal*. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitetskij konsorcium, iss. 4, s. 106–113 [data obraščeniya 20.9.2019]. ISSN 2222-5064. Režim dostupa: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20266062>
- GRINEV, S. V., 2017. Sopostavitel'noje terminovedeniye: sovremennoje sostojanije [èlektronnyj resurs]. *Obrazovanije*, iss. 1 [data obraščeniya 5.10.2019]. ISSN: 2076-913X. Režim dostupa: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28938435>
- Filosofskaja enciklopedija* [èlektronnyj resurs]. [data obraščeniya 20.9.2019]. Režim dostupa: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3310/%D0%A1%D0%98%D0%A1%D0%A2%D0%95%D0%9C%D0%90
- HRBÁČEK, J., 1974. Lexikální ekvivalenty, dublety a varianty [èlektronnyj resurs]. *Naše řeč*, vol. 57 (1974), iss. 1, s. 28–33 [data obraščeniya 20.9.2019]. Režim dostupa: <http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?art=>
- CHAKIMOVA, G. G., 2012. Razvitije terminologii kak otдел'noj discipliny i jeje status v sovremennom jazykoznanii [èlektronnyj resurs]. *Vestnik Baškirskogo universiteta*. Tom 17 (2) [data obraščeniya 20.9.2019]. ISSN 1998-4812. Režim dostupa: <http://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-terminologii-kak-otdelnoy-distipliny-i-ee-status-v-sovremennom-jazykoznanii>
- KAS'JANOV, V. V., 2001. *Sopostavitel'nyj analiz sovremennoj terminologii finansovoj dejatel'nosti v anglijskom i russskom jazykach* [èlektronnyj resurs]. Discjertacija na soiskanije učenoj stepeni kandidat filologičeskich nauk: 10.02.20. Moskva [data obraščeniya 30.5.2019]. Režim dostupa: <http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/sopostavitelnyj-analiz-sovremennoj-terminologii-finansovoj-dejatel'nosti-v.html>
- Lingvističeskij ènciklopedičeskij slovar'* [èlektronnyj resurs]. 1990. Moskva: Sovetskaja enciklopedija [data obraščeniya 1.9.2019]. Režim dostupa: <http://tapemark.narod.ru/les/>

- LEJČÍK, V. M., 2003. Informacija dlja vseh, kto chočet znat' jazyk vo vsem jeho bogatstve [èlektronnyj resurs]. *Žurnal Gramoty.ru*. 07.07.2003 [data obraščenija 20.9.2019]. Režim dostupa: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_409
- MAKAROVA, L. J., 2013. Trudy N. F. Košanskogo [èlektronnyj resurs]. *Russkaja reč'* [data obraščenija 20.9. 2019]. Režim dostupa: <http://naukarus.com/trudy-n-f-ko-shanskogo>
- KARLÍK, P. – NEKULA, M. – J. PLESKALOVÁ (eds.). *Nový encyklopedický slovník češtiny* [èlektronnyj resurs]. [data obraščenija 20.9.2019]. Režim dostupa: <https://www.czechency.org/>
- OPLATEK, S., 2010. *Studie o terminologii* [èlektronnyj resurs]. Rigorózní práce, Brno [data obraščenija 1.10.2019]. Režim dostupa: https://is.muni.cz/th/108957/ff_r?info=1;zpet=%2Fvyhledavani%2F%3Fsearch%3Doplatek%20agenda:th%26start%3D1
- POLOVEC, M. V. Terminologičeskije gnezda kak sposob otrazhenija sistemnosti terminologii (na primere anglojazyčnyh terminov komp'juternoj lingvodidaktiki) [èlektronnyj resurs]. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. Gercena* [data obraščenija 20.9.2019]. Režim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/terminologičeskije-gnezda-kak-sposob-otrazheniya-sistemnosti-terminologii-na-primere-angloyazyčnyh-terminov-kompyuternoy>
- ROUDNÝ, M., 1977. Z historie českých definic odborného názvu [èlektronnyj resurs]. *Slovo a slovesnost*, ročník 38, iss. 3, s. 237–240 [data obraščenija 1.10.2019]. Režim dostupa: <http://sas.ujc.cas.cz/archiv.php?art=2463>
- SLOŽENIKINA, J. V. Klassifikacii terminologičeskich variantov [èlektronnyj resurs]. *Jazyk. Slovesnost'. Kul'tura*, 2015. [data obraščenija 20.9.2019]. ISSN 2223-2273. Režim dostupa: <http://publishing-vak.ru/file/archive-philology-2015-4/3-slozhenikina.pdf>
- Sociologičeskij slovar'* [èlektronnyj resurs]. [data obraščenija 22.9.2019]. Režim dostupa: <http://enc-dic.com/sociology/Termin-9073>
- SUSOV, I. P. *Vvedenije v teoretičeskoje jazykoznanije* [èlektronnyj resurs]. [data obraščenija 20.9.2019]. Režim dostupa: http://homepages.tversu.ru/~ips/3_04.htm
- VALGINA, N. S., 2000. *Sintaksis sovremennogo russkogo jazyka* [èlektronnyj resurs]. Moskva: 30.07.2002 [data obraščenija 1.9.2019]. ISBN 5-89218-113-8. Režim dostupa: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook089/01/>
- ZIMOVAJA, M. V., 2011. *Mnogoznačnosť v terminologii* [èlektronnyj resurs]. Avtoreferat dissertacii na soiskanje učenoj stepeni kandidat filologičeskich nauk: 10.02.01, 10.02.19. Orel [data obraščenija 8.1.2020]. Režim dostupa: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/mnogoznachnost-v-terminologii.html>

Список сокращений

- вин. п. – винительный падеж
 гр. – греческий
 дат. п. – дательный падеж
 др. – другой
 ед. ч. – единственное число

им. п. – именительный падеж

инф. – инфинитив

ИЯ – исходный язык

ЛЭС, LES – Лингвистический энциклопедический словарь

МОУГН – Международная организация по унификации терминологических неологизмов

МОСТ – Международная организация специальной терминологии

мн. ч. – множественное число

пр. п. – предложный падеж

ПЯ – язык перевода

род. п. – родительный падеж

сущ. – имя существительное

ТБД – терминологическая база данных

тв. п. – творительный падеж

ФЭС – философский энциклопедический словарь

AG-54 – *Грамматика русского языка* 2 тт. Под ред. В. В. Виноградова., Е. С. Истриной. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1954.

NESČ – *Nový encyklopedický slovník češtiny*

МČЗ – DANĚŠ, F. – HLAVSA, Z. – GREPL, M.: *Mluvnice češtiny 3 – Skladba*. Praha: Academia, 1987.

Список таблиц

Таблица 1. Классификация главных членов односоставного предложения в работах разных лингвистов

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ МАСАРИКОВА УНИВЕРСИТЕТА

prof. PhDr. Jiří Hanuš, Ph.D.
doc. RNDr. Petra Bořilová Linhartová,
Ph.D., MBA
Mgr. Tereza Fojtová
doc. JUDr. Marek Fryšták, Ph.D.
Mgr. Michaela Hanousková
doc. RNDr. Petr Holub, Ph.D.
doc. Mgr. Jana Horáková, Ph.D.
prof. MUDr. Lydie Izakovičová Hollá, Ph.D.
prof. PhDr. Tomáš Janík, Ph.D., M.Ed.

prof. PhDr. Tomáš Kubíček, Ph.D.
doc. RNDr. Jaromír Leichmann, Dr.
PhDr. Alena Mizerová
doc. Ing. Petr Pirožek, Ph.D.
doc. RNDr. Lubomír Popelínský, Ph.D.
Ing. Zuzana Sajdlová, Ph.D.
Mgr. Kateřina Sedláčková, Ph.D.
prof. RNDr. Ondřej Slabý, Ph.D.
prof. PhDr. Jiří Trávníček, M.A.
doc. PhDr. Martin Vaculík, Ph.D.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МАСАРИКОВА УНИВЕРСИТЕТА

doc. PhDr. Daniel Drápala, Ph.D.
prof. Mgr. Lukáš Fasora, Ph.D.
prof. PhDr. Jiří Hanuš, Ph.D.
doc. Mgr. Jana Horáková, Ph.D.
doc. PhDr. Jana Chamonikolasová, Ph.D.
prof. Mgr. Libor Jan, Ph.D.

prof. PhDr. Jiří Kroupa, CSc.
prof. PhDr. Petr Kyloušek, CSc.
prof. Mgr. Jiří Macháček, Ph.D.
doc. Mgr. Katarina Petrovičová, Ph.D.
prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc.

Синтаксические термины в русском и чешском языках:

сопоставительный аспект

(на материале выбранных терминов)

Ольга Бергер

Издано MASARYK UNIVERSITY PRESS, 601 77 Брно, Жеротинова пл. 617/9,
в серии **Opera Facultatis philosophicae Universitatis Masarykianae**
(**Spisy Filozofické fakulty Masarykovy univerzity**) / № 507

Ответственный редактор / doc. Mgr. Jana Horáková, Ph.D.

Исполнительный редактор / doc. Mgr. Katarína Petrovičová, Ph.D.

Редактор / Mgr. Kateřina Najbrtová, Ph.D.

Помощник редактора / Mgr. Vendula Hromádková

Корректор / Mgr. Tatjana Zaňko

Графическая концепция издания и обложки / Mgr. Pavel Křepela

Верстка / Dan Šlosar

Издание первое / 2021

Тираж / 200 экземпляров

Печать / Tiskárna KNOPP, s.r.o., U Lípy 926, 549 01 Nové Město nad Metují

ISBN 978-80-210-9807-7

ISBN 978-80-210-9808-4 (online ; pdf)

ISSN 1211-3034

<https://doi.org/10.5817/CZ.MUNI.M210-9808-2021>